

ТАМЕРЛАН

ЭПОХА ЛИЧНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Москва
«ГУРАШ»
1992

Аннотация

В книге подобраны источники и исторические исследования, рассказывающие о жизни и деятельности полководца и государственного деятеля XIV-XV веков Тамерлана (Тимура):

Якубовский А. Тимур

Автобиография Тамерлана

Уложение Тимура

Гийасадин Али. Дневник похода Тимура в Индию

Клавиho Г. История великого Тамерлана

Шильтбергер И. О Тамерлане

Повесть о Темир Аксаке

Мецопский Фома. Тамерлан

Лянглэ Л Жизнь Тимура

Вамбери Г. Характеристика Тимура

Грановский Т. Тимур

Иванин М. Состояние военного искусства у среднеазиатских народов при Тимарлане

Походы Тамерлана в Грузию

Бартольд В. Царствование Тимура

Бартольд В. О погребении Тимура

Зимин Л. Подробности смерти Тимура

Герасимов М. Портрет Тамерлана

Тамерлан и Запад

«Тимуридский ренессанс»

Муминов И. Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии

Родословная Тамерлана

Якубовский А. ТИМУР ¹

Жизнь и деятельность Тимура хорошо освещены источниками письменными и вещественными. Письменные источники по преимуществу носят повествовательный характер и представляют, с одной стороны, сочинения о деятельности Тимура, составленные при его жизни или вскоре после его смерти, с другой - сочинения мемуарного характера, написанные людьми, лично его видевшими. Немалое значение среди источников имеют эпиграфические памятники - надписи на постройках и произведениях искусства, так или иначе связанные с именем Тимура. Большая часть повествовательных источников о Тимуре носит характер официозный, апологетический и отличается присущими подобной литературе чертами: пристрастием и склонностью излагать события в пользу лица, которому посвящено сочинение.

Внимательное изучение официозной историографии о Тимуре показывает, что он во время своих походов держал при себе «дабиран-и хае» (личные секретари) и «фадилян-и асп» (образованные люди эпохи) как из числа уйгурских, так и из числа персидских ученых, которым поручал описание того или иного из своих походов. Так, одни из ученых, Омар, с пышным титулом «Насир ал-хакк ва шариат ва дин», сопровождавший Тимура в его походе в Индию, написал, по его поручению, «Дневник индийского похода». Книга эта до нас не дошла. Иногда описание похода поручалось нескольким лицам. Надо думать, что в конце царствования Тимура было немало сочинений, вышедших из-под пера дабиров и образованных людей. Одним из них является в известной мере переросшее рамки простого дневника сочинение «Дневник индийского похода», составленное Гияс ад-дином Али. К сожалению, в «Дневнике» не сохранилось указаний на то, сопровождал ли Гияс ад-дин Али Тимура в его походе в Индию или он только обработал чужие записи. В сочинении имеется лишь рассказ об

¹ * Якубовский А. Ю. Тимур//Вопросы истории. 1946. № 8—9. С. 42—74.

обстоятельства написания труда. К автору, жившему в Иезде, явился один из приближенных Тимура и предложил ему составить на простом и понятном языке подробный дневник индийского похода, предпослав ему краткое изложение предшествующих войн Тимура.

Сочинение Гияс ад-дина Али было написано, как выяснил В.В. Бартольд, до 12 марта 1403 г., так как в нем упоминается о внуке Тимура Мухаммед Султане как о живом еще лице и говорится о возможности завоевания Тимуром в ближайшее время Египта и Сирии.

Сочинения, подобные дневнику Гияс ад-дина Али, и легли в основу той официозной историографии, которая дает нам главный свод фактических сведений о жизни и деятельности Тимура и представляет собой полное обозрение его политической биографии. Первое из этих сочинений, дошедших до нашего времени, - «Зафар-Намэ» («Книга побед») Низам ад-дина Шами. Из биографии Тимура, приведенной в «Зафар-Намэ», мы узнаём, что он, будучи неграмотным человеком (не умел читать ни по-персидски, ни по-турецки), являлся человеком для своего времени весьма образованным и хорошо знал историю стран мусульманского переднеазиатского мира. Тимур держал при себе личных чтецов, которые в часы досуга, дома или в походе, читали ему сочинения по интересующим его вопросам. Тимур одинаково хорошо знал турецкий и персидский, точнее, таджикский, языки и любил книги, написанные простым и понятным слогом.

Сочинение Нияз ад-дина Шами является первым по времени лишь из числа дошедших до нас. В предисловии к «Зафар-Намэ» Низам ад-дин Шами вспоминает, что в то время, когда Тимур поручил ему в 804 г.

(1401-1402) ² описать свои походы, история завоеваний Тимура была уже написана, однако последнего она не удовлетворяла.

Значение Низам ад-дина Шами в историографии Тимура выяснено уже с полной убедительностью. Низам ад-дин Шами был родом из Шама, пригорода Тебриза, почему и назывался Шами, т. е. Шамец. С Тимуром он встретился в Багдаде вскоре после завоевания города в 795 г. (1392-1393) и тогда же поступил к Тимуру на службу. Низам ад-дин Шами написал «Зафар-Намэ» простым и ясным слогом и в этом отношении

² * Здесь и далее в документах первая дата означает год Хиджры. Хиджра (араб. — переселение), переселение Мухаммеда и его приверженцев из Мекки в Медину в сентябре 622 г. При халифе Омаре I (634—644) год Хиджры объявлен началом мусульманского летоисчисления. Исходным для него принято считать 1-е число 1-го месяца (мухаррама) 622 г.— 16 июля 622 г.

вполне удовлетворял требованиям и вкусам Тимура. Коренное отличие «Зафар-Намэ» Низам ад-дина от сочинения Гияс ад-дина Али в том, что первое охватывает всю политическую деятельность Тимура. Низам ад-дин предпослал своей книге введение, рисующее состояние Средней Азии до появления на исторической арене Тимура в 1360 году. С этого года он начинает подробный рассказ. Закончил свое сочинение Низам ад-дин Шами до смерти Тимура, т.е. до 1405 года. Последняя глава «Зафар-Намэ» посвящена описанию празднеств в Карабаге Аранском (Советский Азербайджан) весной 1404 года. «Зафар-Намэ» написано на материале дневников отдельных походов, которые велись вышеупомянутыми секретарями и историографами Тимура. Издатель сочинения Гияс ад-дина Али Л.А. Зимин доказал, «что описание индийского похода у Низам ад-дина сделано целиком путем извлечений и сокращений рассказа Гияс ад-дина Али». Значение «Зафар-Намэ» Низам ад-дина Шами как источника для изучения Тимура и его времени исключительно велико. Собранный в нем свод фактического материала лег в основу всех последующих сочинений, посвященных жизни и деятельности Тимура. Несмотря на апологетический характер изложения, историку легко разобраться в том, что в его рассказе достойно доверия и что требует к себе критического отношения.

Вторым по времени крупным сочинением о Тимуре, также носящим официальный характер, является большой труд Шереф ад-дина Али Иезди под таким же названием - «Зафар-Намэ» - «Книга побед». Как показывает имя автора, он был родом из города Иезда (Западный Иран). Жил Шереф ад-дин сначала при дворе Шахруха (1405-1447), а потом при дворе его сына Ибрахим-султана, бывшего правителем Фарса. Последние годы своей жизни Шереф ад-дин Али Иезди провел в местечке Тафт, вблизи Иезда, где и умер в 1454 году.

Сочинение Шереф ад-дина Али Иезди, написанное уже после смерти Тимура, было закончено в 828 г. (1424-1425). Шереф ад-дин указывает, что начало этой работы положено было внуком Тимура Ибрахим-султаном с помощью его секретарей в г. Ширазе. Шереф ад-дин лишь литературно обработал это произведение. По-видимому, Шереф ад-дин Али Иезди сильно преувеличил роль своего покровителя в деле написания «Зафар-Намэ», что в известной мере объясняется характером отношений между царевичем-правителем и зависящим от него придворным писателем-историком. Кто бы ни был автором

второго по времени «Зафар-Намэ», в основу его он положил текст сочинения Низам ад-дина Шами, что легко проверить путем сравнения основных частей обеих книг. Чцнако у Шереф ад-дина Али Иезди приведено больше фактического материала, чем у его предшественника; объясняется это тем, что у него были дополнительные источники. Шереф ад-дин обращался не только к труду Низам ад-дина Шами, но к тем же дневникам походов, что и последний, причем извлек оттуда больше фактов, чем его предшественник.

В распоряжении Шереф ад-дина был источник, которым Низам Д-Дин Шами не пользовался совсем: хроника «Тарих-и-Хани», составленная в стихотворной форме уйгурскими секретарями, на уйгурском языке, уйгурским письмом. К сожалению, этот источник, не раз упоминаемый в восточной историографии, до нас не дошел. Черпал сведения Шереф ад-дин Али Иезди также у отдельных участников походов Тимура, в рассказах которых было немало деталей, совершенно отсутствующих в упомянутых выше дневниках.

Труд Шереф ад-дина, включающий много новых по сравнению с трудом Низам ад-дина фактов из жизни Тимура, касающихся, правда, деталей, имеет и больше недочетов. Мы имеем в виду прежде всего стиль его труда: «Зафар-Намэ» написано языком пышным и витиеватым, так насыщено фразеологией, что часто страницу рассказа можно свести к нескольким строчкам. Прозаическое изложение пересыпано стихами, в подавляющем большинстве принадлежащими самому Шереф ад-дину. В еще большей мере, чем его предшественник, Шереф ад-дин является апологетом Тимура. Автор везде, где только возможно, восторгается Тимуром, старается показать, что поступки его вызывались благородством его побуждений и являлись плодом его глубокой мысли. В тех случаях, когда, как во время «грязевой битвы» 1365 г. на берегу р. Чирчика, Тимур вместе с эмиром Хусейном были полностью разбиты, Шереф ад-дин целиком перелагает вину на сподвижника Тимура, старшего эмира Хусейна. Даже такие жестокие поступки Тимура, как истребление по его приказанию населения в восставшем Исфагане в 1387 г. или убийство 100 тыс. пленных перед сражением в Индии с дехлевийским султаном Махмудом, находят у Шереф ад-дина полное оправдание. Впрочем, так яге высказывается по этим вопросам и другой историограф Тимура - Низам ад-дин Шами.

Как образец хвалебного тона изложения позволим себе привести несколько строк из сочинения Шереф ад-дина Али Иезди. Описывая

свое впечатление от соборной мечети Тимура, выстроенной последним в годы 1399-1404 на средства, награбленные во время индийского похода, автор восклицает: «Если ты ищешь сравнения для арки и купола ее макуры, ничего нельзя сказать, кроме как - млечный путь и небесный свод. Купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением, и единственной была бы арка, если бы млечный путь не оказался ей парой».

В этих строках восхваление Тимура переходит всякие границы. Трудно себе представить, как мог правоверный мусульманин сказать: «Купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением» вместо «Купол был бы единственным, если бы не был повторением неба». В апологетике Шереф ад-дина Али Иезди разобраться нетрудно, и историку легко критиковать «Зафар-Намэ» как исторический источник. К «Зафар-Намэ» написано обширное предисловие - «Мукад-дамэ», однако до сих пор нет уверенности, что автором его является Шереф ад-дин Али Иезди. Характерно, что наиболее старые рукописи «Зафар-Намэ» не содержат этого введения. В предисловии дается, главным образом по Рашид ад-дину, изложение событий, начиная от Чингисхана до Тимура.

Совершенно в стороне от линии сложения двух «Зафар-Намэ» - Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Али Иезди - находится такой ценный источник, как «Аноним Искендера». Долгое время не знали, кто был автором сочинения, известного в науке под именем «Анонима Искендера». В конце своей жизни В.В. Бартольд смог наконец определить, что автором «Анонима» является некий Муин ад-дин Натанзи, служивший при дворе внука Тимура Искендера (сын Омаршейха), бывшего наместником в Фарсе и Исфагане между 1409-1414 годами. По его поручению и составил Муин ад-дин Натанзи свое сочинение.

Последнее не является историей только правления Тимура. Изложение событий, связанных с именем Тимура, занимает лишь одну главу его общего сочинения по истории. Внимательное чтение раздела о Тимуре убеждает, что источники его иные, чем у Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Али Иезди. В тексте Муин ад-дина Натанзи встречается много тюркских и монгольских слов; это обстоятельство дало возможность предположить, что основной источник «Анонима Искендера» был написан на тюркском языке и не был известен двум вышеупомянутым историкам. Ввиду несовпадения данных этого источника с данными

уйгурской хроники Тарихи Хани исключается возможность их отождествления.

Сочинение Муин ад-дина Натанзи составлено в 1413-1414 гг., т.е. на 11-12 лет раньше сочинения Шереф ад-дина. Как дополнительный источник по истории Тимура, оно чрезвычайно важно, так как включает в себе факты, совершенно отсутствующие в других источниках.

Указанными выше авторами источники о Тимуре не исчерпываются. О жизни Тимура много написано у Хафизии Абру, Абд ар-Резака Самарканди и Мирхонда, знаменитых историков XV в., составивших сочинения по всеобщей истории. Из них Хафизии Абру при написании своего труда использовал, с одной стороны, сочинение Низам ад-дина, с другой - упомянутый выше безымянный источник на тюркском языке, на данных которого построена глава о Тимуре у Муин ад-дина Натанзи. Однако Хафизии Абру извлек из тюркского источника немало таких сведений, которых совсем нет у Муин ад-дина Натанзи. В этом большая ценность главы о Тимуре у Хафизии Абру. Что касается Абд ар-Резака Самарканди, так же как и писавшего вскоре после него Мирхонда (умер в 1498 г.), то оба они использовали (непосредственно или опосредственно) Низам ад-дина Шами, Шереф ад-дина Али Иезди и более всего - Хафизии Абру.

Таковы сочинения по истории Тимура, вышедшие из среды придворной тимуровской и тимуридской историографии и носящие официальный и апологетический характер.

Наряду с ними имеются письменные источники, авторы которых происходили из среды, никак не связанной с придворной жизнью Тимура и его преемников, и имели полную возможность высказываться свободно.

Среди этих источников необходимо прежде всего отметить большой труд по истории Тимура, составленный на арабском языке Ибн Арабшахом, «Аджиб ал-макдур фи наваиб ал-Тимур» («Чудеса предопределения в событиях (жизни) Тимура»).

Несколько слов из биографии Ибн Арабшаха сделают понятным характер его книги о Тимуре. Ибн Арабшах - араб по происхождению, родом из Дамаска, родился в 1388 году. Двенадцатилетним мальчиком он был взят в плен Тимуром и увезен в Самарканд. Всё виденное и пережитое в детские и отроческие годы предопределило его отношение к Тимуром, которого он ненавидел со всей страстностью

своей незаурядной натуры. К походам Тимура и его грабительской и захватнической политике он относился глубоко отрицательно, что сказалось на всей его книге, хотя Ибн Арабшах нигде не отказывает Тимуру ни в уме, ни в организаторском таланте, ни в военном гении. Книга Ибн Арабшаха в качестве своего основного источника имеет как личные наблюдения и воспоминания автора, так и рассказы современников Тимура, участников его походов, участников и свидетелей многих его дел и событий его царствования. Нечего и говорить, как много фактов из жизни Тимура известно нам не только по книге Ибн Арабшаха! Особенно интересно и ценно у Ибн Арабшаха описание тех фактов и событий из жизни Тимура, которые изложены и освещены у Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Али Иезди. Сравнение описания событий в официозной историографии с критическим освещением Ибн Арабшаха часто помогает разобраться в том, как протекали они на самом деле и какое они произвели впечатление на современников. Такая сравнительная работа полезна, между прочим, и в том отношении, что дает нам право считать хотя бы формально достоверными факты, сообщаемые официозной историографией, - место, время, масштабы происшедших событий и фактов. Ибн Арабшах был образованным человеком; будучи в плену, он много путешествовал, побывал в Хорезме, Астрахани, Сараях, Крыму, изучил языки персидский, монгольский, а в Адрианополе, уже при возвращении на родину, - турецкий.

Огромное значение для истории Тимура имеет известное посольство Рюи Гонзалеса де Клавихо, отправленное ко двору Тимура в Самарканд кастильским королем Генрихом III. Посольство выехало из Испании в 1403 г. и вернулось на родину в 1406 году. В Самарканде посольство провело значительную часть 1404 года. Клавихо виделся с Тимуром несколько раз, говорил с ним, много слышал рассказов о нем, лично побывал в Самарканде и других городах в государстве Тимура. Всё виденное и слышанное он записал в форме дневника. Рюи Гонзалес де Клавихо - наблюдатель тонкий и умный. Его положение независимо, и его отношение к Тимуру могло быть беспристрастно. Так же, как Ибн Арабшах, он записывал не только им виденное, но и то, что ему приходилось слышать. Если Ибн Арабшаха можно еще упрекнуть в пристрастном, отрицательном отношении к Тимуру, то Клавихо этого нигде не проявляет.

Сочинения обоих этих авторов, представляющие группу частных

свидетельств о Тимуре, являются ценнейшими источниками о его юности и молодых годах. Известно, что данные о молодых годах Тимура в официозной историографии отсутствуют; подробные данные о жизни Тимура начинаются лишь с похода Токлук-Тимура на Мавераннахр в 1360 году. Молчание это, конечно, объясняется тем обстоятельством, что годы юности и ранней молодости Тимура были полны событиями, которые компрометировали его. Извращать факты официозная историография не хотела, почему и предпочитала первые 25 лет жизни Тимура вычеркнуть из его биографии.

В качестве весьма заслуживающего внимания источника о молодых годах Тимура нужно отметить и русскую летопись. Русская летописная историография XV-XVI вв. хорошо была осведомлена как о событиях в Золотой Орде XIV-XV вв., политической жизни Средней Азии, связанной с деяниями царя Темир-Аксака XIV-XV вв., так и об историко-географических представлениях о Ближнем Востоке. Небезынтересно, что восточная историография XV в., хорошо осведомленная в географии и истории мусульманских стран, не имеет даже самых элементарных сведений о Руси. Ниже мы будем иметь возможность убедиться, насколько ценен рассказ Никоновской (или Патриаршей) летописи о ранней молодости Тимура.

Огромную роль для политической и культурной истории времен Тимура играют в качестве первоисточника памятники материальной культуры, особенно знаменитой тимуровской архитектуры. Первоклассные постройки и их остатки, относящиеся ко времени Тимура, - мечети, мавзолеи, ханаки, дворцы (городские и загородные) в Самарканде, Шахрисябзе, Туркестане и других местах, - дают возможность судить о технических приемах возведения построек, о технике и художественных приемах орнаментации зданий поливными изразцами (резные, расписные и мозаичные наборы), о мотивах и темах этой орнаментации, наконец, о связи всех этих приемов орнаментации с культурным наследием Мавераннахра и стран, покоренных Тимуром, откуда он вывез в Среднюю Азию, особенно в Самарканд, так много различных мастеров, художников и ученых. Исключительное место на этих постройках занимают надписи - коранические и светские. Среди последних мы находим даты построек, имена строивших их зодчих, имена мастеров, выкладывавших замечательные изразцовые композиции. В надписях можно, наконец, встретить выражения, характеризующие представления Тимура о значении его власти,

титулатуру, которую он применял к себе, и т.д.

Тимуровское время сохранило, наконец, и немало отдельных памятников искусства, связанных по большей части с архитектурой, например, резные деревянные двери, бронзовые подсвечники из мечети, росписи внутренних стен в мечетях, мавзолеях и т.д. Все эти произведения искусства (изделия из бронзы, дерева, керамика) дают также возможность судить о местных традициях, с одной стороны, и о культурных и политических связях с соседними странами - с другой. Большое значение имеют и надписи на этих предметах, особенно на изделиях из бронзы (подсвечники, котёл). Достаточно просмотреть имена мастеров с их нисбами, которые упомянуты на зданиях и отдельных памятниках, чтобы судить о той роли, которую сыграли мастера, вывезенные Тимуром из покоренных им стран. Широко распространено мнение, что эпиграфический материал (надписи) являет собой надежный документальный источник. В основном это, конечно, так, однако и к надписям нужно относиться критически и проверять достоверность сообщаемых ими сведений. Как это важно, видно на таком примере. Известно, что Тимур был сыном барлаского эмира Тарагая и никакого отношения ни прямо, ни косвенно к Чингисидам не имел. Об этом ясно говорят все вышеотмеченные источники (официозные и неофициозные), а между тем именно в надписи на знаменитом нефритовом надгробном камне, находящемся в Гур-Эмире, приводится подложная генеалогия Тимура, сближающая генеалогические линии Чингис-хана и Тимура в происхождении от общего предка. То, на что не решилась пойти официозная историография (Низам ад-дин Шами и Шереф ад-дин Али Иезди), сделала посмертная надпись, возведя Тимура если не в ряды Чингисидов, то, во всяком случае, найдя ему с Чингис-ханом общий генеалогический корень, что в известном смысле могло рассматриваться как более ценная черта в генеалогии могущественного эмира.

I. СРЕДНЯЯ АЗИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII ВЕКА И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV ВЕКА

В 1251 г. земли Средней Азии, составлявшие тогда Чагатайский улус, вышли на короткое время из повиновения дому Чагатая. Золотоордынский хан Батый заключил с сыном Тулуя Мунке союз

против потомков Угедея и Чагатая. На курултае в Каракуруме в 1251 г. Мунке при содействии Батыя захватил власть каана над монгольской империей в свои руки. Рашид ад-дин подробно рассказывает о событиях, при которых произошел этот переворот.

Когда появились первые признаки неповиновения власти Мунке-каана, последний начал преследовать своих действительных и мнимых противников. Большинство членов домов Чагатая и Угедея, а также их эмиров было истреблено. Последствием этого переворота была передача Мавераннахра под власть Золотой Орды, сначала Батыя, а потом Берке-хана (1256-1266). При Мунке, ставшем великим монгольским ханом (1251-1259), произошло крупнейшее политическое событие - поход его брата Хулагу в Иран. В сентябре 1254 г., согласно рассказу Рашид ад-дина, Хулагу-хан разбил свою ставку на равнине Кан и-Гиль, у самого Самарканда. Откупщик Масудбек расставил здесь для него тканый чистым золотом шатер. В течение 40 дней самаркандская знать устраивала монгольскому завоевателю пиры, охоты и другие увеселения. Поход Хулагу имел последствием полное завоевание Ирана. В 1258 г. Хулагу-хан захватил Багдад и уничтожил аббасидский халифат. Вскоре в Иране с центром в Тебризе было положено начало монгольскому хулагидскому государству.

В 60-х годах внуку Чагатая Алгую удалось выгнать из Мавераннахра зологоордынских чиновников и восстановить Чагатайский улус. Опираясь на 15-тысячное войско, Алгуй в Чагатайском улусе мог чувствовать себя прочно. В Самарканде, Бухаре и других местах Мавераннахра люди Алгуя сводили счеты со всеми, кто служил джучидам в годы изгнания Чагатаидов. Среди пострадавших за связи с Берке-ханом был и сын знаменитого бухарского шейха Сейф ад-дина Бахарзи. В связи с арестами и казнями была проведена конфискация личного имущества казненных. Было восстановлено в Чагатайском улусе правление откупщика Масудбека. Согласно описаниям Рашид ад-дина, Масудбек, по приказу Мунке-каана, кроме Мавераннахра, управлял еще городами уйгуров, Ферганой и Хорезмом. Таким образом, Масудбек был откупщиком в Чагатайском улусе с небольшим перерывом со времени отъезда его отца Махмуда Ялавача в 1248 г. к великому хану Угедею и до своей смерти, в 1289 году. Чагатайские ханы мало вмешивались в дела управления Мавераннахром и интересовались главным образом доходами с него, которые аккуратно поступали от Масудбека как откупщика налогов и податей. Рашид ад-

дин рассказывает, что когда Алгуй-хан взял себе в жены ханшу Эргенэ-хатун, то, зная ее хорошее, полное доверия, отношение к Масудбеку, предоставил последнему Мавераннахр в бесконтрольное управление. Масудбек старался всячески угодить Алгую и беспощадно обирал земледельческое и ремесленное население городов. Благодаря таким поборам дела Алгуя улучшились настолько, что он мог содержать большое и хорошо вооруженное войско.

В 60-х же годах XIII в., вскоре после смерти Алгуя, внутри Чагатайского дома начались расхождения по вопросу о Мавераннахре. Чагатай и его ближайшее монгольское окружение были отрицательно настроены к исламу и исламской культуре. Однако чагатайские ханы - Мубарек-шах и Борах-хан - приняли ислам. Более того: церемония возведения Мубарек-шаха на чагатайский престол в 1266 г. происходила не в долине реки Или, а в Мавераннахре, в долине реки Ангрена, что говорит о перемене взглядов на Мавераннахр и о желании хана быть вблизи этой богатой страны, если не в ней самой. Тогда же вместе с ханом Мубарек-шахом в Мавераннахр перешли и некоторые монгольские роды, в том числе джелаиры и барласы. Первые избрали местом своих кочевий долину Ангрена, вторые - долину Кашка-Дарьи. Эти роды пришли из Семиречья уже в какой-то мере в отношении языка отюреченными. Процесс отюречения на новых местах ускорился; не прошло и столетия, как джелаиры и барласы вошли в состав тюркских племен.

Политика усиления внимания к Мавераннахру в некоторых кругах Чагатайского дома, особенно среди кочевий монгольской аристократии, встречала резкую оппозицию. Под влиянием последней чагатайский хан Кайду в 1269 г. собрал в Таласской долине курултай монгольских царевичей и нойонов. На курултае победили противники ориентации на Мавераннахр, и участники курултая заключили, по словам Рашид ад-дина, между собой договор, «что они впредь будут жить в горах и степях, не будут держаться вокруг городов, не будут пускать скот на засеянные поля и делать необоснованные взыскания с подданных (рааяя)».

Постановление курултая 1269 г. не могло, однако, затушевать глубокого противоречия внутри Чагатайского улуса по вопросу о Мавераннахре. Ханы всё больше сочувствовали переходу к городской жизни и стремились взять непосредственно в свои руки власть над богатой, культурной страной - Мавераннахром. Более того: всё больше

углублялись различия между монголами Семиречья и джелаирами и барласами, осевшими в Мавераннахре. Оставшиеся в Семиречье чагатай смотрели с презрением на чагатаев, переехавших в Мавераннахр и утративших тем самым чистоту кочевнических традиций, и презрительно именовали их караунасами, т.е. метисами. В свою очередь последние рассматривали чагатаев в Семиречье как отсталых и грубых варваров и называли их «джетэ», т.е. разбойниками. Чагатайский улус постепенно распался на две части: Мавераннахр и Моголистан, включающий в себя, кроме Семиречья, Кашгар. Однако это произошло только в XIV веке.

В XIV в. противоречия между чагатайскими ханами, стремившимися к установлению прочных связей с культурными районами, и военной кочевой аристократией, желавшей продолжать кочевнические традиции, обострились до крайности. Ярким выразителем первого направления был чагатайский хан Кебек (1318-1326), выстроивший себе в двух фарсасах (12-14 км) от Несефа дворец (карши).

Впоследствии около этого дворца вырос целый город, перенявший имя Карши и перетянувший к себе жизнь из пришедшего в упадок Несефа. Ко времени Кебек-хана откупная система взимания налогов и податей, а также система управления Мавераннахром совершенно изжили себя. Сельское и городское население, недовольное откупными порядками, готово было энергично поддержать попытку чагатайских ханов взять в свои руки управление страной. Это обстоятельство и учитывал Кебек-хан, когда приступил к проведению в жизнь двух важных реформ: денежной и административной - так как Мавераннахр в это время очень страдал из-за отсутствия единой денежной системы с соседними мусульманскими странами. Этот недостаток и решил восполнить Кебек-хан. За образец он принял денежную систему, введенную Газан-ханом в Иране (1295-1394).

Отсутствие единого монетного образца, а также единой и обязательной для всех пробы золота и серебра во владениях Хулагидов до Газан-хана привело к большой денежной пестроте и к многочисленным злоупотреблениям, подрывавшим народное благосостояние. Согласно описаниям Рашид ад-дина, купцы в большей мере были заинтересованы скупкой и спекуляцией золотыми и серебряными монетами, чем продажей своих товаров. Они скупали монету в областях, где она была более высокого качества, и спекулировали ею в районах, где монета была низкопробной.

Чтобы изжить все эти злоупотребления, Газан-хан издал, по словам Рашид ад-дина, указ, согласно которому на территории всего государства серебро в чеканной монете должно было равняться по весу трем мискалям в одном динаре.

На основании этих слов Рашид ад-дина В.В. Бартольд в своей классической работе «Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче» и высказал положение, что при Хулагидах основной монетой государства был серебряный динар в три мискаля весом и что золотые монеты «при Хулагидах, как и его преемниках - Джалаиридах, чеканились только в ограниченном количестве, для торжественных случаев». В.В. Бартольд, несомненно, прав в этом своем положении, однако для точности следует внести оговорку. В том же указе предписывается чеканить и золотые монеты весом в 100 мискалей. По-видимому, золота было не так уж мало, если при Джалаиридах, во время похода Тохтамыша в 1385-1386 гг. на Тебриз, жители города должны были внести и внесли в качестве оплаты за обещание снять осаду 250 туманов золотом. В указанной работе В.В. Бартольд исчерпывающе выяснил, что серебряный динар содержал 6 дирхемов, каждый весом в полмискаля.

В начале XIV в. в Мавераннахре наблюдалась такая же беспорядочность в денежном обращении, такие же злоупотребления чиновников и спекулянтов, как и в Иране при Хулагидах. Кебек решил прекратить анархию денежного обращения введением единой монетной системы по образцу Газан-хана. Таким образом, и в Мавераннахре, как в Иране и Золотой Орде, стали ходить серебряные динары и дирхемы, однако с некоторой разницей в весе: динар весил 2 мискаля, а дирхем, соответственно этому - $1/3$ мискаля.

Впрочем, в конце хулагидского периода, при хане Абу Сайде (1316-1335), та же картина наблюдалась и у Хулагидов.

Кроме монетной реформы, Газан-хан провел и унификацию весовых единиц. По словам Рашид ад-дина, Газан-хан пригласил двух устатов (мастеров) - Фахр ад-дина и Беха ад-дина - из Хорасана и поручил им изготовить образцы единой для всего государства системы гирь. Для гирь была избрана восьмигранная форма, снабженная определенным штампом. Всего гирь в этой стране было установлено 11, весом от 10 манов (ман - 260 дирхемов) до 1 дирхема: 10; 5; 2; 1; 0,5; 0,25; 0,125 мана, 10; 5; 2; 1 дирхем.

К сожалению, в источниках нет указаний на то, что Кебек по образцу

монетной реформы провел реформу унификации весовых единиц, в чем также нуждалась страна.

Огромное значение в жизни Мавераннахра имела административная реформа, проведенная, по-видимому, также Кебеком, хотя об этом нет прямых указаний в первоисточниках.

Из описаний Ибн Арабшаха мы видим, что в начале политической карьеры Тимура Самарканд со всеми рустаками образовывал семь туменов, а Фергана - девять туменов. Под туменом, продолжает Ибн Арабшах, нужно понимать термин, обозначающий такое количество населения, из которого можно было призвать тумен, т.е. 10 тыс. войска (ополчения). Таким образом, еще до Тимура Мавераннахр был разбит на военно-административные округа - тумены (тюмени). До Кебек-хана (1318-1326) деления на тумены не было, после него до Тимура также никто не мог бы провести этой реформы. Исходя из этого и принимая во внимание реформаторский характер деятельности Кебек-хана, можно со значительной уверенностью приписать административную реформу последнему.

До Кебек-хана, особенно если взять вторую половину XIII в., управление Мавераннахром шло как бы в двойном направлении. С одной стороны, в городах имелись уцелевшие местные династии. В Шаше, Ходженте, Отраре, Таразе сидели местные мелики. В некоторых городах сохранились представители духовной феодальной власти (садры в Бухаре). В Термезе в начале XIV в. сложилась власть наследственных саидов, известных под титулом худованд-задэ, особенно влиятельных в 30-60-х годах XIV века. С другой стороны, в стране у власти был откупщик Масудбек с подчиненными ему даругами, баскаками и военными монгольскими отрядами. Вспомним, какое огромное количество злоупотреблений порождала эта система при отце Масудбека - Махмуде Ялваче. Злоупотребления если и уменьшились после ярлыка Мунке-хана (1251-1259), то не настолько, чтобы можно было говорить о коренных переменах. Возрождение в хозяйственной области шло медленно; города, особенно Бухара и Самарканд, хранили еще следы разрушений нашествия Чингис-хана.

Масудбек был очень богатым человеком, любил Бухару и обстраивал ее хорошими зданиями, из которых нужно отметить медресе «Масудийе», где обучалось около тысячи студентов. В Бухаре было еще одно прекрасное медресе - «Ханийе», - выстроенное матерью великого хана Мунке. Обе эти постройки нельзя, однако, рассматривать как

показатели хозяйственного подъема: они лишь исключение из общего правила - экономического и культурного упадка страны.

Кебек-хану, задумавшему прибрать к рукам управление страной, предстояло провести ряд мероприятий чисто административного порядка, да еще в обстановке сложных феодальных отношений. В самом факте членения Кебек-ханом Мавераннахра на тумены сказалось монгольское влияние. Монголы имели обыкновение территорию улуса (например улус Джучи) делить в военно-административном отношении на «левое крыло» и «правое крыло», каждое из которых в свою очередь распадалось на тумены. Фактически с тумена как административной единицы почти никогда не собирали полного тумена, т.е. 10 тыс. воинов.

Чтобы правильно представить эти тумены, нужно помнить, что они выкраивались в сугубо феодальной обстановке. Маве-раннахр в это время представлял собой большое число мелких феодальных владений - светских и духовных, оседлых и кочевых. Так, Хутталян, область между Вахшем и Пянджем, был отдельным феодальным владением; Бухара и ее вилайет были Духовным владением во главе с садром. Джелаиры, жившие в бассейне Ангрена, составляли также феодальное кочевое или полукочевое владение. Во главе его стоял бек (эмир). Административная реформа Кебека не уничтожила феодальных княжеств с их владельцами, а приспособилась к ним: владения стали административными единицами - туменами, а владельцы сделались наместниками. В условиях феодального общества наместники были наследственными. Административная система, введенная Кебеком, не могла преодолеть центробежных феодальных тенденций, в чем заключается ее самое слабое место. Однако, сколько бы ни имела эта реформа недостатков, ее нужно признать шагом весьма прогрессивным, сыгравшим положительную роль в деле развития феодальной государственности в Мавераннахре.

Реформы Кебека встречали в оседлом населении Мавераннахра самый сочувственный отклик. Иначе к ним относилась кочевая военная аристократия. После смерти Кебека она всё мобилизовала, чтобы вернуть последующих ханов ко времени и политике Кайду и решениям Таласского курултая 1269 года. Началась вновь борьба между ханами и беками кочевых племен. На этой почве и был убит брат Кебек-хана хан Тармаширин (1326-1334). Одно время ставка чагатайского хана перенесена была даже в Семиречье. Ханскую ставку вернул в

Мавераннахр хан Казан, последний Чингисид в мавераннахрской части Чагатайского улуса.

Казан-хан весьма настойчиво и умело продолжал политику Кебека. Главы чагатайских родов за это его остро ненавидели. Борьба возобновилась. Во главе недовольных стал бек Казаган. В сражении между Казан-ханом и Казаганом первый был убит. Власть в Мавераннахре попала в руки Казагана.

Казаган не именовал себя ханом, а ограничился титулом эмира. Для придания законности своим действиям он завел подставного хана из Чингисова дома. Вначале подставным ханом был Данишмендча, потом - Баян Кули-хан. От имени подставного хана последний и чеканил свои монеты. Правление Казагана (1346-1358) было ярким выражением воззрений и интересов кочевой военной аристократии, которая более всего заинтересована была в организации набегов и грабительских походов на соседние страны.

Зиму Казаган проводил в Сали Сарае, лето - в Хутталяне, в городе Мунк (ныне развалины, вблизи Ховалинга) и его окрестностях. Для набегов Казаган избрал Герат и Гератскую область, находившиеся под властью династии Куртов. Казаган произвел большие опустошения в окрестностях Герата, забрал большую добычу, но Герата захватить не мог: не удалось ему овладеть укреплениями последнего, возобновленными незадолго перед тем. В 1358 г. на охоте Казаган был убит по прямому наущению монгольского хана Кутлуг Тимура одним из его нойонов. Между прочим, в убийстве Казагана принял участие владетель Хутталяна - Кейхосрау.

После смерти эмира Казагана в Мавераннахре не было сильного правителя. Страна находилась в состоянии полной феодальной раздробленности. По словам Низам ад-дин Шами, в Мавераннахре в 50-х годах XIV в. было несколько более или менее крупных владений, которые никому не подчинялись и враждовали друг с другом.

Шахрисябз (Кеш) с областью подчинялся Хаджи Барласу. Ходжентом и его вилайетом владел Баязед, глава джелаиров. Балх и часть вилайета находились в руках эмира Хусейна, внука Казагана. Родство с Казаганом давало Хусейну надежду поднять свой политический авторитет. Другой частью Балхского вилайета владел Ульджайбуга Сульдуз, по-видимому, глава племени сульдуз. Шипурган захватил Мухаммед Ходжа Аперди. В горах Бадахшана своевольничали шахи Бадахшана. Хутталяном владел вышеупомянутый Кейхосрау и т.д.

Низам ад-дин Шами, перечисляющий все эти владения, замечает, что каждый из владельцев, даже обладавший небольшой военной силой, держал себя по отношению к другим владельцам высокомерно, вследствие чего в стране не прекращались раздоры и смуты, а дела государства пришли в полное расстройство. Более всего от этих смут страдали райаты (крестьяне).

С каждым годом положение Мавераннахра ухудшалось. Отсутствие сильного правителя в Мавераннахре хорошо было известно за пределами страны, и это обстоятельство прежде всего учел хан Моголистана Токлуг-Тимур, который решил напасть на Мавераннахр, ограбить его и подчинить себе. В связи с этим Токлуг-Тимур и провел два похода -1360 и 1361 годов.

II. МОЛОДЫЕ ГОДЫ ТИМУРА

Как уже было отмечено в официозных источниках, о детстве и молодости Тимура сведения не имеется. Подробные данные о его жизни начинаются лишь с похода Токлуг-Тимура (1360). Однако у Ибн Арабшаха, в русской летописи и у Ори Гонзалеса де Клавихо имеются некоторые детали, проливающие свет на биографию Тимура до 1360 года.

Тимур родился в селении Ходжа Ильгар, недалеко от г. Шахрисябза, был сыном Тарагая, барласского бека, не очень, по-видимому богатого, но достаточно влиятельного. С юности Тимур любил лошадей, был хорошим наездником, прекрасно стрелял из лука. Среди сверстников он всегда пользовался авторитетом и даже любовью, рано проявив качества вожака. Вот почему в дни молодости Тимура к нему тянулись такие же как он, молодые барласы, охотно становясь его нукерами (в данном случае конными слугами). У Тимура, так же как и у его отца в молодые годы, было не более трех-четырёх нукеров. «Говорят, - пишет Клавихо, - что он с помощью своих четырех или пяти слуг начал отнимать у соседей один день барана, другой день корову». Постепенно молодой Тимур собрал небольшой отряд конных, хорошо вооруженных людей, которых он в обстановке феодальной анархии направлял в набеги за добычей на земли своих соседей и на караваны проезжавших купцов. По словам Клавихо, который слышал немало рассказов о молодости Тимура, когда набег Тимуру удавался, «он пировал со своими людьми; частью за это, частью за то, что он был человек

храбрый и доброго сердца и хорошо делился тем, что у него было, собирались к нему другие люди, так что наконец у него было 300 всадников. Когда их набралось столько, он начал ходить по землям и грабить и воровать всё, что мог, для себя и для них; также выходил на дорогу и грабил купцов». По-видимому, личная храбрость, щедрость, умение разбираться в людях и выбирать себе помощников, а также ярко выраженные качества вожака, главаря создали Тимуру в долине Кашка-Дарьи среди барласов, особенно в кругу военной кочевой молодежи, широкую популярность.

Клавихо писал о молодости Тимура со слов лиц, которые были в курсе всего, что рассказывалось тогда в обществе о могущественном эмире Средней Азии. Рассказывая о дальнейшей биографии Тимура, Клавихо приводит эпизод, происшедший в Сеистане. Как-то ночью Тимур «напал на стадо баранов, и в это время пришли сеистанцы, бросились на него и на его людей, многих убили, а его свалили с лошади, ранили в правую ногу, от чего он стал хромым, также в правую руку, от чего он лишился двух маленьких пальцев». С этого времени Тимур и получил прозвище Тимурленг, т. е. Тимур-хромец, в европейском произношении - Тамерлан.

Биографы не приводят в качестве источника сведений о молодых годах Тимура данных, имеющих в русской летописи. Насколько они соответствуют действительности, мы еще будем иметь возможность убедиться. Летопись именует Тимура Темир Аксак (турецкий перевод имени Тимурленг - Тамерлан). Родина Темир Аксака - «Междуречье», область между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей. «И от тоя страны бяше сей Темир, сын старейшины некоего от заяикских Татар, иже бе железными враты; ремеслом же бе кузнец железный... Иже прежде бысть он раб у некоего господина; злонравна же его ради отверже его от себе господин его; он же, не имея чем питатися и одеватися, и пребывая крадый и разбивая, и сим питаяся. Еще бо ему тогда младу суцу, и некогда украде у некоего человека овцю, иже и постижен бысть и много бьей, и преломиша ему ногу и бедру наполю, и повергоша его, мняще мертва, псом на снесь. Он же по времени мнозе едва исцеле, и ногу свою перебитую жезлом прекова, и того ради прозван бысть Темир-Аксак; Темир бо зовется Татарским языком железо, Аксак же - хромец, и тако толкуется Железный Хромец, яко от вещи и от дел имя приять. И тако по исцелении от ран не токмо не лишился злого своего обычая, но паче горшее неистовствуя, бысть лют разбойник; и совокупишася к нему

юноши жестоцы и немилостиви, всегда разбивающе и крови проливающе. И шед, порази некия пастыря и взят овца их, идеже и устрелен бысть в ногу и храмляше; и от сего приобрете имение. И егда бысть их числом яко сто и нарекоша его старейшину разбойником; егда же стяжа тысячу мужей, и тогда уже князем зваху его».

В рассказе летописи лежат те же данные о юности и молодых годах Тимура, что и в сообщении Клавихо. Новым является лишь упоминание о том, что Тимур «ремеслом же бе кузнец железный». Интересно, что и этот факт не является простым изолированным осмыслением летописца самого прозвища Тимура «Темир Аксак» («Железный Хромец»), а одной из версий происхождения Тимура в рассказе Ибн Арабшаха, автора упомянутой книги о могущественном среднеазиатском эмире. Вообще рассказ Ибн Арабшаха ближе к летописным сведениям о молодости Тимура, чем рассказ Клавихо. Ибн Арабшах говорит не только о том, что отец Тимура был бедный кузнец; так же, как и летопись, он приводит рассказ об украденной Тимуром овце и о пастухе, который вместе со своими товарищами рассек Тимуром стрелой бедро и плечо. У Ибн Арабшаха также имеется рассказ о постепенном увеличении числа нукеров в дружине Тимура, шедших охотно за ним на любой грабительский набег. Размеры и характер набегов определялись наличностью людей, лошадей и вооружения. Сравнивая описания молодых лет Тимура у Клавихо, Ибн Арабшаха и в летописи, мы имеем все основания сказать, что сходственные и независимые от официозной версии данные о ранней биографии Тимура черпались во всех трех случаях из широко распространенных о нем в народе рассказов. И действительно, в самой летописи говорится, что «о сем же Темир Аксаце поведоша неции», т.е. источником приведенных сведений являются рассказы современников. Где летописец мог услышать эти рассказы? Нам представляется, что от купцов и других московских людей, которые бывали в городах Золотой Орды, Сараях, Астрахани, Сарайчике. Сношения же Золотой Орды со средней Азией, мирные и военные, хорошо известны, особенно после походов Тимура против Тохтамыша в 1391 и 1395 годах. Исключительное сходство летописного рассказа с версией Ибн Арабшаха невольно заставляет нас сблизить эти никак не связанные между собой источники.

Из биографии самого Ибн Арабшаха мы узнаём, что он бывал в Хорезме, Сарайчике, Астрахани, Сараях и в Крыму и, следовательно, мог сам быть

распространителем сведений о Тимуре, тем более что эта тема его всегда волновала.

Возвратимся, однако, к Тимуру. Владая с детства тюркским и таджикским языками, Тимур хорошо знал не только кочевую, скотоводческую, но и оседлую, земледельческую среду. Более того: он хорошо знал и городскую жизнь благодаря частым посещениям Шахрисябза, власть над которым тогда была в руках барласского бека Хаджи Барласа. В те годы в духовной жизни людей из среды мусульман большую роль играли мусульманские шейхи. В Шахрисябзе большой популярностью пользовался шейх Шемс ад-дин Кулалъ, или, как его именует другой источник (Ибн Арабшах), Шемс ад-дин Фахури. Шемс ад-дин был духовником отца Тимура - Тарагая, и последний сумел внушить сыну свои симпатии к шейху. Хотя Тимур никогда не отличался особой религиозностью, многие свои успехи он приписывал молитвам шейха Шемс ад-дина Кулалъ.

Когда монгольский хан Токлуг-Тимур появился со своим войском в 1360 г. в Мавераннахре, там не нашлось правителя, который для борьбы с Тимуром мог бы сплотить вокруг себя враждующих между собой владетелей. Поодиночке же они были бессильны бороться. Токлуг-Тимур дошел до Кашка-Дарьи, не встретив серьезного сопротивления. Не оказал сопротивления и Хаджи Барлас на Кашка-Дарье.

В 1361 г. Токлуг-Тимур возобновил нападение на Мавераннахр, имея намерение окончательно подчинить себе эту богатую страну. И на этот раз Токлуг-Тимур не встретил на Кашка-Дарье отпора. Более того: Хаджи Барлас испугался столкновения с монголами и бежал в Хорасан. В эти дни и выдвинулся Тимур. Он решил, что целесообразнее сейчас не ссориться с Токлуг-Тимуром, а поступить к нему на службу. Токлуг-Тимур охотно принял его предложение и, отправляясь домой, передал Тимуру управление Кашка-Дарьинским вилайетом. Так Тимур в 25 лет стал владетелем небольшого, но богатого тумена, вместо бежавшего Хаджи Барласа.

В 1361 же году произошло сближение Тимура с эмиром Хусейном, внуком Казагана. Однако Тимур не долго был на службе у монгольского хана. Когда последний направил своего сына Ильяса Ходжу правителем в Мавераннахр, Тимур не пожелал служить последнему, порвал с ним и стал самостоятельным владетелем. Не исключена возможность, что этот разрыв произошел благодаря поддержке Хусейна.

Годы 1361-1365 являются временем наибольшей близости между двумя эмирами. Их союз был скреплен установлением родственных отношений: сестра Хусейна Улджай Туркан-ага стала любимой женой Тимура. В эти годы оба эмира были наиболее крупной силой в Мавераннахре. Однако союз свой они использовали главным образом в личных интересах, совершая набеги для захвата большой добычи. Не всегда в эти годы им улыбалась судьба. Так, в 1362 г. они провели 62 дня в плену у туркмена Али-бека в селении Махан (ныне г. Мары). Через некоторое время мы видим их в Сеистане. Хусейн и Тимур чуть не погибли здесь. В разыгравшемся сражении Тимур, как мы указывали выше, был тяжело ранен в правую руку и правую ногу. Рука эта у него почти высохла, а на правую ногу Тимур всю жизнь хромал, почему и получил прозвище Тимурленга - Тимура-Хромца, в европейском произношении - Тамерлана.

Изгнанный из Мавераннахра после смерти Токлуг-Тимура, Ильяс Ходжа не хотел мириться со своим положением и готовил поход на Мавераннахр. В 1365 г. Ильяс Ходжа с большим войском отправился в Мавераннахр. Хусейн и Тимур, зная, что Ильяс Ходжа особенно настроен против них, со своей стороны собрали войско. Битва, вошедшая в историю под названием «грязевой битвы», произошла между Чиназом и Ташкентом. В момент сражения начался сильный ливень. Образовалась липкая, скользкая грязь, лошади теряли устойчивость и падали. Тимур и Хусейн проиграли сражение. Оба эмира покинули место боя с остатками войска и ушли сначала в сторону Самарканда, а потом, признав дальнейшее сопротивление бессмысленным, спустились на юг к Аму-Дарье, которую и перешли, скрывшись в Балхской области.

Такое поведение обоих правителей открывало врагу свободную дорогу на Самарканд. Самарканд в то время не имел ни укрепленных стен, ни цитадели, где можно было бы укрыться на случай осады города. Более того: Хусейн не оставил в нем ни гарнизона, ни военачальников. Таким образом, население древнего города было оставлено на произвол судьбы, на волю победителя - Ильяса Ходжи. К счастью для Самарканда и его многочисленных жителей, в городе в это время находилась значительная группа сербедаров. В ту эпоху сербедарство широко было распространено в Северо-Восточном Иране, главным образом Хорасане и Мавераннахре. Это было весьма прогрессивное течение, ставившее своей основной задачей освобождение родной страны от монгольского

ига. Сербедарство широко поддерживалось демократическими слоями городов, прежде всего ремесленниками учащейся молодежью, лавочниками, за пределами городов - Рестьянством и средними землевладельцами.

Только феодальная аристократия, высшее мусульманское духовенство да крупное купечество были довольны монгольскими порядками и враждебно относились к сербедарской пропаганде. Однако и в среде феодальной аристократии, особенно среди патриотически настроенной молодежи, имелись элементы, сочувствовавшие сербедарам. Сербедар - значит висельник. Лучше погибнуть на виселице, говорили сербедары, чем гнуть спину перед монголами. Среди сербедаров имелись левые группы, которые мечтали о некотором улучшении положения народных масс города и деревни.

Когда весть о приближении монголов Ильяса Ходжи дошла до жителей Самарканда, началось большое возбуждение. Сербедары призывали народ оказать сопротивление монгольскому войску. Среди самаркандских сербедаров особенно выделились: Маулана Задэ, учащийся самаркандского медресе, Абу Бекр, согласно Низам ад-дина Шами, трепальщик хлопка, а согласно другим авторам, даже староста квартала трепальщиков хлопка, и Хурдек и-Бухари, хороший стрелок из лука. Когда в соборной мечети собралось около 10 тыс. человек знатных и из простого народа, Маулана Задэ, опоясанный мечом, выступил с горячей речью. Он говорил о том, что правитель, взимавший незаконную подушную подать под видом пошлин и хараджа, в часы опасности бросил население города на произвол судьбы, указывал собравшимся, что жители города не спасутся, если дадут за себя даже самый большой выкуп, подчеркивал, что спасение только в сопротивлении, в борьбе. Заканчивая свою речь, Маулана Задэ обратился к народу с вопросом, кто возьмет на себя защиту ислама и станет ответственным перед знатью и простыми.

Знатные люди хранили полное молчание. Тогда Маулана Задэ спросил простой народ, окажет ли он ему содействие, если он примет на себя ответственность. Простой народ обещал отдать себя в полное распоряжение Маулана Задэ.

Получив полномочия народа, сербедары под руководством Маулана Задэ и Абу Бекра, который имел большие связи в среде самаркандских ремесленников, начали энергичную подготовку к обороне родного города. Задача эта была очень трудная: ведь в Самарканде не было ни

стен, ни действующей цитадели. Маулана Задэ составил списки годных к военной службе людей и привлек к работам по укреплению города самые широкие слои населения. Сербедары использовали узкие улицы города для возведения в них баррикад. Свободной была оставлена, по-видимому, только главная магистраль города. В наиболее важных и выгодных для обороны пунктах были расставлены лучники. Всё было рассчитано на то, чтобы впустить конных монголов в свободный проход, а с флангов, со стороны забаррикадированных узких улиц, нанести им тяжелый удар. Монголы не подозревали, что их ожидает в Самарканде, и рассчитывали легко овладеть городом. Однако они ошиблись в расчете, так как, когда передовые отряды их прошли засаду, Маулана Задэ дал сигнал и на врага посыпались стрелы, камни и палки. Монголам пришлось поспешно уходить, потеряв, по одним данным, тысячу, а по другим - 2 тысячи человек.

Вскоре монголам пришлось пережить еще одну неудачу: среди лошадей начался мор, из каждых четырех оставалась в живых лишь одна. Так, не получив ни даров, ни выкупа, ни просто награбленной добычи, Ильяс Ходжа вынужден был поспешно покинуть сначала окрестности Самарканда, а потом и Мавераннахр. В городе было большое ликование. Самаркандская оборона показала, как много может сделать народ, когда руководство им попадает в энергичные и верные руки.

Источники скупо говорят о мероприятиях сербедаров в области внутренней жизни Самарканда. У историков XV в. имеется лишь несколько замечаний на этот счет. Шереф ад-дин приводит стих: «О боже, да не будет того, чтобы нищий стал почтенным человеком!» Этих слов мы не встречаем у Низам ад-дина Шами, предшественника Шереф ад-дина Али Иезди. Однако Низам ад-дин Шами говорит о насилиях, которые якобы творили сербедары в отношении к населению Самарканда.

Хондемир даже отмечает, что сербедары начали творить насилия над имуществом райатов (податное земледельческое и ремесленное население). По-видимому, самаркандские сербедары провели какие-то демократические мероприятия. В речи Маулана Задэ, между прочим, говорится о незаконном взимании Хусейном с мусульман джизьи, которая, по-видимому, была отменена сербедарами.

Весть о победе сербедаров над Ильясом Ходжи дошла до эмира Хусейна и Тимура. Зиму последний проводил в Кеше, а Хусейн - на берегу Аму-Дарьи. Весной они сошлись и направились к Самарканду. Остановились

они у самого города, в местности Кан-и-Гиль. Оба эмира дали знать сербедарам, что одобряют их поведение и хотят их видеть. Сербедары поверили «добрым» намерениям эмиров, и действительно, на приеме им было оказано много знаков внимания. Однако, когда на следующий день они вновь появились в ставке Хусейна и Тимура, их вероломно схватили, связали и казнили, всех, за исключением Маулана Задэ, которого своим заступничеством перед Хусейном спас Тимур. Что руководило Тимуром в его отношении к Маулана Задэ. По-видимому, между Хусейном и Тимуром существовало разногласие по вопросу о сербедарах. Есть основание думать, что Тимур имел с некоторыми из них старые связи, особенно с сербедарами из среды знати.

Покончив с сербедарами, особенно с таким ярким из них, как Абу Бекр, Хусейн и Тимур вновь подчинили себе Самарканд.

Произошло это в конце весны 1366 года. Совместное пребывание в лагере в Кан-и-Гиль было в известной мере испытанием «дружбы» Хусейна и Тимура. Между обоими эмирами начались недоразумения, которые трудно было преодолеть. Разногласия между ними в отношении к сербедарам осложнялись жадностью Хусейна, который хотел заставить некоторых сподвижников Тимура уплатить ему большие денежные суммы, которые они якобы были должны. Потеряв много имущества во время «грязевой битвы», эмиры эти сильно обеднели и не имели возможности отдать долги. Тимур не хотел ставить своих сподвижников в трудное положение и лично пришел им на помощь. Этим актом щедрости он приобрел в среде своих военных помощников большую популярность. Хусейн же, напротив, нажил немало недругов среди влиятельных людей. Уже в лагере под Самаркандом оба эмира почувствовали, что каждый из них является помехой для другого. Расхождения между ними с каждым годом усиливались, и бывали периоды, когда оба эмира втягивали в круг своих интересов, взаимных схождений и расхождений других мавераннахрских владетелей. Феодалная анархия в стране не могла продолжаться до бесконечности. Наряду с феодалными сепаратистскими силами, в самом обществе того времени накапливались силы, заинтересованные в феодалном объединении, в сложении прочной государственности. Объединения хотели купцы, ремесленники и мусульманское духовенство, а также массы земледельческого населения. Хотя между Тимуром и Хусейном не было таких резких противоречий, какие в свое время имелись между Кебек-

ханом и чагатайскими кочевыми беками, однако Тимур лучше, чем Хусейн, понимал требования времени и не покладая рук подготовлял в среде духовенства и городского населения сочувствующие ему группы. В конце 60-х годов Хусейн взял курс на укрепление принадлежавшего ему города Балха. Он перестроил в нем цитадель - Хиндуван - и возобновил ее стены. В балхскую цитадель он свез свое большое имущество и много оружия. Тимур прекрасно понимал, что все эти мероприятия направлены главным образом против него. Не раз он уговаривал Хусейна не строить в Балхе новых укреплений, однако последний его не слушал. Тогда Тимур решил предупредить Хусейна и самому напасть на него. В 1370 г., собрав хорошо вооруженное войско, Тимур осадил Балх и после значительных усилий и больших потерь пробил брешь в стене Балха и овладел городом. Испуганный и растерявшийся Хусейн спрятался в цитадели. Видя полную безнадежность своего положения, Хусейн запросил Тимура, какие гарантии тот сможет ему дать в случае, если он сдастся. Тимур просил передать, что обещает сохранить ему жизнь и ничего больше. После этого Хусейн в сопровождении нескольких нукеров вечером вышел из ворот балхской цитадели. Подходя к ставке Тимура, он вдруг струсил, повернул назад и скрылся в первом попавшемся минарете. Случайно забрел туда какой-то человек, узнал Хусейна и, несмотря на обещание молчать, выдал его людям Тимура. Слова, данного Хусейну, Тимур не сдержал: хотя сам он ничего не предпринимал, он не помешал одному из своих союзников - Кейхосрау, владельцу Хутталяна, - убить Хусейна на основе права кровной мести.

III. ЕДИНОДЕРЖАВИЕ ТИМУРА (1370-1405)

Взятие Балха и смерть Хусейна в 1370 г. были в жизни Тимура крупнейшими и решающими событиями. Еще до взятия балхской цитадели к Тимуру явился шейх Береке, родом из Мекки, ставший впоследствии его главным духовником, и вручил ему барабан и знамя (символы власти), предсказав великое будущее. Тогда же Тимур, чувствуя себя фактически хозяином большей части Мавераннахра, провозгласил Суюргатмышу из чагатайской ветви Чингисидов ханом, точнее подставным ханом. На собравшемся после падения Балха курултае начальников тимурова войска (командиры туменов и тысяч) Тимур был провозглашен единым государем Мавераннахра. У Тимура в

то время не было соперников ни по личным качествам, ни по тому влиянию, которым он пользовался среди остальных феодальных владетелей страны.

Это прекрасно сознавали и представители мусульманского духовенства. В Балх к Тимуру пришли из Термеза известные термезские шейхи братья Абу-л-Маали и Али Акбар с титулом Худаванд-задэ. Свидание их послужило началом прочных связей с представителями мусульманского духовенства, которые продолжались у Тимура в течение всего его долгого правления.

Одним из первых приказов Тимура было разрушение балхской цитадели и предоставление города на разграбление воинам в наказание жителей за поддержку Хусейна. В цитадели Балха Тимур захватил огромную казну, часть которой он в качестве добычи и как награду роздал своему войску. Из Балха Тимур направился в свой родной Кеш (Шахрисябз), где вновь роздал награды своему войску. Здесь ему пришлось прежде всего заняться внутренними делами.

Победа над Хусейном сделала Тимура первым среди остальных владетелей Мавераннахра. Курултай же в Балхе, на котором, кроме подчиненных ему начальников, были и его союзники - другие владетели авераннахра, - своим постановлением узаконил Тимура в качестве единовластного правителя. Тимур прекрасно понимал, главная задача, которая поставлена перед ним всей политикой обстановкой того времени, заключается в преодолении раздробленности и объединении отдельных владений в прочное и сильное государство. Еще в Кеше он назначил одного из близких своих сподвижников - эмира Давуда - эмиром дивана, т.е. сделал его как бы своим везирем. Опираясь на проведенное в жизнь Кебек-ханом (1318-1326) административное деление Мавераннахра на тумены, Тимур провел ряд назначений на должность начальников туменов и на должность тысячников, считая необходимым обеспечить себя достаточным количеством войск.

Из Кеша Тимур в том же, 1370 г. переехал в Самарканд, где прежде всего начал строить крепкие стены и цитадель, а также дворец. Хорошо укрепленный Самарканд был необходим Тимуру как надежный оплот против возможных выступлений со стороны тех из владетелей, которые могли бы сговориться и выступить против Тимура и его объединительной деятельности.

Уже в 1370 г. перед Тимуром встал вопрос, чьи традиции ему

продолжать - Кебек-хана или эмира Казагана. Тимур хорошо знал, что в стране нужно создать твердую власть, которая могла бы прибрать к рукам непокорных и беспокойных владетелей, особенно кочевых монгольско-тюркских эмиров из среды джелаиридов, барласов, сульдусов и др. В этом направлении и поддерживали его так энергично жители городов и крестьянство, а также представители влиятельного мусульманского духовенства. Вместе с тем Тимур хорошо разбирался в настроениях большинства владетелей Мавераннахра. Свою среду он знал очень хорошо с ранней юности. Он не только прекрасно учитывал, как крепко проникнуты мавераннахрские владетели желанием провести удачный поход с целями добычи, но и сам имел к этому вкус. Большой государственный ум сочетался у Тимура с привычками феодала-владетеля, который не упустит случая захватить у соседа добро, если для этого есть у него достаточная военная сила. Уже первые годы власти Тимура показали, что он стал сочетать государственную деятельность по объединению Мавераннахра в единое, прочное государство с организацией походов, часто совершенно не связанных с его объединительной работой, а носивших чисто грабительский характер.

Объединить и подчинить земли между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, а также Фергану и Шашскую область Тимуру не представляло особого труда. Здесь не было такого владетеля, который мог бы противопоставить Тимуру свою волю. Другое дело - древняя и культурная область Хорезм, которая истари, в домонгольскую эпоху, была тесно экономически, политически и культурно связана с Мавераннахром. При монголах Хорезм был разделен на две части: Северный, с г. Ургенчем, вошел в состав Золотой Орды, а Южный, с городом Кятом, - в Чагатайский улус. В самом начале 60-х годов Хорезм, пользуясь смутами, которые наступили в Золотой Орде после смерти хана Бердибека (1359), оторвался от последней и образовал самостоятельную кунгратскую династию Суфи, наиболее ранняя монета которой относится к 762-1361 годам. Государь из этой династии Хусейн Суфи начал объединение Хорезма, Северного и Южного, и захватил два города: Кят (тогда крепость) и Хиву. Тимур, претендующий на всё наследие Чагатайского улуса, считал этот акт незаконным и решил вернуть Южный Хорезм в состав организуемого им государства.

В 1372 г. Тимур отправил к Хусейну Суфи посла с требованием вернуть

захваченное. Хусейн, как и следовало ожидать, в требовании отказал. Тимур немедленно после этого двинул свое войско. Путь к Ургенчу лежал через Кят, который после недолгого сопротивления был взят. Потеря Кята произвела на Хусейна Суфи сильное впечатление, и он готов был пойти на мир и выполнить требования Тимура. Однако один из военачальников войска Тимура, владетель Хутталяна - Кейхосрау, недовольный быстрым возвышением Тимура, уговорил Хусейна не покоряться, обещав перейти на его сторону. Хусейн поверил Кейхосрау и выступил против Тимура, но был в сражении разбит. После этого он скрылся в цитадели Ургенча, где вскоре умер. Это произошло в 1372-1373 году. Место Хусейна занял его брат Юсуф Суфи. Тимур предложил ему мир, причем одним из условий выставил требование выдать дочку Хусейна, внучку Узбек-хана - Хан-Задэ, - замуж за Джехангира, сына Тимура. Юсуф Суфи дал на это согласие. Тогда же Тимур арестовал мятежного Кейхосрау и предал его казни на основе монгольского обычного права (яргу). Это был первый случай решительного мероприятия против мятежа со стороны влиятельного и сильного феодального владетеля.

Юсуф Суфи не выполнил, однако, условий мира: более того, после ухода Тимура он вновь захватил Кят, открыв этим враждебные действия против правителя Мавераннахра. Этим своим поведением Юсуф вызвал второй поход Тимура в Хорезм (1373-1374). Дело до военного столкновения не дошло, так как Юсуф принес повинную, обещав срочно выполнить все условия мира.

В результате этих двух походов Южный Хорезм вошел в состав государства Тимура. Это был большой успех молодого государя. После 1374 г. Тимур проделал еще три похода на Хорезм, Последний из них был связан с борьбой Тимура с Тохтамышем и великодержавной политикой Золотой Орды.

Тимур хорошо понимал, что сильная Золотая Орда, так же как и Белая Орда, представляет большую опасность для могущественного государства в Мавераннахре. Вот почему с первых лет своего правления он зорко следил за тем, что происходило в Улусе Джучи. В состав последнего входили Золотая Орда и Белая Орда как его две части. Деление это было тесно связано с организацией войска. Золотая Орда поставляла из числа своего населения правое крыло (онкол) войска, а Ак-Орда - левое крыло (солкол). Постепенно Ак-Орда как-то обособилась и завела отдельных ханов. После смерти Бердибека (1359)

в Золотой Орде начались феодальные смуты. Некоторые эмиры (начальники туменов и тысяч), они же наместники отдельных городов и областей, держали себя как самостоятельные правители, выступали против ханов, ссорились друг с другом, чем ослабляли силы Орды. Особенно тяжелыми в жизни Золотой Орды были годы с 1360 по 1380. В течение двадцати лет в Золотой Орде сменилось около 25 ханов, не считая временщика эмира Мамай, владевшего всё это время правобережной частью Золотой Орды. Характерно, что большая часть левобережных ханов, сидевших на престоле в Сарае иногда менее года, являлась выходцами из Ак-Орды, из присырдарьинских областей, из левого крыла улус-джучиева войска.

Вспомним ханов Хызра, Темир-Ходжу, Мурида (Амурат в русской летописи) и Кильдибека. Вмешательство Белой Орды в золотоордынские дела шло параллельно с ростом экономического и политического могущества этой прежде отсталой части Улуса Джучи. Особенно решительные шаги в этом отношении предпринял Урус-хан, правивший в Ак-Орде до 1377 года. Урус-хан задумал стать не только саранским ханом, он решил объединить обе части Улуса Джучи под своей властью. Тимур знал обо всём, что происходило в той и другой Орде, боялся объединения и тем самым усиления опасного соседа и искал случая помешать ему. Случай этот представился. Один из акордынских узбекских эмиров, правитель Мангышлака Туй ходжа-оглан, на курултае выступил против Урус-хана в вопросе о Золотой Орде, за что и был казнен. Сын Туй ходжи-оглана-Тохтамыш - бежал из Ак-Орды и явился к Тимуру, предлагая ему свои услуги. Произошло это в 1376 году. Тимур сразу учел выгоду иметь в своих руках царевича, противника Урус-хана, которого можно было использовать в качестве соперника последнего.

Вот почему Тимур проявил к Тохтамышу много внимания и одарил его. Более того: он предложил ему свою поддержку, прежде всего военную. Не откладывая дела, Тимур снарядил войско и отправил Тохтамыша в Ак-Орду отвоёвывать у Урус-хана акордынский престол. Тимуру казалось чрезвычайно выгодным иметь в Ак-Орде своего ставленника. Два раза Тимур направлял Тохтамыша в 1376 г. в Ак-Орду, и оба раза Тохтамыш был разбит. Тогда сам Тимур с войском зимой направился против Урус-хана. Поход пришлось прервать из-за сильных морозов. Весной Тимур вернулся на Сыр-Дарью, однако сражения с Урус-ханом не имел, так как последний в это время умер. Это было в 1377 году.

Только в 1379 г. Тохтамышу удалось овладеть акордынским престолом. Тимур был доволен таким оборотом дела, он думал сделать Тохтамыша своим верным вассалом и проводником своей политики в Улусе Джучи. Тохтамыш, однако, не оправдал надежд Тимура и, став акордынским ханом, пошел по стопам политики Урус-хана, т.е. начал внутри Улуса Джучи борьбу за объединение и создание сильной Золотой Орды. Воспользовавшись полным ослаблением Мамаю, которого Дмитрий Донской разбил на Куликовом поле в 1380 г., Тохтамыш в том же году двинулся на Мамаю и на р. Калке нанес ему быстрое и сокрушительное поражение.

Победа эта дала возможность Тохтамышу захватить власть в Золотой Орде и объединить вновь обе части Улуса Джучи. С каждым годом росли и усиливались противоречия между Тимуром и его коварным, но энергичным ставленником. Тохтамыш делал как раз то, против чего готовил его Тимур. Стремясь вернуть Золотую Орду к лучшим дням времени Узбек-хана (1312-1340), Тохтамыш начал ряд походов за расширение золотоордынской территории, в том числе в Закавказье и Азербайджане, послал большое войско в 1385 г. для захвата Тебриза. Великодержавная политика Тохтамыша была неприемлема для растущего тимуровского государства в Мавераннахре. Тохтамыш не только был помехой деятельности Тимура, но вместе с тем представлял интересы государства, которое в сущности своей было полной противоположностью государству Тимура в Мавераннахре. Золотая Орда была искусственным государственным объединением. Она держала власть над культурным населением Крыма, Поволжья, Хорезма средствами грубейшего насилия. Ведь власть была в руках тюрко-монгольской кочевой знати, точнее монгольской династии из дома Джучидов, которая опираясь на военные силы, эксплуатировала богатые земледельческие области и культурные города Поволжья, Болгар, Крыма и Неверного Кавказа. Население этих областей мечтало о падении власти монголов и полном своем освобождении. Иное, как мы видели выше, наблюдалось в Мавераннахре. Здесь население земледельческих областей и городов жаждало объединения в единое, большое государство, так как это объединение могло вывести страну из феодальной разрухи.

Тохтамыш в конце 80-х годов явно искал случая для столкновения с Тимуром, стремясь отвлечь его от иранских дел. В 1387-1388 гг. Тохтамыш, используя отсутствие Тимура, совершил нападение на

Мавераннахр и начал подстрекать Хорезм к восстанию против Тимура. Хорезмшах Сулейман Суфи легко пошел на это, чем вызвал гнев Тимура. В 1388 г. Тимур совершил последний поход на Хорезм. Заняв Ургенч, Тимур ликвидировал династию Суфи и приказал переселить жителей Ургенча в Самарканд, а самую столицу сровнять с землей и посеять на ней ячмень. В течение десяти дней войска Тимура грабили богатый и прекрасный город. Много жителей Ургенча, особенно ремесленников, было переселено в Мавераннахр, однако город не мог быть сровнен с землей и сохранил несколько своих прекрасных зданий. В 1391 г., во время похода против Тохтамыша, Тимур отдал распоряжение восстановить город. Так прекратило самостоятельное существование небольшое, но богатое и культурное Хорезмское княжество. С тех пор Хорезм вошел в состав сначала государства Тимура, а потом - государства среднеазиатских Тимуридов. Таким образом, все земли Средней Азии, за исключением Семиречья и низовий Сыр-Дарьи, были объединены в руках Тимура. Войны Тимура с Тохтамышем не преследовали захвата земель, за исключением небольшой группы сырдарьинских городов, лежавших ниже Саурана. Тимур стремился лишь к полному ослаблению Улуса Джучи, так как видел в могущественной Золотой Орде постоянную угрозу создаваемому им в Средней Азии государству. Против Тохтамыша, после 1380 г. ставшего могущественным ханом, Тимур провел три крупных похода - в 1389, в 1391 и 1394-1395 годах. Походы эти, так же как и походы на Хорезм, перемежались с походами в Иран, на Кавказ и к южным границам Руси. Для удобства изложения мы пока сосредоточили внимание на борьбе Тимура с Золотой Ордой. Из указанных походов против Тохтамыша два последние должны остановить наше внимание. В 1391 г. Тимур выступил из Самарканда, зиму провел в Ташкенте и направился с 200-тысячным войском в степи теперешней Казахской ССР. В апреле 1391 г. у горы Улуг-таг, в районе расположения современного Карсакпайского рудника, Тимур приказал высечь на камне надпись, в которой говорится, что султан Турана Тимур с двумястами тысяч пошел по кровь Тохтамыша-хана. Надпись эта была обнаружена около десяти лет тому назад и ныне хранится в Ленинграде, в Государственном Эрмитаже. После долгих переходов огромное войско Тимура встретилось с войсками Тохтамыша в местности Кундузча, между Самарой и Чистополем. Здесь произошла 18 июня 1391 г. жаркая битва, закончившаяся полным поражением

Тохтамыш.

Однако, ресурсы Золотой Орды были еще велики, и Тимур, выиграв сражение и захватив огромную добычу, не сломил самого золотоордынского государства. Борьба между ними продолжалась. В 1395 г. произошло новое сражение между Тимуром и Тохтамышем на Северном Кавказе, в долине р. Терека. Здесь Тохтамыш также потерпел поражение. На этот раз силы Тохтамыша были настолько ослаблены, что Тимуру была открыта свободная дорога в Поволжье, к самому сердцу Золотой Орды - ее столице, г. Сарая Берке. Большой и богатый город был захвачен, предан грабежу и сожжен, причем из него была вывезена огромная добыча, в состав которой, кроме разнообразных материальных ценностей, входило большое количество пленных - мужчин, женщин и детей, обращенных в рабство. Пострадало не только Нижнее Поволжье с его главными городами - Сараем Берке и Хаджи-Тарханом (Астрахань), - но и Крым с его приморскими городами (например, Каффа), а также Азак (Азов) и Северный Кавказ. Если же принять во внимание, что за семь лет до этого Ургенч был опустошен, то станет ясным, что у Тимура был определенный план - подорвать хозяйственную, особенно торговую, жизнь наиболее культурных областей, входивших в состав Золотой Орды. Известно, что опустошения и разрушения здесь были настолько велики, что все эти места долго не могли экономически возродиться.

Разгром на Тереке и опустошение Сарая Берке в 1395 г. нанесли Золотой Орде непоправимый удар. Хребет государства, причинившего столько зла Древней Руси, был переломлен. Золотая Орда после 1395 г. явно стала клониться к упадку. Разгром Мамаю в 1380 г. на Куликовом поле был первым и главным клином, вбитым в Золотую Орду; поражение на Тереке в 1395 г. и разгром Сарая были вторым ударом. Тимур вел борьбу с Золотой Ордой ради среднеазиатских интересов и без контакта с московским князем, о котором не имел ясного представления; однако объективно он сделал полезное дело не только для Средней Азии, но и для Руси. Тимур не понимал, какое значение для русской истории имел его удар по Золотой Орде, да и о Руси своего времени не имел в какой-нибудь мере соответствующих действительных знаний. Русская же летопись сохранила о Тимуре очень плохое воспоминание, так как в том же 1395 г. он поджег и ограбил несколько южнорусских городов. Если борьба Тимура с Хорезмом и Золотой Ордой была вызвана интересами объединения

Средней Азии в сильное государство, то его походы в Иран, Закавказье и более отдаленные страны носили чисто грабительский характер. Иран во второй половине XIV в. не представлял единого государства. После падения Хулагидского государства (1256-1336) в стране было несколько владений. Среди них прежде всего нужно отметить государство Джалаиридов (1336-1411) в Азербайджане и государство Сербедаров в одной из больших областей Хорасана - Себзеваре, просуществовавшее с 1336 по 1381 годы. Известное же владение Куртов с центром в Герате после падения Хулагидов просуществовало как самостоятельное владение всего несколько десятилетий, также до 1381 года. Перечисленные феодальные династии не доросли еще до сознания необходимости объединения всех этих владений в одно сильное иранское государство, в силу чего в Иране не было могущественной власти, которая могла бы противостоять войскам Тимура. Походы Тимура в Иран с первых лет носили завоевательный характер. Таков был и поход его на Герат в 1381 году. Гератом владел в то время Гияс ад-дин Пир Али из династии Куртов. Это был человек добрый, к людям весьма благорасположенный, характера не очень твердого, но храбрый. Несмотря на прекрасные укрепления Герата (внешние и внутренние стены) и неприступность знаменитой цитадели Ихтияр ад-дин, Гияс ад-дин не сумел воодушевить гератцев на борьбу, и жители не оказали упорного сопротивления, так как поверили обещаниям Тимура, что он им предоставит неприкосновенность и гарантирует жизнь, если они будут сидеть дома и не примут участия в защите города. Понятно, что в такой обстановке Тимуру легко было взять один из наиболее укрепленных городов Хорасана. Наложив на жителей огромную дань, Тимур приказал наиболее именитым жителям Герата (улемам, имамам и др.) покинуть город и отправиться в Шахрисябз, который в то время Тимур всячески старался возвеличить и украсить. Тогда же в Шахрисябз (Кеш) отправлены были известные гератские ворота (точнее, двери ворот), убранные железными резными полосами, покрытые надписями. Двери эти в момент составления сочинения Шереф ад-дина Али Иезди, т.е. в 1425 г., находились еще в Шахрисябзе. Боясь возможного восстания жителей, которые разочаровались в Тимуре (дань была очень тяжела), Тимур приказал скрыть укрепления города (городские стены с башнями), снять ворота и т.д. Не тронута была только цитадель Ихтияр ад-дин. Предположения Тимура

оправдались: в 1383 г., т.е. через два года, гератцы восстали, однако победить не сумели и были жестоко подавлены. На этот раз они заплатили значительно большую дань. В том же 1383 г. династия Куртов была низложена, а через шесть лет, в 1389 г., Мираншах, сын Тимура, на пиру коварно убил последних представителей династии Куртов.

Почти одновременно с падением Герата, в 1381 г., прекратило самостоятельное существование и государство Сербедаров. Последний сербедарский государь Али Муайад по собственной инициативе передал земли и власть Тимуру. Этот факт сам по себе говорит о том, что у Тимура были какие-то весьма дружественные связи с хорасанскими сербедарами. Два года спустя Тимур захватил силой Сеистан, также включив его в состав своего государства. К середине 80-х годов XIV в. огромная часть Восточного Ирана принадлежала Тимуру. На этом его движение вглубь Ирана не остановилось. Мы имеем в виду его длительные походы в Иран. Сначала «трёхлетний» - с 1386 г., затем «пятилетний» - с 1392 г., наконец, «семилетний» - с 1399 года. Походы эти были успешны и завершились покорением всего Ирана. Целью этих походов было завоевание чужих территорий и получение богатой добычи. Они не могут быть оправданы никакой нуждой объединительной деятельности Тимура в Средней Азии. В этих походах военачальники Тимура и простые воины его были жестоки и безжалостны к населению, терявшему не только свое имущество, но и свою свободу, а часто и жизнь. Всякий раз из длительного похода Тимур возвращался в Шахрисябз (Кет) или Самарканд, отягченный большой и богатой добычей.

К каким жесточайшим методам ограбления прибегал иногда Тимур, можно видеть из его походов 789 (1387) г. на области Фарса и Исфагана, которыми владели Музаффариды. Когда Тимур взял красивый, богатый и культурный Исфаган, он приказал жителям выкупить свою жизнь и право на собственность, точнее - на какой-то остаток их бывшей собственности.

Исфаганцы не хотели подчиняться эмирам Тимура и не желали платить дани. Случилось, что один из исфаганских кузнецов, работавших в пригороде, ночью забил тревогу и поднял народ против небольшого гарнизона Тимура. Почти все эмиссары, которым было поручено собирать дань по кварталам, были перебиты.

Когда Тимур, находившийся в лагере недалеко от Исфагана, узнал о

происшедшем восстании, он пришел в страшный гнев и приказал войскам силой овладеть городом. Тимур разделил население города на две части. Людей именитых, духовных и светских, он приказал не трогать, а остальных разрешил убивать, насиловать, отдав их имущество на полное разграбление своему войску. Каждый из воинов Тимура, участвовавший в карательной экспедиции, должен был поставить определенное количество голов. В исфаганском побоище было собрано 70 тыс. голов, из которых потом, по приказу Тимура, в «назидание» были сложены высокие башни.

Выше указывалось, что походы Тимура в одном направлении перемежались с его походами, совершаемыми в другом. Не раз ходил Тимур с большим войском в Азербайджан; вспомним поход Тимура в Тебриз в 1385-1386 гг. и ту большую дань, которую он наложил на несчастных тебризцев только за то, что за год до прихода Тимура они вынуждены были заплатить Тохтамышу 300 туманов золотом.

В Азербайджане в то время правил Ахмед Джалаирид (1382-1410). Во главе Ширвана находился Ибрахим Дербенди (1382-1417). Армению и Грузию Тимур покорил в 1392 г., внося огромные опустошения, оставив в памяти народной о себе воспоминание как об одном из жесточайших завоевателей. Азербайджан Тимуру удалось покорить лишь в 1397 году.

Имеется старое выражение: «Война порождает войну». Это целиком применимо к Тимуру. Победоносно закончив один поход, Тимур, опираясь на огромные резервы и добытые средства, начинал готовить следующий. Никакая политическая нужда не толкала в 1398 г. Тимура к организации его далекого Индийского похода, начатого в 1398 и законченного в 1399 году. Тимур ограбил огромную страну, безжалостно перебил 100 тыс. индийских пленных только за то, что, по слухам, они рассчитывали во время битвы Тимура с султаном Махмуд Дехлевийским помочь последнему восстанием в тылу тимурова войска. Разбив в сражении дехлевийского султана, Тимур захватил знаменитый г. Дели и вывез из него, а также из близлежащих областей несметную добычу.

В 1400 г. войска Тимура выступают на удаленном от Средней Азии западе и ведут борьбу с турецким султаном Баязедом и египетским султаном Фараджем. Тогда были захвачены Тимуром многие города в Малой Азии и Сирии. В Малой Азии был взят Сивас, а в Сирии - Халеб (Алеппо). В 1402 г. Тимур имел второе, на этот раз решающее

столкновение с Баязедом при Анкаре. Это было, быть может, самое крупное сражение того времени. С обеих сторон действовали армии, каждая из которых значительно превышала 200 тыс. воинов. В битве при Анкаре могущественный османский султан Баязед был наголову разбит и взят в плен. Значение этой битвы огромно не только в истории Азии. Сам того не подозревая, Тимур вторично оказал услугу европейским народам. Победа при Анкаре в 1402 г. и пленение Баязеда почти на 50 лет отсрочили завоевание турками-османами Константинополя.

Последний, незавершенный, поход Тимура был в Китай, начатый с 200-тысячным войском в конце 1404 г. и прекратившийся со смертью Тимура, 18 февраля 1405 года. К этому походу он тщательно готовился в течение нескольких лет.

Поход в Китай также был вызван стремлением к большой добыче, которая должна была превзойти всё, что получил завоеватель в предшествующих войнах. По существу, между тимуровским государством и Китаем не было ни одного противоречия, которое нельзя было бы разрешить мирным путем.

IV. ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ В ГОСУДАРСТВЕ ТИМУРА

Тимур отличался большим военным организаторским талантом, сильной волей и государственным умом. Вместе с тем он был в полном смысле слова сыном своей эпохи и ничуть над ней не возвышался. Живя в условиях созревания классических форм феодальных отношений, он был их активным проводником.

Собирая феодальные владения в единое феодальное же государство, Тимур вместе с тем сам порождал новые владения, раздавая в суюргал, т.е. в лён или феоде, округа, области, даже целые страны. Суюргал, как восточная форма лёна, получил при Тимуре широкое распространение. Под суюргалом тогда подразумевали передачу в наследственное владение и управление определенной земли с правом взимания с ее жителей (сельских и городских) государственных налогов и податей целиком или частично в пользу взимавшего. На основе суюргального пожалования и раздавал Тимур в управление отдельные части своего государства прежним владельцам, членам своей семьи (сыновьям и внукам), а иногда и выдающимся своим эмирам за их заслуги. Приведем ряд примеров: завоевав крепость - владение Ахлат, - Тимур вернул его

на основе суюргального пожалования прежнему владельцу Адилю Джузу. Крепость Айдан Тимур передал в суюргал ее бывшему хакиму Баязеду. Крепость Каркул была передана на основе того же суюргала эмиру Али, владевшему ею и ранее. Когда Тимур после подавления восстания гератцев в 1383 г. ликвидировал династию Куртов, он образовал гератское владение, в которое включил земли Балха, Кундуза, Балкана, Бадахшана, Хутталяна, Хисара и передал их в суюргал своему третьему сыну, Мираншаху. На той же суюргальной основе Мираншаху в 1393 г. был передан «престол Хулагу-хана» - бывшие владения Хулагидов. В 1393-1394 гг. второму своему сыну, Омар-шейху, Тимур передал на основе суюргального пожалования Фарс. За год до этого, в 1392 г., Пир-Мухаммеду, сыну Джехангира, на том же основании Тимур передал «престол Газневидов» - земли, когда-то составлявшие Газневидское государство (в сокращенных, правда, размерах после образования государства великих Сельджуков).

После Мираншаха «престол Хулагу-хана» был передан сначала Мухаммед-султану, сыну Омар-шейха, а после смерти Мухаммед-султана, в 1403 г., земли эти перешли к Омару, сыну Мираншаха. На таком же основании Рустем, брат другого Пир-Мухаммеда (сын Омар-шейха), владел Исфагаиом, а Абу Бекр, сын Мираншаха, - Багдадом. Список этот можно было бы значительно расширить.

Государство Тимура, если его взять в среднеазиатской и иранской частях, представляло совокупность феодальных владений, объединенных в единое государственное целое. Весьма характерно, что Мавераннахр, за исключением Ферганы, Тимур не дробил, никому не передавал и крепко держал в своих руках. Система раздачи отдельных частей государства на суюргальных началах содействовала накоплению в стране скрытых феодализирующих сил, которые могли в критический момент сразу же разрушить и целостность государства, что и произошло тотчас же после смерти Тимура. Обладая твердой рукой, Тимур умел подчинять своей воле всех своих владельцев - вассалов. Горе было тому, кто не подчинился его приказаниям и противопоставлял свою волю воле государя. Когда глава племени джелаиров не подчинился в 1376 г. могущественному эмиру, он его казнил, а всех джелаиров распределил по разным округам, уничтожив таким образом целое кочевое владение в районе Ходжента. Когда в Самарканде Тимур обнаружил, согласно рассказу Ибн Арабшаха, непокорность со стороны некоторых эмиров, опиравшихся на

недовольные Тимуром элементы, он их в 1388 г., заманив хитростью, всех перебил. Когда сын Омар-шейха Пир-Мухаммед не выполнил приказа и не выступил в поход, Тимур отнял у него Фарс с г. Ширазом, которым он управлял после смерти отца. Близких же ему людей он казнил. Впрочем, в 1403 г. он сменил гнев на милость и вернул Пир-Мухаммеду суюргал.

Сохранял ли Тимур кебековскую административную систему - деление на тумены? К сожалению, в источниках мы имеем об этом мало фактического материала. Однако и то малое, что имеется, указывает на то, что в Мавераннахре, который в большей части находился в руках Тимура, эти административные единицы (тумены) сохранялись до самого конца его правления.

Всё вышеизложенное показывает, какую огромную роль в управлении этим сложным феодальным миром играла личность Тимура. Он зажал все феодализирующие силы обширного государства в твердой руке и, направляя своих вассалов на непрерывные, большей частью грабительские походы, создал военный режим самой суровой дисциплины, придав всей системе правления явно деспотический характер.

Социально-экономические отношения в Мавераннахре времени Тимура в специальной литературе совсем не разработаны.

Для монгольской эпохи характерно резкое ухудшение в положении крестьян и ремесленников. Ухудшение положения крестьян шло в сторону прикрепления последних к платимым ими налогам и выполняемым ими повинностям, а через них - и к земле, что ярче всего отразилось в монгольском Хулагидском государстве в ярлыке 1303 г., изданном Газан-ханом. С крестьян взимали земельный налог (под разными названиями: харадж, мал), подушную подать (джизью), которая до монголов, согласно мусульманскому праву, взималась только с неверных, подводную повинность (улаг), барщинные работы (бегар) и чрезвычайные налоги (аваризат).

Если принять во внимание, что все эти налоги взимались в Мавераннахре при Тимуридах Абу-Сайде (1451-1469) и Султане Ахмеди (1469-1494), то можно быть уверенным, что они взимались и при Тимуре, тем более что упоминания о них в разбросанном виде встречаются в источниках.

Едва ли только в Мавераннахре имело место прикрепление крестьян к земле. Источники об этом совершенно молчат.

Ухудшение положения ремесленников при монголах характеризуется внедрением в их среду полурабских отношений. Это в 1264 г. особо ярко отметил в своих записках Плано Карпини. Ко времени Тимура и при нем в положении ремесленников в самом Мавераннахре наступило значительное улучшение, однако в отношении к пленным ремесленникам, перевезенным в Самарканд и Шахрисябз, Тимур продолжал практиковать полурабские формы эксплуатации. Клавихо, рассказывая о замке Тимура в самаркандской цитадели, говорит: «В этом же замке царь держал около тысячи пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, луки и стрелы и круглый год работали на него». Здесь определенно говорится о типичной корхане (большая эмирская или султанская мастерская), которая весьма характерна для монгольской эпохи и в которой царили полурабские формы эксплуатации. Вместе с тем основная масса ремесленников в Мавераннахре лично была свободна и несла лишь обычные феодальные повинности.

Военная история причисляет Тимура к числу крупнейших полководцев средневековой Азии. Его военное дарование раскрылось в двух направлениях: как организатора войска и как полководца. Тимуровское войско по своей организационной структуре продолжало традиции Чингис-хана. Во-первых, оно было ополчением, во-вторых, строилось по десятичной системе, т.е. делилось па тумены, тысячи, сотни, десятки. Различие состояло в том, что при Чингисхане основу войска составляли кочевники и значительно меньшую роль играло оседлое население завоеванных стран, привлекаемое в принудительном порядке в хашар. При Тимуре же оседлая часть войска хотя и не составляла основы, однако была весьма существенной, а быть может, и равной с кочевниками частью. Оседлые области поставляли пехоту, а также отряды артиллерии того времени - воинов, обслуживающих камнеметные, стенобитные, огнестрельные (радандоз) машины, самострелы и др. Когда Тимуру нужно было призвать определенные контингента конницы и пехоты, он направлял тавачиев (лица, выполнявшие особо важные поручения государя) в ту или иную область своего государства с предписанием собрать, согласно переданному числовому списку (сан), нужное количество туменов. Тавачии собирали воинов пеших и конных, оседлых и кочевников, тюрков и таджиков. Согласно описаниям Абд-ар-Реззака Самарканди, автора XV в., каждый воин ополчения должен был взять с собой

провиант на год, четыре вида оружия, лук, 30 стрел, колчан, налучье и щит. У каждого двух воинов-конников должна была быть третья, запасная лошадь (завольная), на каждые 10 человек - одна палатка, 2 заступа, 1 мотыга, 1 серп, 1 топор, 1 шило, 100 иголок, полмана амбарного веса веревок, 1 крепкая шкура, 1 котёл. Каждая область (она же суюргальное владение) поставляла основной контингент (асль) и дополнительный (изафе). В десятичном членении войска особую важную роль играли кошуны, составлявшие, как правило, отряд в несколько сот человек. Вообще в то время под старым названием - тумен, тысяча, сотня - числились отряды, имевшие фактически иное число воинов. Тумены имели меньше 10 тыс., а кошуны - больше 100 человек.

В походе всегда соблюдался строгий порядок (мурчил). Эмир каждого подразделения - тумена, тысячи, кошуна - хорошо знал свое место и строго его придерживался.

Впереди главных сил в походе шел авангард (манкыла), состоявший иногда даже из нескольких туменов. От манкыла нужно отличать караул (сторожевое охранение), которое шло впереди авангарда. Особое место занимала разведка (хабаргири), направлявшаяся любой значительной частью войска. Для разведки отбирались исключительно храбрые воины. В походе особую важную роль играли «проводники» (качарчи). Тимур сам обыкновенно распределял между отдельными частями войска проводников.

Во время походов приходилось делать остановки. Если ста» устраивали вблизи врага, то окапывали его рвом, ставили защитные орудия - туры (по-видимому, передвижные башни), большие окопные щиты (чапары). Хотя в нашу задачу совершена не входит вопрос о вооружении войска Тимура, однако считаем необходимым отметить, что именно в его эпоху на Ближнем Востоке впервые появилось огнестрельное оружие. Так, при описании войска Султана Махмуда Дехлевийскоп перед битвой с Тимуром у Дели в 1399 г. Низам ад-дин Шаш упоминает на вооружении у индийского войска радандоз, особые огнестрельные «громобросающис» орудия, нечто вроде примитивных пушек. Тот же автор, то же орудие (рад) упоминает у воинов осажденного Тимуром Дамаска в 1400-1401 годах.

Большой интерес представляет порядок, в котором войска располагались перед сражением. Низам ад-дин Шами, Шереф ад-дин Али Иезди приписывают Тимуру новаторство в этом отношении. Чтобы понять, что нового внес Тимур в военное искусство, необходимо

представить себе, каково было расположение войска в начале военной деятельности Тимура. С этой точки зрения большой интерес представляет порядок войска во время «грязевой битвы» 1365 года. Боевой строй войска Тимура состоял из центра, правого и левого крыльев, каждое из которых имело дополнительное войсковое соединение - фланговое охранение, так называемый канбул, - и авангард (караул). Боевой порядок, так образом, состоял из семи частей, из которых три имели более или менее самостоятельное значение, а четыре (два авангарда и два канбула) - подчиненное. Характерной чертой такого боевого строя являлась слабость его центра по сравнению с крыльями: центр не имел ни авангарда, ни резерва. В 1391 г. в знаменитом сражении с Тохтамышем при Кундузче у Тимура был уже значительно усовершенствованный боевой строй войска. Шереф ад-дин Али Иезди рассказывает, что Тимур первый ввел членение войска на семь кулов - корпусов. Это были самостоятельные и ответственные лишь перед командующим войсковые соединения. В боевом строю 1391 г. мы имеем уже иное отношение к центру. Крыльям, как и в старом боевом порядке, придается весьма важное значение. Это видно хотя бы из того, какое большое внимание обращается на боковое охранение флангов (канбул). Однако, особенно укрепляется центр. Он получает авангард, и кроме того, позади него устраивается ставка командующего; там же находятся резервы, которые в большинстве случаев и решают исход сражения. Итак, в новом боевом строе и центр и крылья сделались предметом одинаково большого внимания. Если центр был охраной резервов и ставки командующего и резервы направлялись в то место сражения, где в них была нужда, то канбулы имели целью предохранить крылья от прорыва и не допустить обходного движения врага, который мог ударить в тыл, обойдя правое или левое крыло с флангов. Канбулы составлялись из наиболее храбрых и опытных в боях кошунов, под командой авторитетных военачальников. Войско имело, как указывалось выше, не только конников, но и пехотинцев. Последние в боевом расположении стояли впереди конников и, в случае нападения врага, особенно при конной атаке, укрываясь за свои окопные щиты (чапары) и туры, давали первый бой. Пехотинцы играли исключительную роль на том участке боевого расположения, где бой имел оборонительный, характер. Шереф ад-дин Али Иезди, описывая битву Тимура с Тохтамышем в 1391 г.,

определенно указывает, что эмиры туменов, тысяч и кошунов левого и правого крыльев тимурова войска выстроили в боевой порядок пехотинцев и всадников. Та же картина наблюдалась и в битве Тимура с Тохтамышем в 1395 году. Гияс ад-дин Али, описывая Индийский поход Шура 1398-1399 гг., не раз говорит об участии пехотинцев в сражении. Так, упоминая битву на берегу Гуля (Джуль), он замечает, что левое крыло имело в авангарде кул Султана Али авачи, в котором были пешие отряды хорасанцев. Примеров подобного рода можно привести немало.

Свои войны Тимур вел с исключительной жестокостью, причем большей частью она ничем не могла быть оправдана. Чем можно оправдать постройку башни из 2 тыс. живых людей, переслоенных битым кирпичом и глиной, что имело место при взятии Исфизара (город в Афганистане), или башен, сложенных в восставшем Исфагане из 70 тыс. голов, о чем говорилось выше, или, наконец, погребение 4 тыс. живых людей после взятия города Сиваса в Малой Азии? Однако самым ужасным из всех его деяний этого рода является убийство около 100 тыс. пленных индусов - гебров и идолопоклонников - перед генеральным сражением, которое он имел с Дехлевийским (делийский) султаном Махмудом. Низам ад-дин Шами эпически спокойно рассказывает, что Тимур издал этот приказ после того как ему донесли, что пленники в критический момент сражения могут ударить с тыла, хотя они, кстати, ничем не были вооружены.

Тимур не принадлежал к Чингисидам, поэтому никогда не именовал себя ханом. Как и все люди того времени, он относился к титулу хан с большим пиететом и несмотря на свое большое властолюбие и честолюбие удовлетворялся скромным титулом гургана (зять, в данном случае - ханский зять). Право на титул гургана он приобрел после женитьбы на Сарай Мульк-ханым, которую он взял в гареме эмира Хусейна после его ликвидации в 1370 г. и которая была дочерью Чингисида - хана Казана, последнего хана Мавераннахра из дома Чагатаев. Следуя традиции, установленной еще эмиром Казаганом, Тимур держал при себе подставных ханов - Суюргатмыша (1370-1388) и потом его сына Султан Махмуд-хана (1388-1402). После смерти последнего он больше подставного хана не держал и чеканил монеты от имени умершего. Оба подставных хана не играли политической роли, в распоряжения Тимура не вмешивались и были в этом отношении фигурами чисто декоративными. С Султан Махмуд-ханом

Тимур был в очень хороших отношениях и имел в его лице прекрасного, энергичного военачальника, командовавшего в конце XIV и начале XV в. ответственными войсковыми подразделениями. В битве при Анкаре Султан Махмуд-хан сыграл немаловажную роль и даже захватил султана Баязета в плен.

До сих пор нельзя с полной уверенностью сказать, что среди сохранившихся миниатюрных изображений Тимура имеется его достоверный портрет. Нет и подробных описаний, которые дали бы ему как бы словесный портрет. Из писавших о нем видели его два наблюдательных человека. Один из них был Клавихо, видевший Тимура осенью 1404 г. несколько раз, другой - Ион Арабшах, который видел его за два года до его смерти. Ибн Арабшаху было тогда не более 14 лет; следовательно, он мог говорить о наружности Тимура, сочетая отдаленные личные воспоминания с рассказами других людей. Согласно описанию Ибн Арабшаха, Тимур был высокого роста, широкоплеч, обладал большой головой и густыми бровями, имел длинные ноги и длинные сухие руки, носил большую бороду. На правую ногу Тимур был хром. Глаза его были подобны свечам, но без блеска. Голосом обладал громким, отличался мощной силой и большой храбростью, смерти не боялся, до конца жизни сохранил ясную память, не любил шуток и лжи, напротив того, правда, даже ставившая его в затруднительное положение, ему нравилась. Что фактически прибавил Клавихо к этой характеристике? Описание платья и указание, «что он нехорошо видел и был уже так стар, что почти не мог поднять веки». В 1941 г. М.Герасимов попытался реконструировать на основе черепа Тимура его лицо. По отзыву антропологов, М.М. Герасимов дал максимальное приближение к тому портрету Тимура, каким его словесно нарисовал Ибн Арабшах.

Выше указывалось, что Тимур с детства знал тюркский и таджикский языки и производил впечатление человека образованного, хотя не умел ни писать, ни читать. Как же это могло быть? В часы досуга, особенно во время частых походов, Тимур любил слушать чтение, для чего и держал при себе «чтецов рассказов» (касса-хан). Больше всего он любил слушать чтение сочинений по истории. По словам Хафизии Абру, он имел познания в истории тюрков, арабов, иранцев. Если судить по Ибн Арабшаху, то такое же впечатление о Тимуре осталось у известного арабского историка Ибн Халду на, который имел с Тимуром личную беседу. Тимур ценил всякое знание, особенно если оно могло принести

практическую пользу, - медицину, астрономию, математику, - однако более всего интересовался архитектурой.

Тимур жил в эпоху, когда религиозное сознание во всём господствовало над малыми еще достижениями науки. Являлся ли Тимур благочестивым мусульманином? В этом отношении он был типичным представителем военно-тюркской аристократии, среды, которая всегда подчеркивала свою приверженность к мусульманскому благочестию. Будучи во всём прежде всего политиком, стараясь из всего извлечь пользу для государственного дела, Тимур сохранял самые дружеские связи с различными представителями мусульманского духовенства, создававшими ему популярность в широких кругах населения. В духе своего времени он держал при себе духовника - упомянутого выше шейха Береке, который молитвой старался подкрепить то, что делал Тимур мечом. Тимур был очень доволен, когда шейх Береке перед крупными сражениями, как это, например, имело место в битве в местности Кундузча в 1391 г., молил аллаха о даровании победы Тимуром. И всё же, несмотря на все старания держаться благочестивым мусульманином, Тимур ставил политический расчет выше споров между отдельными правоверными толками. По словам В.В. Бартольда, «тот же Тимур, который в Сирии выступал защитником Алия и его потомков, вследствие чего сирийцы считали его ревностным шиитом, в Хорасане восстановил суннитское правоверие, в Мазандеране наказывал шиитских дервишей за оскорбление памяти спутников пророка».

Бесперывные войны Тимура невольно наталкивают на сравнение его с таким завоевателем, каким в XI в. являлся Махмуд Газневи. Однако у них имеется общее лишь в разрушительной деятельности - в склонности вести грабительские войны. Огромные богатства, которые проходили в качестве добычи через руки Махмуда, не оплодотворяли хозяйственной жизни Газневидского государства. Иное дело - Тимур. Он, как хороший, расчетливый хозяин, всё, имеющее ценность, тянул в Мавераннахр, в центр своего обширного царства, которое он один держал в руках. Сюда он свозил не только разнообразные материальные ценности, но в еще большей мере использовал пленных специалистов - ремесленников, художников, архитекторов, ученых - и не потому, что Мавераннахр был беден этими специалистами, а полагая, что чем больше будет приток культурных сил, тем богаче станут ремесла, тем выше будут искусства и науки.

В Самарканде при Тимуре можно было увидеть мастеров Исфагана, Ширази, Халеба и других городов Сирии, Египта, Малой Азии, Азербайджана и т.д. Всем им он давал работу, всех их умел использовать на самых разнообразных стройках, будь то возводимые прекрасные здания - дворцы, мечети, медресе, мавзолеи, загородные сады, мастерские по выделке оружия, просто ремесленные дуканы или новые городские укрепления. Этой страстью Тимура к строительству, большим размахом его работ Клавихо был буквально поражен. И не случайно лучшие страницы своего дневника он посвятил описанию того, что было сделано и делалось Тимуром в Самарканде, Мавераннахр был выделен Тимуром из общей системы обширного государства в особое, привилегированное владение. Клавихо в своем дневнике отмечает, что на северный берег Аму-Дарьи, т.е. в Мавераннахр, пропускали всякого, кто хотел. Напротив, никто не мог без особого разрешения покинуть Мавераннахр и переехать на южный берег Аму-Дарьи: так сильно боялся Тимур потерять хотя бы одного человека, способного к работе.

Можно без преувеличения сказать, что шум строительных работ слышен был во всех крупных городах Мавераннахра, особенно в Самарканде и его окрестностях, Шахрисябзе, даже на краю степи и культурной полосы - в г. Ясы (Туркестан).

Столицей огромного тимурова государства стал Самарканд. Тимур считал, что по величине и красоте ни один город не может быть ему равным. Самарканд должен был затмить все бывшие до него столицы. Ибн Арабшах рассказывает, что Тимур устроил вокруг Самарканда ряд селений, назвав их именами знаменитых городов - Миср (Каир), Димшик (Дамаск), Багдад Султания, и Шираз, из которых три были столицами: Дамаск - омайядского, Багдад - аббасидского, Миср - фатимидского халифатов. В то, что селения носили названия знаменитых городов, была вложена определенная политическая идея: перед Самаркандом все они меркнут так же, как меркнет простое селение перед великим городом.

Тимур не только украсил город новыми зданиями, имеющими общественное значение, но и значительно перестроил его, создав в нем благоустроенные базары, пополнив его махалла (кварталы) разнообразными ремеслами. Часть замечательных построек Тимура дошла и до нас. Среди них нужно отметить чудесные мавзолеи в группе Шах-и-Зинда, соборную мечеть Тимура, известную сейчас под именем

Биби-ханым, усыпальницу Гур-Эмир, где похоронены Тимур и некоторые члены его династии - его сыновья и внуки - Тимуриды. В Шахрисябзе и по сей день стоят развалины портала его прекрасного дворца Ак-сарай и других зданий. Замечательным памятником строительной деятельности Тимура является мечеть Ходни Ахмед Ясеви в г. Туркестане. Вокруг Самарканда Тимур построил прекрасные загородные дворцы-сады: Баг-и-Чинар, Баг-и-Диль-куша, Баг-и-Бихишт, Баг-и-Боланд и др. Здесь среди тенистых деревьев и цветников проводил он те немногие дни, когда после похода возвращался домой. Тимур умер во время последнего, неоконченного похода в Китай 18 февраля 1405 г., в холодную зимнюю ночь, выпив чересчур много вина. Хотя приближенные Тимура старались скрыть от народа смерть своего государя, однако весть о ней быстро распространилась и произвела ошеломляющее впечатление. Всем было ясно, что в стране вновь начнется смута, борьба царевичей и эмиров друг с другом. И действительно, Пир-Мухаммеда, сына Джехангира, которого Тимур назначил своим наследником, никто из сильных феодального мира не признал. Те самые царевичи и эмиры, которые при жизни Тимура знали свои места в войске и государстве и стремились превзойти друг друга быстротой исполнения приказаний великого эмира, подняли головы и, не признавая ничьего авторитета, начали друг с другом феодальную войну за «тимурово наследство». События, имевшие место с 1405 до 1409 г., наглядно показали, как непрочны были нити, которыми Тимур соединял отдельные части своего государства в обширную империю. Фодализирующие силы, зажатые в деспотический кулак правителя и полководца, со смертью последнего были выпущены на свободу; наступил новый этап смут. Тимур - фигура глубоко противоречивая. Его деятельность в Средней Азии, как мы могли убедиться выше, имела немало положительных черт в области ликвидации феодальных смут и феодальной раздробленности, с одной стороны, и гигантской строительной работы - с другой.

АВТОБИОГРАФИЯ ТАМЕРЛАНА ³

Во имя Бога, милостивого, милосердного.

Да будет ведомо всем счастливым детям, могущественным родственникам, почетным приближенным и визирям, что Всевышнему благоугодно было поставить меня пастырем народа, возложить на голову мою венец царский и утвердить меня на престол. Всеми этими милостями я обязан присущим мне двенадцати нравственным качествам.

1. Первым таким качеством я считаю беспристрастие. Я ко всем относился одинаково строго и справедливо, не делая никакого различия и не выказывая предпочтения богатому перед бедным.
2. Я всегда строго хранил заветы веры и относился с подобающим уважением к людям, возвеличенным силою Божией.
3. Я щедро раздавал милостыню бедным и терпеливо разбирал каждое дело, прилагая все усилия к тому, чтобы разобрать его как можно лучше.
4. Все мои действия я направлял к общей пользе, не причиняя никому без нужды никакой неприятности и не отталкивая обращающихся ко мне по разным случаям. Текст Корана, смысл которого, что слуги Божьи должны исполнять одни лишь Его повеления и от Него принимать милости, был мною усвоен, и во всех делах своих я им руководствовался.
5. Дела, относящимся к вопросам веры, я отдавал всегда предпочтение пред делами житейскими, мирскими, VI только исполнив в точности всё, что требует от человека религия, что надлежит Богу, я принимался за исполнение дел житейских.
6. Я всегда был правдив в своих речах и умел отличать правду в том, что мне удавалось слышать о настоящей и будущей жизни. Между прочим, я слышал рассказ, что когда Всевышний сотворил первого человека - Адама, ангелы сетовали на Бога за Его первое творение, скорбя, что это дело всемогущего Бога не будет иметь благих последствий. Ангелы высказали Богу уверенность, что созданный Им человек, без всякого сомнения, будет обманывать себе подобных, не будет исполнять

³ * Автобиография Тамерлана/Пер. с тюрк., Ташкент, 1894.

данных другим обещаний, будет совершать убийства и, вообще, своей несправедливой жизнью заставит своего Творца раскаяться в том, что человек создай. Бог ответил Ангелам, что случаи проявления людской злобы Им предусмотрены и что, сотворив род человеческий, Он имеет в виду ниспослать на землю меч, который воздаст должное преступным людям за их злые деяния. Обдумав содержание этого рассказа, я пришел к заключению, что Бог подразумевал под этим карающим неправду мечом правителей созданного Им человечества, и прилагал все усилия, чтобы поступать во всем справедливо и правильно судить обо всем, что встречалось в моей жизни.

7. Я никогда не давал такого обещания, которого не в состоянии был бы исполнить. Исполняя в точности данные мною обещания, я никому не причинял вреда своей несправедливостью.

8. Себя я считал первым, усерднейшим слугою Бога на земле и без повеления Бога, или пророка, не предпринимал ничего. Без воли Божьей я не причинял вреда ни одному из населявших землю народов. Лицам высокопоставленным и простому народу я одинаково желал сделать добро. Во мне не было никогда желания завладеть чьим-либо имуществом, и я никогда не заботился о том, чтобы скопить побольше материальных богатств. Никогда я не чувствовал зависти к кому-либо. В этом отношении для меня был крайне поучителен пример амира Хусайна, причиной падения которого была жадность, проявленная им по отношению к имуществу своих подданных.

9. Я придавал одинаковую веру и старался в точности исполнить как повеления Божьи, так и откровения Пророка. Во всех поступках своих я руководствовался исключительно указаниями Шариата и всеми силами уклонялся от дурных дел. Пророка и его последователей я почитал своими единственными и лучшими друзьями.

10. Я высоко поднял на земле знамя Ислама и в распространении веры видел всегда могучий залог собственного моего величия. Я слышал, что вера и величие как бы рождены из одного чрева и потому только то могущество прочно, которое зиждется на твердой вере.

11. Я всегда относился с должным уважением к сайдам, почитал улемов и шейхов. Эти лица всегда участвовали в моем совете и всё, что ими указывалось по делам веры, я всегда выслушивал со вниманием и исполнял в точности. За это народ меня очень любил и все были мне признательны. В отношениях своих к упомянутым лицам, я руководствовался примером царя Константина; этот благочестивый

правитель однажды собрал войско, чтобы идти войной на царя Ран. Двигаясь с войском к стране последнего, Константин вдруг узнаёт, что в совете царя Рай заседают сайды, улемы и шейхи. Узнав это, Константин отказался мысли покорить царство Рай и поспешил возвратиться назад с своим войском. Своим приближенным и военачальникам царь объяснил свое решение тем, что в книге Самауви говорится о важности присутствия в совете царском почетных лиц духовного звания. «Если в совете царя заседают духовные лица, сказано там, то никто не в состоянии одолеть такого царя». Константин е дороги написал султану Рай, что правление его подобно правлению царя царей, а потому он раздумал идти воевать с царем, которого не может победить.

12. Своим милостивым вниманием я снискал признательность людей даже самого низкого общественного положения - юродивых, не имеющих определенного пристанища. Я всеми силами старался улучшить положение этих людей. К мусульманам я был снисходителен, за каждую маловажную провинность не взыскивал слишком строго. К потомкам пророка я всегда относился с подобающим уважением. Я избегал выслушивать людей, говорящих неправду. Я слышал, что слава царей зависит от их милостивого отношения к своим подданным, и в Коране сказано, что, простив вину одному виновному, правитель тем самым оказывает милость всем людям. Примером таких милостивых царей я и руководствовался во всех своих действиях. Я слышал, что если Бог возвеличит кого-либо и этот человек во всех своих делах будет руководствоваться справедливостью и будет милостив к своим подданным, то его могущество возрастет, если же такой человек уклонится на путь несправедливости и жестокости, то падет и его могущество. Вследствие этого, чтобы поддержать свое могущество, я взял в одну руку свечу справедливости, а в другую - свечу беспристрастия и этими двумя свечками освещал всегда свой жизненный путь, т. е. правилами этими руководился во всех своих поступках. Я выбрал себе четырех министров, проникнутых теми же идеями; назову из них Махмуд Шахаба Хорассанского и Наереддин Махмуда-уль-Арамыра. Этим министрам я повелел неусыпно следить за мной и останавливать меня каждый раз, как я вздумаю поступить несправедливо, поверю чьим-либо ложным словам или захочу воспользоваться чьим-либо чужим имуществом. Я слышал, что Бог, возвеличивая какого-нибудь человека, оказывает ему тем самым

великую милость, и такое благоволение Творца обязывает возвеличенного человека в свою очередь быть справедливым и милостивым. Сидя на престоле, я постоянно помнил об этом и вполне усвоил себе эти качества.

Сильное войско мое, расположившись у Эрзрума заняло всю степь, окружающую этот город; взглянул я на войска свои и подумал; ведь вот я один и, кажется, не обладаю никакой особенно» силой, а всё это войско и каждый воин в отдельности - все безусловно повинуются моей воле. Стоит мне отдать какое-либо приказание и оно будет в точности исполнено. Размышляя таким образом, я возблагодарил Создателя, так возвеличившего меня среди своих рабов, и спросил у мудрых высших духовных лиц, р чем заключается причина повиновения всей этой массы людей моей воле. Улемы объяснили мое влияние тем, что меня осенило величие Божье, и потому я силен силою и волею Божьей. Они привели текст Корана, в котором сказано, что если правитель во всех своих действиях будет руководствоваться справедливостью, то все подданные его будут ему повиноваться беспрекословно, а враги его будут трепетать пред ним. При этом преданность такому царю его подданных объясняется тем, что нет никакой причины не быть признательным и послушным такому правителю.

Когда мне исполнился 21 год, я задумал отправиться в путешествие. Прежде всего я обратился за напутственным благословением к шейху Заинуддину-Абубекру Тайбадскому. Этот старец, благословляя меня на задуманное мною дело, препоясал меня поясом, дал мне шапку и вручил коралловое кольцо с надписью: «рости-расти», что означает: если будешь справедлив, то во всём встретишь удачу. Шейх пожелал мне всякого успеха в делах и между прочим рассказал, что из бывшего ему откровения он узнал, что на земле есть один человек, который во всём меня поддерживает, называя наибом пророка, что теперь я не могу увидеть этого человека, но когда-нибудь он сам посмотрит на меня счастливым взглядом...

Оба мы совершили омовение, и затем Сайд Али-ата начал молитву, а я последовал его примеру. Я усердно молился, и молитва доставила мне большое наслаждение. Помолившись, кутб сказал мне: «Ты Божий гость и потому, во имя гостеприимства, Бог готов исполнить всё, о чем ты его теперь попросишь». Я стал просить утверждения в вере (иман). Тогда мой бывший конюх сказал: «Вера принадлежит пророку; вера есть город, вне которого некоторые произносят: „нет божества, кроме

Аллаха"; Другие, внутри его, говорят, что кроме Аллаха, нет божества; имя того города „баб-ул-абваб", там жилище произносящего счастливые слова: „Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад пророк Бога"». После этого конюх снова начал класть поклоны, и я последовал его примеру. Когда я поднял голову после поклона, я заметил, что кутб уже умер.

В отчаянии, я возвратился к шейху, которого оставил, и рассказал ему подробно всё, что случилось со мною с того времени, как мы расстались.

Шейх сказал мне: «Владычество принадлежит одному кутбу, наместнику Бога, который, по приказанию кутба кутбов, оказывает помощь султану; к последнему, по смерти кутба, переходит вся власть. Власть Кайсара поддерживал один человек Божий, этот народ исчез и власть его перешла к тебе».

Эти слова почтенного старца навели меня на мысль, что мое могущество и слава дошли тоже до высшей точки, но я надеялся, что на мое место встанет какой-нибудь справедливый царь. Чтобы сделать богоугодное дело, я отпустил на волю 4000 пленных «руми» и защитил Туран от набегов узбеков. Мне удалось прекратить в этой стране грабежи, и я овладел страню Маве-раннахр. За мое благополучие стали молиться во всех мечетях имама, стоящие на возвышениях (минбар), за меня стали возносить к Богу молитвы потомки пророка и высшие духовные лица.

Однако нашелся недовольный таким отношением ко мне народа. Хазрет Убайдулла, самый знаменитый из высших духовных лиц, громко высказал: «Тимур - кровожадный турок; он убил много народа; за него молиться нельзя».

Вскоре после выраженного таким образом протеста против молитв за меня, Убайдулла в одну ночь видит во сне самого пророка и рядом с ним, меня сидящим. Убайдулла трижды почтительно поклонился пророку, но тот не обратил на него никакого внимания и даже не счел нужным ответить на обращенное к нему приветствие. Огорченный таким обращением, Убайдулла, обратился к пророку с речью: «О, пророк Божий! я служитель твоего шариата, Тимур - кровопийца, истребивший много людей, между тем ты его принимаешь, а меня отвергаешь». Пророк, выслушав Убайдуллу, возразил ему, что хотя, действительно, по моей воле гибнет много людей, но этот грех свой я вполне искупаю своим почтительным вниманием к потомству пророка

на земле и потому, без всякого сомнения, за такого правителя народ должен молиться.

Услышав такое мнение самого пророка, Убайдулла проснулся и поспешил ко мне, чтобы выпросить прощение за причиненную мне, по неведению, неприятность. Всё это быстро узнал весь народ, и все убедились, что за меня молиться следует. Подданные мои сказали: «Да поможет ему Бог» и поняли, что я действительно пользуюсь особенной милостью Божьей.

Убедившись, что Пророк милостиво не отказывает мне в своей помощи, я стал еще с большим уважением относиться к его потомству.

Одной из милостей Божьих было то, что в 1398 г. я с 400000 конницы двинулся к г. Эрзруму. Двигаясь по направлению к этому городу, вместе со своим войском, я внимательно наблюдал за тем, что делается по сторонам дороги, по которой мы шли. Я скоро заметил, что со стороны Ирака к нам приближается большая толпа народа. Через час воины, охранявшие движение моей армии, донесли мне, что со стороны Ирака видна еще толпа арабов. Прошел еще час, и я получил новые сведения, что к моему войску прибыла большая толпа бедуинов и сайдов из Кербеллы и Педжефа. Всеми этими людьми предводительствовал сайд Паттах, а пред ним несли белое знамя.

Я очень обрадовался прибытию такого подкрепления и решил, что, вероятно, люди эти прибыли ко мне на помощь по воле Божьей. Сайд Паттах, приблизившись ко мне, сказал: «Во сне мне явился четвертый халиф, Али, и приказал мне: доставь белое знамя брату моему Тимуру. Жители Неджефа, в свою очередь, сказали, что белое знамя доставлено мне как помощь, при осуществлении задуманного мною дела, как средство к исполнению моего желания овладеть Эрзрумом. Услышав всё это, я пал ниц, благодаря Бога за помощь, и приказал записать это событие в историю моих подвигов. В то же время ученые, находившиеся в моей свите, нашли в Коране изречение, указывающее, что в том году Рум должен пасть; в то время прибыл Инга-Тимур из своего убежища и поздравил меня е победой; я принял слово «победа» за хорошее предзнаменование и вручил ему белое знамя. Он бросил взгляд на белое знамя и начал битву.

Бог и в других случаях, кроме приведенного, неоднократно помогал мне; так, когда я собирался в поход к столице Рума, я пожелал узнать наперед, суждено ли осуществиться моему намерению. Для этого я отправился на могилу святого шейха Ясави и просил погадать мне. При

посредстве гадания я узнал, что если во время войны я буду находиться в затруднительном положении, то мне стоит только прочесть нижеприведенное четверостишие и успех дела будет вне всякого сомнения. Стихи, которые должны были оказать мне такую помощь в трудную минуту, следующие:

«Ты, который по своему желанию волен темную ночь обратить в день. Ты, который можешь превратить всю землю в благоуханный цветник. Помоги мне в трудном деле, которое предстоит мне, и сделай его легким.

Ты, который делаешь легким всё затруднительное».

Я твердо запомнил эти стихи, и во время боя с Кайсаром 70 раз прочитал их про себя и одержал победу.

Бог помог мне и в следующем, 1399 году. Потомок Чингисхана, Туклук Тимурхан собрал войско для завоевания Мавериннахра и перешел у Ходжента Сыр-Дарью. Мавераннахрские эмиры и Хаджи Барлас из страха бежали в Хорасан и перешли Сайхун (Сыр).

Я сам был в нерешимости: последовать ли общему примеру и искать спасения в Хорасане или же добровольно присоединиться к войску Туклук Тимурхана.

Единственным средством разрешить мучившее меня сомнение было - посоветоваться об этом деле с моим духовным наставником, и я поспешил послать письмо шейху Заинуддину Абубекру, спрашивая, как поступить мне в данном случае. Шейх отвечал: «Четвертый халиф Али привел такое изречение Платона: если небо - лук и судьба - стрелы, то стрелок - Всевышний Бог; куда бежишь? Прибегни к самому себе и присоединись к Туклук-Тимурхану, так как он Божья тень».

Я понял ответ шейха в том смысле, что Богу угодно, чтобы я действовал заодно с Туклук Тимурханом, и потому поспешил присоединиться к нему у Ходжента на берегу реки Сыр-Дарья.

Хан был очень доволен, что я добровольно присоединился к нему и, по воле Божьей, облек меня полным доверием. Ни одного из своих предположений хан не приводил в исполнение, не посоветовавшись предварительно со мною. Так, однажды, до сведения хана дошло, что его эмиры в кипчакской степи подняли знамя бунта. Хан спросил моего совета, как следует поступить в этом случае: идти ли на кипчаков самому, чтобы примерно наказать виновных, или же послать только войско? Я сказал: «Если ты пошлешь кого-нибудь, то будет две опасности; если пойдешь сам - одна опасность; умный человек тот, кто

предпочитает одну опасность двум». Другой раз хан спросил моего совета по какому-то делу, и я ответил ему так: могущество твое подобно громадному шатру, раскинутому над всем Мавераннахром. Столбы, поддерживающие этот шатер - справедливость, веревки, на которых покоится крыша - беспристрастие, и колья, которыми укреплена палатка - правда; этими тремя качествами поддерживай свое могущество, как колья, столбы и веревки поддерживают шатер. Всякий под сенью этого шатра найдет спасение, а бегущий от него - погибнет. Шейхам, улемам и сайдам оказывай подобающее их высокому сану уважение, ко всем вообще относись справедливо. Хороших людей поощряй подарками, дурных - старайся исправить наказаниями; войско снабжай всем необходимым, а служащим у тебя исправно плати назначенное им жалованье; пусть воин будет убит, но жалованье он непременно должен получить.

Однажды люди царской свиты ограбили народ; потерпевшие пожаловались. Хан спросил у меня совета, и я ответил, что у турков ум такой же узкий, как их глаза; поэтому, чтобы добиться от них преданности, необходимо насытить их глаза и сердце. Туклук Тимур остался очень доволен моим ответом. Вскоре хай отправился на кипчаков, сам предводительствуя войском, а мне, на время своего отсутствия, вверил управление Мавераннахром

Туклук Тимурхан, поручая мне управление страной, снабдил меня грамотой, в которой значилось, что Туклук Тимур отдал Мавераннахр брату своему Тимуру. Это было сделано во избежание междоусобий и притязаний врагов Туклук Тимура...

Но так как Ильяс-Ходжа не обладал качествами, необходимыми для правителя, то эмиры и узбеки не оказывали ему послушания. Однажды жители Мавераннахра пожаловались мне, что узбеки требуют, чтобы им были выданы 1000 девушек. Я доложил об этом Ильяс-Ходже. Он запретил узбекам такое насилие, но те не обратили на его приказ ни малейшего внимания. В то время некоторые из персидских сайдов принесли жалобу, что узбеки увели в плен 70 потомков Пророка, сайдов. Такая неслыханная дерзость окончательно вывела меня из терпения; я быстро двинулся за ними и освободил из плена сайдов. Узбеки негодовали на меня за такой поступок и, чтобы повредить мне во мнении Туклук Тимура, послали ему донос, будто бы я намерен отделиться и восстать против него. Туклук Тимур прислал грамоту, чтобы меня казнили за измену, но совершенно случайно приказ этот

попал в мои руки, и я принял все меры предосторожности, чтобы защитить себя от совершенно незаслуженного мной наказания. Как раз в это время во сне явился мне пророк и объявил, что за освобождение мною из плена 70 саидов, семьдесят поколений моего потомства будут царствовать.

Проснувшись, я поспешил сообщить о сновидении своему покровителю и наставнику, шейху Заинуддину Абубекру. Святой человек вскоре прислал мне ответ, что, по его мнению, сон предвещает мне бесчисленное множество побед. Шейх привел мне в пример случай с одной женщиной - матерью Сабуктакина, которой за то, что она спасла от смерти козу, было обещано, что ее потомки будут царствовать. Женщина эта спасла от смерти козу, - писал шейх, Заинуддин Абубекр, - а ты освободил из плена 70 потомков Пророка, поэтому можешь быть уверен, что за сделанное тобою доброе дело тебя ожидает в будущем большая награда. Вещий сон исполнился: еще при жизни я доставил престолы шести сыновьям своим.

Вскоре я получил от своего наставника другое письмо, в котором он сообщал мне, что Богу угодно было поставить меня хранителем (казначеем) своего царства, а Пророк вручил мне ключи от него. Когда узбеки возгорелись сильной враждой против меня, от Туклук Тимура вторично пришло приказание убить меня; они хотели убить меня исподтишка, и стали выжидать Удобного момента, чтобы покончить со мною.

Опасаясь измены со стороны моей собственной свиты, я, под предлогом охоты, выехал из Самарканда и укрылся на одном кладбище. Склонив голову на камень, я уснул. Какая-то птица распростерла надо мною свои крылья и так прикрыла мою голову, что солнце несколько мне не мешало. Меня разбудил проходивший мимо гуртовщик баранов словами: «Без бека - ты бек». Эту фразу я принял за хорошее предзнаменование и отважился возвратиться в Самарканд.

Я получил следующую фетву от почетных лиц города: «От насилий узбеков мир пришел в разрушение; почтенные люди оскорблены, имущество мусульман разграблено. Мы, факиры, сайды и шейхи, единогласно приняли решение подчиниться тебе. Если ты приложишь усилия к истреблению узбеков, мы все встанем за тебя, если же не защитишь нас от насилий узбеков, то в день страшного суда, мы обвиним тебя пред лицом Всевышнего».

Обо всём случившемся я написал письмо шейху Заинуддину Абубекру и

вскоре получил от него ответ. Мой духовный наставник поздравил меня с честью, которую мне делают сайды и улемы, и писал: «Эта фетва - решающий довод; праведные халифы одобряют твое назначение». Я понемногу стал собирать войско и готовиться к выступлению в поход, чтобы наказать узбеков, но у меня не было друга, которому бы я открыл свою тайну; хотя население и подчинилось мне, но я не решился открыто поднять знамя восстания. Когда моя тайна распространилась среди народа, узбеки каким-то образом узнали об угрожающей им опасности и собрались все в одно место. В это время я получил письмо от шейха Заннуддина Абубекра, который извещал меня, что пророк окажет мне помощь в задуманном мною предприятии. Это известие успокоило меня.

В это время Туклук Тимур снова прислал приказание казнить меня; поэтому святой Амир Куляль посоветовал мне немедленно отправиться в Хорезм. «Всегда следует отступать пред превосходными силами и удаляться от врага, которого одолеть не можешь; так поступали пророки», - говорил мне Амир Куляль.

Желая узнать, что ожидает меня в пути, я загадал по Корану, и мне открылось изречение: «Солнце течет к назначенному месту: таково распоряжение Сильного, Знающего. Я понял из этих слов, что путешествие мое обещает быть вполне благополучным и потому окончательно решил отправиться в путь.

Перед отъездом я написал письмо шейху Заинуддину и в 1362 г., с 60 всадниками, выехал из Самарканда в Хорезм. На пути я получил от шейха ответ следующего содержания: «Тимур, усвой себе четыре качества: 1. Всякое путешествие совершай по примеру пророка, всякое дело начинай не иначе, как предварительно испросив благословения и помощи у Бога. 2. В своих делах руководствуйся всегда примером святого пророка Авраама, наблюдая, чтобы во время твоего правления, в подвластных тебе странах, не совершалось прелюбодеяния или других тяжких преступлений. По своему усердию и настойчивости не уступай аисту. Один аист в своем гнезде нашел маленького вороненка. В течение трех дней аист не обращал на вороненка никакого внимания, а на четвертый день слетелись четыреста аистов и умертвили хозяина гнезда за то, что нашли у него в гнезде вороненка. 3. Всякое дело, по примеру пророка, начинай не иначе, как посоветовавшись с другими людьми. Были цари, которые всякое дело делали по собственному усмотрению, ни с кем не советуясь, и могущество таких правителей не

было продолжительно. 4. Подражай четверем правоверным халифам. Будь храбр, заботлив и щедр, всякое дело делай с особенным вниманием. Следуй примеру птиц, которые очень внимательно разбивают яйца, из которых надлежит выйти их маленьким цыплятам». Во время моего пути однажды совершенно неожиданно ночью на меня напали 1000 всадников. Со своими шестьюдесятью телохранителями я одолел врагов. Шестьсот человек сложили свои головы в этой кровопролитной битве, потом я, один на один, сразился с Тугул-богатырем и победил его; богатырь раскаялся в том, что сразился со мной.

Я отправился далее в Хорасан, но меня захватил в плен хан Алибек. Два месяца мне пришлось томиться в тюрьме, изобиловавшей насекомыми. Однако мне удалось, наконец, выбрать удобное время и бежать из тюрьмы. Вооруженный саблей, я прошел мимо карауливших меня тюремщиков и никто из них, из страха, не осмелился преградить мне дорогу. Прямо из тюрьмы, вооруженный саблей, я пошел к Алибек-хану. Как раз в это время хан получил письмо от брата своего Мухамед-бека, который предупреждал Алибека, что в случае, если Тимур посетит подвластную Алнбеку страну, то следует принять Тимура с подобающим почетом. Прочитав письмо и увидев меня перед собой, хан просил меня простить ему, что, по неведению, он так жестоко обошелся со мной.

В молодости я слышал от отца моего Амира Тарагая рассказ о виденном им сне; однажды, рассказал мне отец, я увидел во сне, что ко мне подошел красивый молодой человек, лицом похожий на араба, и вручил мне меч; я взял меч в руки и стал им размахивать по воздуху; блеском стального клинка осветился весь мир. Я просил святого Амира Куляля объяснить мне это сновидение. Амир Куляль сказал мне, что сон этот имеет пророческое значение, что Бог пошлет мне сына, которому суждено овладеть всем миром, обратить всех в ислам, освободить землю от мрака невежества и заблуждения. Сон этот исполнился: Бог мне дал тебя, мой сын. Как только ты появился на свет, я тотчас же отнес тебя к шейху Шамсуддину. Когда я пришел, шейх читал Коран и остановился на следующих словах: «Ужели не опасаетесь, что тот, кто на небе, может земле велеть поглотить вас, тогда как она уже колеблется?» Так как в этом стихе Корана встречается слово Тимур, то мы нарекли тебе имя Тимур.

Выслушав рассказ моего отца об обстоятельствах, при которых не было

дано имя, и узнав, что имя мое заимствовано из Корана, я возблагодарил Бога и прочел главу Корана «Табарак». Однажды я видел во сне, будто бы я закинул невод в большую реку, сеть охватила всю реку, я ею одновременно вытащил на берег всех населяющих воды рыб и животных. Этот сон снотолкователи также объяснили мне как предвещающий великое и славное царствование, - настолько славное, что все народы вселенной мне будут подвластны. По совету святого шейха Камала, я отправился к святому сайду Кулялю; сайд встретил меня поздравлением с восшествием на престол, который мне суждено преемственно передать моему потомству. Услышав такие слова от почтенного сайда Куляля, я очень обрадовался и стал принимать меры к тому, чтобы овладеть всем миром. Всё, что я задумывал, удавалось мне, во всяком предприятии я достигал с успехом поставленной себе цели.

Ильяс, сын Туклук Тимурхана с тридцатью тысячами всадников перешел каменный мост и разбил царский шатер. У меня в это время было всего только 6000 всадников и те, видя значительный перевес в силах на стороне нашего врага, пришли в уныние. К нашему благополучию, как раз в это самое время, от хорасанских сайдов, живших в Термеде, пришел отряд, который поспешил присоединиться к моему войску. Прибывшие хорасанцы подходящими увещаниями сумели ободрить и укрепить моих воинов, и они освободились от овладевшего было ими страха пред сильнейшим неприятелем. Я дал сражение Ильясу, и мне удалось победить его. Еще перед сражением, когда мы расположились в виду войска Ильяса и приготовили военные орудия, пришло время молитвы, и я тоже стал молиться. Когда я сделал земной поклон, я услышал чей-то голос, который говорил мне: «Тимур, тебе дарована победа». Подняв голову, я осмотрелся, и оказалось, что подле меня никого нет. Сообразив, что я слышал голос из мира тайн, я принес Богу благодарственную молитву.

Я предпринял поход в Персию. Совершенно неожиданно на меня напал шах Мансур с пятью тысячами всадников. Чтобы сразиться с врагом, я приказал возможно скорей собрать воинов, вооруженных пиками, но, к моему глубокому огорчению, таких воинов не оказалось налицо.

Совершенно неожиданно ко мне явилась помощь оттуда, откуда я и ждать не мог: всадник, лицом похожий на араба и вооруженный пикой, прискакал с одной стороны с криком: «О Боже! Дай победу Тимуру». Шах Мансур, услышав этот возглас незнакомца, так перепугался, что

без чувств свалился с лошади. Шах Рух поднял его на свою лошадь и увез. Всадник, который так своевременно явился ко мне на помощь, исчез, и я овладел столицей Персии. Я потребовал от амира Хусайна сдачи крепостей Шадман, Балх и Бадакшан. В это время шейх Заинуддин Абубекр прислал мне письмо, в котором сообщал мне, что ключи Хорассана» вручены мне. Получив такое радостное известие, я не сомневался больше в успехе предстоящего мне предприятия. Когда святой Хызр являлся в Самарканд, мне суждено было увидеть его чудеса; он при этом сказал мне несколько неприятных слов, которые меня огорчили до глубины души.

Выехав из Самарканда, я был очень смущен, думая, что обидевшись на слова, сказанные мне святым Хызром, я огорчил его самого. Когда пришло упомянутое известие, я успокоился и понял, что такого святого не может огорчить простой смертный.

После этого я разрушил до основания капища, в которых туземцы поклонялись своим идолам и распространил в этой стране мухамедданскую веру. Самое большое капище принадлежало Тугулбогадуру. Когда я вздумал его разрушить, ко мне обратились жрецы (брахман), поднесли много золота и просили пощадить кумирню. Я не обратил внимания на их просьбы и велел прогнать их. В кумирне находилась между прочими идолами и статуя человека; когда я хотел уже сделать распоряжение, чтобы сломали это изображение, один из жрецов обратился ко мне с просьбой оставить неприкосновенною эту статую святого чудотворца, высокочтимого по их вере. По его словам, этот чудотворец был настолько силен, что в одну ночь мог иметь половое сношение с 1600 женщинами. На это я ответил жрецу, что дьявол еще сильнее их чудотворца, он может в одну ночь познать какое угодно число женщин.

Всякое предприятие свое я начинал с доверием к Богу, не справляясь, благоприятствует ли данный момент началу дела, мною задуманного. Тем не менее звездочеты находили, что всё, что я ни делал, я предпринимал как раз в то время, какое соответствовало данному событию по расположению звезд.

Результат каждого предпринимаемого мною трудного дела был мне заранее известен: я узнавал то, что меня ожидает, по сновидениям. Так, когда Туклук Тимур впервые пришел в Мавераннахр, я увидел во сне, что будто бы ко мне подлетела птица шагин (сокол) и уселась ко мне на руку. В это время пришло много коров, и я их подоил. Сновидение это,

объяснили мне, предвещает мне счастье: птица, усевшаяся мне на руку, означает могущество, а множество коров предвещали мне многие выгоды. И действительно, сон мой исполнился: я присоединился к Туклук Тимуру, и это принесло мне серьезные выгоды.

Амир Хусайн, внук амира Казагана из Кабула, пришел, чтобы отобрать земли, принадлежавшие его отцу. Я ему много помогал, но он решился убить меня, несмотря на то, что я был женат на его сестре. Чтобы примирить его с собою, я назначил его наместником в Балх, но это не только не подействовало на него так, как я ожидал, но он, напротив, почувствовал силу свою, остался моим врагом и задумал воевать со мною. Я тоже сделал необходимые приготовления к войне с амиром Хусайном.

Собираясь на войну, я видел сон, будто бы амир Хусайн, на серебряном блюде поднес мне меч, клинок которого весь сплошь был облеплен мухами. Этот сон мне истолковали так, что сновидение обещает мне помощь в моем предприятии Имама Хусайна, потомка пророка. По смыслу сна, могущество амира Хусайна должно было перейти ко мне, а самого его мне суждено было убить. Всё это исполнилось, и я выразил свою благодарность оказавшему мне помощь потомку пророка тем, что совершил путешествие на могилу Имама Рузи.

Однажды я бежал из Самарканда и увидел себя самого во сне плачущим; черный ворон сел мне на плечо, а со всех сторон слетелся рой мух. Я отогнал мух и проснулся в дурном расположении духа. В это время Тугул-богадур напал на меня с тысячью всадников. Я понял, что плач мой во сне и черный ворон означали предстоящее мне горе, а множество мух - Тугул-богадура, которого мне суждено победить. Действительно, вскоре я сразился с Тугул-богадуром и разбил его наголову.

Когда я отправился в Балх, я видел во сне, будто бы мне поднесли несколько бутылок вина, а я разбил их, ударяя одной из бутылок по остальным. Меч свой я увидел изубранным и счел это за дурное предзнаменование. Шах Мансур напал на меня с 5000 всадников. Я его победил, войско его рассеялось и скрылось в страну кипчаков.

Однажды Тохтамыш-хан, забыв все мои дружеские услуги, сделанные ему в разное время, с бесчисленным войском пришел, намереваясь воевать со мной. Рассчитывая усостыдить его, я написал ему письмо, в котором советовал ему не платить мне злом за сделанное ему мною добро, иначе он будет жестоко наказан за неблагодарность. В это время

мне приснилось, будто бы луч Солнца, с востока, упал мне на голову, но как бы потух и исчез. Снотолкователи объяснили мне, что сон мой знаменует приход Тохтамыш-хана и полное его поражение в борьбе со мною.

Когда я отправился в сторону Ирака, я увидел во сне, что ко мне пришло множество львов и скорпионов. Через день эмиры явились ко мне с изъявлением покорности, и я овладел этой страной.

Собираясь в поход на Индустан, вижу себя во сне в роскошном саду, полном деревьев, обремененных плодами. Птицы в ветвях деревьев свили множество гнезд. Взяв пращу, я разорил эти гнезда. По мнению снотолкователей, сон этот предвещал, что поход мой в Индустан будет вполне удачен, что и исполнилось в действительности: я овладел Индустаном и разорил там множество городов.

Когда я двинулся с войском в Сирию, против меня соединились войска Сирии, Египта и Турции. Сопrotивляться тройственному союзу казалось трудным. Я прочел «салават» и лег спать. Во сне я увидел себя восходящим на высокую гору. Над моей головой нависли свинцовые тучи, меня окутала мгла тумана. Вскоре однако тучи разразились сильнейшим ливнем и туман после дождя рассеялся. Этот сон, по словам толкователей, предвещал мне полную победу над собравшимися против меня врагами. «Гора, объясняли мне, это столица Сирии, цель твоего похода; тучи и туманы - войска твоих врагов, а дождь - это твое войско. Как виденный тобою дождь, выпав, рассеял тучи и туманы, говорили мне, так и твое войско, обрушившись на вражьи полчища, рассеет их». Этот сон исполнился.

Однажды, в то время когда я располагал всего стотысячным войском, на меня напал царь Рума - Кайсар с войском в четыреста тысяч человек. Положившись вполне на заступничество семейства пророка, я прочел «салават» и лег спать. Мне приснилось, что я нахожусь в пустыне, вокруг меня множество народа, а вдали виднеется свет. Я поспешил по направлению видневшейся светлой точки. На дороге я обратил внимание на три кучки золы и поехал дальше. По дороге я догнал пять человек, которые от нас удалялись. Вдруг поднялась сильная буря, и один из шедших по дороге людей объяснил, что эта буря указывает на то, что в это время пророк с большим трудом восходит на небо. Я подошел и удостоился счастья приветствовать пророка. У одного из встреченных нами людей в руках был батик. Пророк знаком руки повелел мне взять этот батик, и я взял его из рук виденного мною

человека. Я проснулся, счастливый, что видел во сне пророка и удостоился с его стороны такого внимания. В этот же день я рано утром сразился с Кайсаром, схватил белое знамя, разбил наголову и прогнал его войско. Во время битвы я очень устал и почувствовал себя нездоровым. Думая о смерти, я был очень озабочен, что станет с моим царством после моей смерти и кого из своих потомков мне следует назначить своим преемником, на случай моей смерти. Пророку угодно было успокоить меня: он открыл мне, что 70 поколений моего потомства будут царствовать.

В это время я увидел сон, будто я нахожусь под деревом, которое раскинуло надо мной свои развесистые ветви и защитило меня от солнечных лучей. В чаще ветвей шумели различные птицы и насекомые, которые все ели плоды тенистого дерева, под сенью которого я отдыхал. Я сам попробовал плодов: одни из них оказались сладкими, другие кислыми. Во сне же я слышал голос, что виденное мною дерево представляет мое потомство. Когда я проснулся, снотолкователи объяснили мне мой сон так: дерево - это ты, говорили они, ветви с листьями - твоё потомство, плоды - твоё могущество и богатство, а животные, евшие плоды с дерева - это подвластные тебе народы, которые пользуются твоими щедрыми милостями.

В то время, когда я был озабочен своими делами, я вижу однажды во сне, что меня окружили различные ужасные призраки духов, свиней, некрасивых мужчин и женщин, диких зверей и птиц. Я в ужасе проснулся и поспешил написать письмо о виденном мною сне моему духовнику, наставнику и покровителю, шейху Заинуддину. Вскоре я получил от него ответ.

«Пугала, привидевшиеся тебе во сне, это дурные дела, тобою содеянные, - писал шейх, - поэтому тебе необходимо покаяться». Я чистосердечно раскаялся в своих прегрешениях и увидел сон, совершенно не похожий на прежде виденный мною страшный сон. В этот раз я увидел себя отдыхающим в великолепном саду, украшенном всевозможными цветами и наполненном фруктовыми деревьями. Посреди сада протекали большие реки и слух мой ласкали нежные звуки музыки. Я снова написал письмо шейху о виденном мною сне, и тот ответил, что я видел хороший сон, и это означает, что раскаяние мое принято Богом и заслужило мне прощение всех совершенных мною прегрешений. «Пророк сказал, писал шейх, что к каждому человеку приставлен злой гений, наблюдающий за его поступками. Своим

покаянием ты одолел своего злого гения, и всякому мусульманину надлежит раскаянием и добрыми делами с Божьей помощью ослаблять влияние своего злого гения».

Когда я собирался в поход из Самарканда на Китай, я увидел во сне, будто бы я с ветвей большого дерева слез на землю; на голове у меня была чашка с водой, которая при этом упала и разлилась. В это время отец мой, амир Тарагай, взял у меня из рук лошадь и повел меня в сад. Оставив меня в саду, отец исчез. Снотолкователи дали мне объяснение виденного мною сна, но я не поверил им, а вполне положился на провидение.

В это же время я видел другой сон: будто бы я заблудился в пустыне, где были дикие звери. Пройдя степь, я пришел в сад, где нашел множество плодов и музыкальных инструментов. В саду же находился громадный трон. Вблизи трона находилась высокая башня, а на вершине ее сидели какие-то люди. Пред каждым из них лежала книга, и они что-то вписывали в эти книги перьями. Я спросил их, что они пишут, и получил ответ, что на их обязанности лежит вести запись тому, что должно случиться в жизни с каждым человеком.

Заинтересованный, я стал спрашивать, кто записывает обстоятельства моей будущей жизни, но в это время проснулся, встревоженный виденным мною сновидением.

В то время, когда я овладел Персией, жители провинции Шираз, с помощью шаха Мансура, убили поставленного мною наместника. За это я распорядился всех ширазцев предать избиению. Ко мне пришел сайд Джамиль-уль-Кадыр и просил помиловать ширазцев, но я не обратил внимания на заступничество сайда. В следующую же ночь я увидел во сне пророка, который сурово сказал: «Тимур, ты не уважил просьбы моего потомка и не помиловал население Шираза; разве ты сам не нуждаешься в моем ходатайстве?» Я в страхе проснулся. Я сейчас же отправился к сайду Джамиль-уль-Кадыру и просил у него прощения за то, что не исполнил его просьбы. Ширазцев я не только помиловал, но даже вознаградил этот народ, а Ходже Махмуду отдал страну Мегриджан. Я понял, что следует беспрекословно исполнять то, что скажут сайды, должно оказывать всевозможное почтение потомству пророка. Любовь к потомству пророка укрепилась в моем сердце. По поводу случившегося со мной и виденного мною сна я написал шейху Заинуддину, который вскоре прислал мне ответ следующего содержания: «Дай тебе Боже всего, что ты у него попросишь. Внуши

своему потомству, что помилование пророка существенно необходимо для всех людей. Любовь и почтение к потомкам пророка есть залог спасения в этом и будущем мире. Каждый раз, как станешь на пятикратную молитву, воздай им благословение, чтобы намаз был угоден Богу. Исполнив всё это, ты можешь надеяться быть награжденным в будущей жизни. Оказывай как можно больше внимания потомству пророка».

Однажды отец сказал мне: «Выслушай и запомни те наставления, которые я тебе теперь дам. 1. Почитай и не забывай своих предков, помни, что ты, Тимур, сын Тарагая, Тарагай сын амира Баргуль, Баргуль сын амира Илынгыза, Илынгыз сын Богадура, Богадур сын Анджаль-нуяна, Анджаль-нуян сын Суюнчи, Суюнчи сын Ирдамчи-Барласа, Ирдамчи-Барлас сын Качули-Богадура, Качули-Богадур сын Тумен-хана, который был родственником сына Яфиса. Из наших дедов Караджар Нуян первый познал Бога посредством размышления о мире, вместе со своими подчиненными, которых рассудок убедил в истинности ислама. Признав Единого Бога царем, он признал визирем пророка Божия, потом признал праведных халифов. 2. Завещаю тебе, Тимур, поступай всегда и во всём по примеру отцов и дедов, согласно Шариата, и потомство пророка почитай и уважай, к народу относись милостиво и снисходительно. 3. Помни, что все мы рабы Бога, заключенные в жизнь рукой судьбы под этим синим сводом; поэтому будь доволен всем, что Бог дает тебе, будь ему благодарен за все его милости к тебе. Повторяй имя Божие, признавай его единство, будь послушен велениям Бога и не делай того, что запрещено. 4. Не разрывай родственных уз и никому не делай вреда. Щедро награждай подарками тех, кто служит тебе, и выработай в своём характере беспристрастие. С каждым созданием обращай снисходительно». Выслушав мудрые наставления моего отца, я твердо решил исполнять их в моей жизни.

Когда мне исполнилось 17 лет, отец удалился в частную жизнь. Я собрал весь его скот и принадлежащее ему имущество, поставил отдельно каждую сотню баранов и отделил самцов от самок для приплода. На каждый десяток принадлежавших отцу рабов назначил одного старшим.

Я отправился к святому амиру Кулялю. Придя к нему, я сел среди почтенных людей, которых там застал. Амир Куляль тотчас же обратил на меня внимание и сказал присутствовавшим, что хотя с виду я и

кажусь человеком бедным и низкого звания, но на самом деле я человек важный. Амир склонил голову и несколько времени сидел молча. Пред ним находились лепешки и халва. Подняв голову, амир передал мне 7 лепешек и часть халвы и сказал: «съешь эти 7 хлебов, и ты будешь властителем 7 частей света, будешь владеть всем миром». Я удивился, и все присутствовавшие пришли в изумление. Я послал полученные 7 хлебов отцу, но отец возвратил их мне и сказал при этом, что амир Куляль - святой и то, что он мне предсказал, должно исполниться. Я спрятал хлебы. И это было для меня началом Божьего благословения.

Однажды отец мой, амир Тарагай отправился к амиру Кулялю, и тот сказал ему: «поздравляю тебя с тем, что Бог послал тебе такого сына, как твой Тимур». Он передал отцу немного пшеницы и изюма и приказал сосчитать зерна и ягоды. Оказалось всего 370 штук. «Вот из этого числа можно узнать о численности твоего потомства», - сказал отцу амир Куляль. Я спрятал зерна, данные амиром Кулялем отцу. Богатство мое всё увеличивалось. Обо всём происшедшем со мною я сообщил матери. Мать, помолившись, в свою очередь отправилась к амиру Кулялю. Тот сказал ей: «женщина! сын твой будет царем всего света и 370 потомков его будут могущественны, а 70 потомков будут царствовать. В его потомстве может быть и больше царей, но это в том случае, если он будет следовать шариату пророка и не оскорбит его чистого духа». Мать рассказала мне всё слышанное от амира Куляля, и я принял твердое решение во всех своих поступках в точности руководствоваться постановлениями Шариата.

Мне минуло 18 лет, я возмужал, стал силен и пристрастился к охоте. Однажды охотясь, я гнался верхом за козой. На пути мне встретился овраг в 5 арш. шириной и 4 арш. глубиной. Я не в силах был сдержать лошадь, конь мой напряг все силы и перепрыгнул овраг, но достал до противоположного берега лишь передними ногами, задние же повисли над пропастью. Я быстро вскарабкался на берег, а лошадь упала в овраг. Спутники мои возблагодарили Аллаха за чудесное спасение моей жизни, никто из сопровождавших меня не в состоянии был перескочить разделявший нас овраг; мне довелось пешком перебраться на тот берег, где я оставил свою свиту, и там уже сесть на коня. Мы двинулись далее, но вскоре пошел сильный дождь, превратившийся вслед за тем в хлопья снега, поднялась буря с вьюгой. Мы потеряли всякую надежду благополучно добраться до цели нашего путешествия

и приготовились к смерти. Однако, вскоре мы заметили вдали какие-то черные предметы. Спутники мои высказали предположение, что это холмы, но я быстро проскакал расстояние верст в восемь, отделявшее нас от видневшихся на горизонте предметов. Приблизившись, я увидел свет и различил в темноте сплетенную из камыша юрту, куда и поспешил укрыться от снега. Впоследствии, когда я сделался амиром, я, в благодарность за оказанное мне гостеприимство, освободил от уплаты податей приютившего меня хозяина юрты со всем его родом и наградил его за оказанную мне в критическую минуту услугу.

Когда мне исполнилось 19 лет, я заболел. Меня лечили всеми возможными средствами, но никакие лекарства не помогали; я семь суток не ел, не пил, а лежал весь в жару. В это время окружающие обратили мое внимание на рану, открывшуюся у меня на руке между пальцами. Придворные плакали, опасаясь за неблагоприятный исход болезни, я и сам плакал, но вскоре поел и поправился.

Однажды, когда я находился в комнате моего отца и был занят чтением главы корана «Табарак», предо мной предстал сайд с длинными волосами и предсказал мне, что я буду великим царем. Я не замедлил сообщить отцу о виденном мною. Отец обратился к звездочетам за разъяснением, какая судьба меня ожидает, и те предрекли, что я буду таким могущественным царем, равного которому нет во всём мире. Радуюсь, что мне в жизни предстоит великая будущность, я раздал больным щедрую милостыню.

Достигши 20-летнего возраста, я полюбил верховую езду и часто, разделив своих сверстников на два отряда, устраивал примерные сражения между ними.

Мне исполнился 21 год, я достиг совершеннолетия и почувствовал себя вполне зрелым мужчиной. В этом году, который был кратным семи, у отца моего амира Тарагая и его подданных все посева дали богатый урожай, родилось также очень много скота. Я назначил старшего на каждый десяток рабов, каждые 10 лошадей соединил в отдельный косяк, а каждые 10 косяков поручил отдельному рабу. Для присмотра за каждым десятком верблюдов, за каждой тысячей баранов я также приставил отдельного раба. Управление всем принадлежащим мне имуществом я вверил особому, заслуживавшему полнейшего доверия рабу. Сделав всё это, я сам сильно заболел. Один самаркандский лекарь посоветовал мне пить сок граната. Напившись этого сока, я лишился чувств. Родные мои были очень огорчены моей опасной болезнью и

плакали. Туркестанский врач вылечил меня, пустив мне кровь. Я дал в милостыню много лошадей и баранов, я обещал принести в жертву души пророка 100 верблюдов, кроме того, много верблюдов душам праведных халифов; благодаря молитве и милости Божией, я совершенно выздоровел.

В этом году султан Кран, сын Саура, причинил немало вреда и жестокостей в Чагатайском улусе. Бедные и богатые молились чтобы он скорей умер. Я хотел наказать Крана и стал собирать для этого войско; хотя я многим делал добро, но в деле войны у меня нашлось так мало помощников, что я должен был ждать удобного случая. Амир Казган, глава Чагатайских амиров, сразился с Крапом в долине Зенги. К удивлению всех людей, справедливый был побежден жестоким, и Кран, вследствие этого, причинил еще больше вреда. К жестокостям, которые пришлось вынести населению, вскоре присоединилось еще новое бедствие; настал сильный холод, и все предметы первой необходимости сильно вздорожали. Наконец, амир Казган собрал многочисленное войско, разбил наголову жестокого Крана, взял его в плен и вознаградил обиженных им.

Я желал сделаться правителем одного лишь Мавераннахра, но так как амир Казган был милостивый и справедливый правитель своего народа, я удержался.

Достигши 22-летнего возраста, я решился поднять восстание в союзе с Барласом. Я собрал на совет 40 молодых людей, вместе со мною учившихся в школе, и предложил на их обсуждение свое намерение собрать войско на гору Арафат. В это время скончалась мать моя, и я устроил по этому случаю поминки. Вскоре отец мой сосватал мне дочь амира Чагуй-Барласа.

Однажды по делам улуса я пришел в то место, где амир Казган заседал в совете. Здесь же был и отец мой. Придя в совет, я разговаривал с самим амиром Казганом, и он не только милостиво принял меня и выслушал, но даже отдал мне в жены свою внучку. Я был очень доволен такой честью. Я получил от амира Казгана много имущества и скота. Он не был особенно могущественным правителем, и мне легко было бы завладеть его царством, но я не хотел платить злом за сделанное мне добро. В этом году мне исполнилось 23 года. Однажды на охоте я был застигнут ужасным ливнем и заблудился. В стороне виднелась какая-то гора, и я поспешил проскакать пространство меня от нее отделявшее. По сторонам большой горы стояли камышовые юрты, и я укрылся от

холода в одной из них. Хозяева юрты отнеслись ко мне весьма радушно. Я рассказал им обстоятельства моей прежней жизни, и они попросили меня повторить благословения пророку, так как этого достаточно для достижения всякой цели. С Божьей помощью, я вторично устроил собрание. Они мне сказали: «за занавесью будущего тебе готовится помощь, амир; семейство пророка за тебя; наместник его делается твоим помощником и спутником, но кто этот наместник ты узнаешь лишь перед смертью». Эти слова уничтожили во мне всякое волнение и горе; я ободрился, отказался от своего тайного намерения отправиться в Хорасан и двинулся по направлению к Герату. Во время отъезда я получил письмо амира Хусайна такого содержания: «начальники моего войска согласились убить меня и возвести на престол амира Бақыра; я надеюсь, что вы скоро прибудете; может быть, мне удастся соединиться с вами, отправиться к амиру Казгану и добиться у него почестей». Нимало не медля, я выступил с войском и в тот же вечер отправился к Герату. Амир Хусайн вышел из города, сделав вид, что намерен вступить со мною в бой, я опасался с его стороны коварства и, положившись на Бога, приготовился к битве; тогда он пришел ко мне с большим количеством всякого имущества, и между нами состоялось свидание на коне. Потом мы вместе пошли на соединение с амиром Казганом, который, узнав о нашем выступлении, выслал нам навстречу сына своего Абдуллу. Я отправил вперед амира Хусайна к амиру Казгану, с большими подарками. Амир Казган нежно заключил Хусайна в свои объятия и сказал ему: «Да будет лицо твое бело» и пригласил Хусайна остановиться в его шатре. Через несколько времени подданные амира Хусайна возмутились и хотели разграбить его казну. Хусайн не имел достаточно богатств, чтобы одарить бунтовщиков и таким образом успокоить волнение. Видя, что нет никакой надежды получить от Хусайна деньги, мятежники задумали убить его. К счастью, Хусайн своевременно узнал о преступных намерениях своих подданных и обратился ко мне за помощью. Я принял все меры, чтобы отвратить опасность и избавить амира Хусайна от смерти. Однажды мы с амиром Хусайном отправились на охоту. Во время охоты к нам присоединился амир Казган с 10-ю всадниками из своей ближайшей свиты. Казган был к нам очень внимателен, он очаровал нас своим обращением, и мы стали друзьями. Амир Хусайн остановился на берегу реки, но амир Казган просил его передвинуться на место, называемое Армуган, и здесь отлично его устроил.

Амир Казган остался на этом месте, а мы с амиром Хусайном распростились с Казганом и отправились дальше без дороги, степью. После продолжительного движения, мы достигли берегов реки Мургаба. Здесь мы получили неприятные известия из Герата. Нам сообщали оттуда, что, воспользовавшись нашим отсутствием, амир Бакыр сумел подчинить себе население Герата совершенно забрал в свои руки бразды правления. В виду таких известий, амир Хусайн обратился ко мне за советом, что предпринять в таких затруднительных обстоятельствах. Я высказал, что, по моему мнению, следовало бы решительно напасть на Герат нам обоим вместе; в случае удачи мы достигнем своей цели, в случае же неудачи наша храбрость, во всяком случае, заслужит одобрение. Амир Хусайн согласился последовать моему совету. Я стал гадать; гадание только укрепило нас в нашем намерении, наше предприятие обещало быть удачным. Амир Хусайн, в случае удачи, обещал разделить со мною обладание Хорасаном. Тогда, с 300 своих храбрых всадников, я направился вместе с ним к Хорассану. Подойдя к Герату, мы нашли городские ворота отворенными. Это странное обстоятельство крайне встревожило амира Хусайна: из того, что ворота оказались отворенными, он вывел заключение, что, должно быть, враг несколько нас не боится, если и ворота не считает нужным запереть при приближении наших войск. Я стал успокаивать амира Хусайна, а потом ударил плетью коня и поскакал к городу, увлекая за собой войско. Амир Хусайн с войском проскакал в середину города, а я остался у ворот, чтобы, в случае внезапного нападения извне, иметь возможность защитить вошедших в город. Между тем Хусайн отправился к лагерю Бақыра, захватил его в то время, когда тот спал, взял его в плен и овладел престолом. Меня амир Хусайн через гонца тоже пригласил войти в город. В это время войска Бақыра, узнав, какая участь постигла их амира, задумали напасть на войско амира Хусайна, но прибытие моего войска заставило их отказаться от своего намерения, и они выразили безусловную покорность амиру Хусайну.

Таким образом, хотя Хусайн достиг своей цели с моей помощью, но исполнить данное им раньше обещание он и не думал. Возмущенный такой неблагодарностью амира Хусайна, я решил наказать его и силой выгнать его, чтобы самому овладеть престолом. Это намерение не встретило сочувствия в среде моих войск, и потому я принужден был отказаться от исполнения задуманного. Тут я понял, что один верный

спутник дорожке тысячи неверных. Я расстался с амиром Хусайном и отправился к амиру Казгану. Когда я пришел, амир Казган мне очень обрадовался. В это время подданные амира Казгана возмутились против него. Узнав, что всем бунтом руководит некий Данышманчауглан, я сказал об этом Казгану и посоветовал от имени Данышманчауглана разослать во все стороны письма и подарки, а затем наградить тех, кто покорится, и строго наказать мятежников.

Мне исполнилось 24 года, я стал изучать военное искусство и хотел захватить власть.

В это время со мной подружились люди, составившие заговор против амира Казгана; они собирались, выбрав удобную минуту убить Казгана и предложили мне тоже присоединиться к ним, войти в урду вместе с Данышманчаугланом и овладеть престолом. Я для виду согласился с ними, но остановил приведение в исполнение их преступных замыслов, а сам тем временем поспешил предупредить амира Казгана об угрожающей ему опасности. Мятежники, узнав об этом, тоже поспешили послать амиру Казгану письмо, в котором чистосердечно раскаивались в умысле на его жизнь. Амир Казган милостиво принял заявление злоумышленников, доверяясь мне.

Однажды вечером амир Казган пригласил меня к себе. Придя к амиру, я застал у него всех злоумышлявших ранее на его жизнь; все они были в кольчугах под верхним платьем. Я заметил это и сейчас же сообщил амиру. Убедившись из моих слов, что действительно он собрал к себе заговорщиков, амир Казган, сославшись на нездоровье, отпустил всех присутствовавших, а у меня просил совета, что надо делать в данном случае. Я посоветовал раздать подарки всем недовольным; амир исполнил мое предложение и раздал очень много подарков.

Когда люди эти стали делить между собою дары амира, они перессорились и всякое согласие их расстроилось. Амир был так доволен мною, что подарил мне, за оказанную ему услугу, город Ширганат.

В это время мне исполнилось 25 лет. Амир Казган, намереваясь овладеть Хорезмом, считал это дело чрезвычайно трудным и потому хотел поручить это мне. Я понял, что для меня было бы выгоднее сначала послать кого-либо другого сразиться с врагом, а потом уже самому пойти и окончательно овладеть Хорезмом. Самым близким человеком к амиру Казгану в то время был амир Хисрау-Баянкули. Я переговорил с ним и внушил ему, чтобы он убедил амира Казгана в том,

что взять Хорезм - дело вовсе не трудное, а потому было бы очень хорошо, если бы амир поручил сделать это сыну своему Абдулле, который таким образом мог бы, совершив это завоевание, прославиться, чего ему не удастся, если дело это будет поручено мне, ибо тогда честь взятия Хорезма будет принадлежать мне.

Хисрау-Баянкули доложил амиру Казгану то, что я ему внушил, и амир согласился послать к Хорезму Абдуллу с войском. Между тем напели Хорезма укрепились в городе, под защитой укреплений вышли из города и, сразившись с войском Абдуллы, одержали верх и не пустили его в крепость. Абдулла сообщил отцу о своем поражении, и амир Казган высказал, что он и раньше находил необходимым, чтобы я сам шел брать Хорезм, а потому и приказал мне немедленно исполнить это поручение. Достигнув таким образом своей цели, я с большим войском двинулся к Хорезму и застал Абдуллу очень смущенным своей неудачей. При моем приближении жители Хорезма быстро отупили и скрылись за стенами города. Я тотчас же послал всем влиятельным лицам города письма с подарками и секретно просил помочь, чтобы население добровольно сдало мне город. Желание мое было исполнено, и я без боя занял Хорезм.

Возвратившись вместе с Абдуллой к амиру Казгану, я удостоился от него благодарности. а в виде награды за успешное выполнение возложенного поручения, я был назначен наместником в Хорезм. Мне исполнилось 26 лет. Однажды мы с амиром Казганом поехали на охоту в местность Камар. Охота была очень удачна, и потому мы остались ночевать в этой местности. Туклук Тимур - зять амира Казгана, задумал убить тестя и завладеть престолом. Он сговорился с несколькими злыми людьми и в тот вечер, когда мы ночевали в Камаре, он, с семьей вооруженными саблями людьми, пришел, чтобы убить Казгана. Около него в это время не было других людей, кроме ловчих. Я, сев на лошадь, быстро бросился на злоумышленников; амир тем временем, пользуясь темнотой, спрятался за большой камень. Услышав шум, собрались прочие охотники, и Туклук Тимур, опасаясь возмездия за покушение на жизнь амира Казгана, бежал в Мавераннахрские горы. Желая выразить мне свою признательность за оказанную ему услугу, амир Казган отдал мне крепость Шадман. Владея Хорезмом и Шадманом, я собрал много податей и богато одарил своих воинов. Хотя я делал много добра своим людям, однако мое желание - сделаться самостоятельным властелином - всё еще не встречало среди них

сочувствия. В это время амиру Казгану какие-то хитрые женщины донесли, что жена Туклук Тимура, дочь амира Казгана, огорченная бегством своего мужа, лишилась рассудка. Амир Казган, поддавшись на эту хитро придуманную уловку, простил Туклук Тимура и написал ему письмо, приглашая возвратиться. Я доложил амиру Казгану, что, по моему мнению, не следует верить женщинам, а следует поступать так, как повелевает шариат. Пророк сказал, что советоваться с женщиной следует, но только для того, чтобы поступить как раз противоположно тому, что посоветует женщина. Амир Казган согласился со мною, и я отправился навстречу Туклук Тимуру, решившись отомстить ему. Мне исполнилось 27 лет. Однажды амир позвал меня и сказал мне, что он недоволен своей женой, и потому предполагает с ней развестись. Однако, прошло после того несколько дней, и мысли амира совершенно переменялись: он раздумал разводиться с женой, стал к ней хорошо относиться, вызвал Туклук Тимура и простил ему его вину. В это же время амир отдал Мухаммед-ходже Андижан, которым правил сын его, Абдулла, и тем возбудил против себя неудовольствие со стороны Хисрау-Баянкули и он подружился с Туклук Тимуром. Хисрау-Баянкули был тесть Абдуллы и рассчитывал приобрести большое влияние и почет со вступлением на престол Абдуллы, поэтому, видя что его мечтам не суждено сбыться, он, вместе с Туклук Тимуром решился отделаться силой от амира Казгана. Я известил об этом Казгана, которому был предан, как сын, и амир написал завещание в мою пользу, чтобы по смерти его я был султаном Туранской области. Однажды амир Казган, с несколькими людьми, безоружный, отправился на охоту за реку Джайхун. Туклук Тимур и Баян-Кули нашли этот случай весьма удобным для осуществления своих преступных замыслов и, забыв благодеяния доброго амира, невзирая на родственные к нему отношения - убили его, обогрив его неповинной кровью ту землю, где они охотились. Получив сведения о совершившемся злодеянии, я очень опечалился, быстро отправился на место происшествия, взял тело убитого амира Казгана и похоронил его на берегу реки Джайхун. По смерти Казгана, Туклук Тимур и Баян-Кули возвели на престол Абдуллу Валихана, которому амир Казган при жизни выдал ханскую грамоту; они сначала его признали, потом коварно убили в окрестностях Самарканда. Абдулла отличался скупостью, а Туклук Тимур и Баян-Кули были очень жадны, а потому остались недовольны поставленным ими амиром. Они вскоре свергли

Абдуллу и на его место возвели на престол Тимур Шах Углана, сына Ясур Тимурхана.

Они собрали множество войска, чтобы погубить Абдуллу. Им удалось разбить войско Абдуллы и принудить его искать спасения в бегстве за реку Джайхун, где он и умер. Мне в это время исполнилось 28 лет.

Я был признателен покойному амиру Казгану, которого почитал, как родного отца, а потому счел своей священной обязанностью отмстить Баян-Кули и Туклук Тимуру за его смерть.

Собрав войско, я двинулся в Самарканд. По пути я встретил Баяна-Сальдура, который, вместе с бывшим в его распоряжении войском, присоединился ко мне. Мы достигли границы Шаша. Кроме того, мне удалось уговорить и амира Барласа присоединиться к нам. А Хаджи Барлас был сын Барлу, внук Тамулла, правнук Сулькана, праправнук Караджар-Нуяна. Мы все, втроем, направились к Самарканду. Мавераннахром в это время правил Тимур Шах, который своим возвышением был всецело обязан Туклук Тимуру и Баян-Кули, которые его поддерживали. После кровопролитного сражения нам удалось выгнать из Самарканда Тимур Шаха, и мы овладели Мавераннахром. Все мы втроем: я - Тимур, амир Хаджи Барлас и Баян-Сальдур заключили союз и мирно владели Самаркандом, пока Баян-Сальдур, опившись вина не умер. По смерти Баян-Сальдура его права на власть в нашем тройственном союзе перешли по наследству к его сыну, но амир Хаджи Барлас задумал хитростью отделаться от этого союзника и стал принимать к тому меры. Я несколько раз усовещивал его, но это на него не действовало, и он по-прежнему продолжал свои происки. Такие действия амира Хаджи Барласа развили в среде населения смуты и раздоры. Мне было тогда 28 лет. В этот год была дороговизна на все жизненные припасы; войску и населению стало невыносимо трудно жить, и жители Мавераннахра пришли в отчаяние; они все сообща подали мне заявление, что всё население решилось покинуть совсем область Туран и не возвращаться сюда до тех пор, пока в Туране не воцарится справедливый правитель. Такое решение населения огорчило меня до глубины души; я хотел сделаться полновластным правителем. Однако было очень трудно что-нибудь сделать в этом направлении. В это время ханом в Балхе был Ильчи-Лугай Сальдур, Ходжентской областью правил амир Баязид-Джалаир, в Шибирганат был Мухаммад Ходжа. В городах Когистана правили Бадакшанские амиры, в Джилянской области, до местности Хазрет-Имам, был ханом

Кай Хисрау, а амир Хызр Ясаури владел Самаркандской областью до самого Сарыпуля. Все эти правители были в своих областях полноправными властелинами, как цари, поэтому только храбростью нельзя было отнять царство у стольких сильных султанов. Я, видя полную невозможность добиться успеха при помощи открытой силы, решил применить хитрость. Каждому из правителей в отдельности и тайно от других я написал письма, в которых предлагал каждому из них вступить со мною в союз, чтобы, общими силами, изгнать всех остальных правителей, а самим овладеть всей страной. Каждый из них, потихоньку от остальных, выразил свое согласие вступить со мною в союз, и мне удалось перессорить их между собою. В это время я достиг 29-летнего возраста.

Я написал письмо Ильчи-Лугай Сальдуру и предложил, воспользовавшись тем, что жители Бадакшана принесли мне жалобу на несправедливость и притеснения своего хана, отправиться туда с войском и овладеть страной. Я предупредил Ильчи-Лугай Сальдура, что если он сам лично не пожелает взять Бадакшан, то я сам пойду и овладею Бадакшаном. Этим предостережением я закончил свое письмо. Ильчи-Лугай Сальдур вскоре двинулся по направлению к Бадакшану, а я тем временем получил известие от Бадакшанских султанов, которые, услышав о грозящей им опасности, просили меня защитить их от нападения Ильчи-Лугай Сальдура и обещали, в вознаграждение за помощь, отдать мне города: Хатлан, Архат и Хазрет-Имам, взяв эти владения от Кая Хисрау, которому они принадлежали. Далее, я сообщил Мухаммад Ходже, что г. Балх, мать городов, теперь пустой, и я послал туда своего наместника, Я предложил Мухаммад Ходже тоже послать в Балх наместника, чтобы нам владеть этим городом сообща. Мухаммад Ходжа, желая предупредить меня, отправился в Балх лично. Сведения о движении Мухаммад Ходжи в Балх быстро дошло до Ильчи-Лугай Сальдура. Не думая больше о расширении своих владений присоединением Бадакшана, Ильчи Лугай Сальдур быстро направился к крепости Шадман и Балху. По этой причине правители Бадакшана подчинились мне.

Придя в Балх, Ильчи-Лугай Сальдур не только тотчас выгнал оттуда Мухаммад Ходжу, но пошел на него войной, чтобы наказать его за намерение овладеть Балхом. Тогда Мухаммад Ходжа обратился ко мне за помощью. Я спас Шибирганат от вторжения Ильчи-Лугай Сальдура, отдал его Мухаммад Ходже, и этой услугой приобрел себе в нем

преданного и верного союзника. В это время мне исполнилось 30 лет. Внук амира Казгана, амир Хусайн, задумал занять престол своего отца и направился в Мавераннахр с войском и преданными ему людьми. Он написал мне письмо и просил моего содействия к исполнению своего намерения. Амир Хусайн был мне родственник, я был женат на его сестре и, в силу родственных отношений, возбудил в нем желание взять Мавераннахр. Причиной этой ошибки было то, что я считал дружбу этого дурного человека искренней; я не знал, что в его характере соединены, подобно четырем стихиям, четыре дурных качества: 1) зависть; 2) скупость; 3) жадность и 4) высокомерие.

Чтобы исправить сделанную мною ошибку, я сообщил амиру Хусайну, что ему прежде всего надлежит овладеть Бадакшаном, который есть ключ к победе.

В этом году, который, по приметам, был счастливым (мубарак), у меня родился старший сын. В честь пророка, я дал ему имя Мухаммад, а так как в этом году начались мои завоевания, то я к имени Мухаммад присоединил еще имя Джагангир. Рождение сына принесло мне счастье - в этом году я приобрел не только много городов, но и много союзников: за исключением амира Баязид Джалаира и Хаджи Барласа, все правители были со мной в союзе. От этих двух противников я думал избавиться хитростью. Тесть Хаджи Барласа вздумал избавиться от него и на его место посадить своего внука. Хаджи Барлас, узнав о намерении тестя, поспешил его казнить и обратился ко мне за советом, следует ли ему отделаться и от потомства казненного тестя. Я отклонил его от этого дурного намерения.

Амир Хусайн в том же году овладел Бадакшаном и, без всякого повода, казнил троих из числа тамошних правителей. За такое ничем не вызванное злодеяние, он, конечно, получит возмездие в день страшного суда. Когда я взял Балх, мать городов, то наследники убитых им правителей убили самого амира Хусайна, чтобы отомстить за смерть своих отцов.

Мне исполнился 31 год. Внук Чингисхана, Туклук Тимур был ханом в области Чете. Вскоре он вздумал овладеть Мавераннахром, пришел в местность Хак, на берегу реки Сыр-Дарья, вблизи Ходжента, и собрал здесь множество войска. Мне, Хаджи Барласу и амиру Баязиду Туклук Тимур пристал грамоты. В грамоте, между прочим, заключалось следующее, не допускающее возражений приказание: «Я, Туклук Тимур хакан (царь царей), сын хакана, приказываю тебе со всем народом и

войском присоединиться ко мне - Хаджи Барлас, получив такое грозное повеление, испугался и обратился ко мне за советом, что делать. Я посоветовал не ссориться с великим царем, а явиться к нему с покорностью, чтобы послушанием заслужить его расположение. Хаджи Барлас не послушался и, переправившись через Дарью со всем народом и имуществом, ушел в Хорасан. Амир Баязид с подданными и дарами отправился на поклон к Туклук Тимуру. Я тоже стал готовить подарки, чтобы преподнести их с выражением покорности Туклук Тимуру, но в это время отец мой, амир Тарагай, опасно заболел, и мне пришлось остаться при больном и ухаживать за ним, пока он не умер. С большою пышностью похоронил я отца в Кишь хат мазаре, неподалеку от могилы святого. Туклук Тимур прислал мне вторую грамоту, в которой звал меня к себе, но мои подданные заявили, что они не желают, чтобы я подчинился Туклук Тимуру, потому что под моим владычеством в стране водворилось полнейшее спокойствие и потому народ мой готов силою оружия отстаивать свою независимость. На все эти заявления я отвечал, что, по моему мнению, ссориться и возмущаться против Туклук Тимура нельзя, что нет другого исхода, как безусловно подчиниться ему.

В это время до меня дошли слухи, что войско Туклук Тимура, под предводительством Ходжи Махмуд Шаха, двигается на меня. Я поспешил отправиться к Туклук Тимуру с народом, войском и дарами, чтобы выразить ему покорность. По дороге я встретил Махмуд Шаха, привлек его на свою сторону подарками, убедил его не грабить страны и заручился от него рекомендательным к хану письмом. Я пошел, и через два дня пути меня стали встречать на дороге начальники авангарда; им я также раздал богатые подарки и удержал от грабежа. Начальником амиров в то время был Кичик-бек; он тоже снабдил меня письмом к Туклук Тимуру, прося его быть ко мне милостивым. В степи, близ Ходжента, я представил Туклук Тимуру свои дары, и он остался чрезвычайно доволен моей покорностью. Когда ему доложили, что начальники его авангарда силою отобрали много имущества у жителей Мавераннахра, Туклук Тимур приказал немедленно возвратить хозяевам награбленное имущество. Оскорбленные, все они, вместе с амирами области Чете, возмутились. Туклук Тимур, узнав об этом, обратился ко мне за советом, как поступить в таких затруднительных обстоятельствах, и я посоветовал ему удалиться в область Чете, откуда он пришел. Этот совет понравился Туклук Тимуру,

и он, утвердил меня в Мавераннахре и дав мне грамоту, удалился в область Чете. С тех пор мое могущество возрастало с каждым днем и я овладел всеми городами Мавераннахра и отправился в Шахрисябз. Административные лица Шахрисябза, шейхи, ученые и сайды по прибытии моем, пришли меня поздравить, и при этом была прочтена о моем благополучии молитва, установленная для лиц, облеченных царским достоинством. В это время мне исполнилось 32 года. Амир Хусайн, внук амира Казгана, с моей помощью, овладел городом Бадакшаном. Теперь амир Хусайн снова обратился ко мне с просьбой, чтобы я помог ему напасть на амира Баян-Сальдура и отнять у него принадлежащую ему крепость Шадман. Я согласился и выслал вперед мои войска под предводительством главнокомандующего амира Хызра. Я сам вскоре тоже отправился вслед за войсками. Амир Баян-Сальдур, как только узнал о вступлении моего войска, испугался и бежал в сторону Бадакшана. Амир Хызр и амир Хусайн преследовали амира Баян-Сальдура, так что он вынужден был скрыться в горах. Вместе с амиром бежали в горы многие влиятельные лица Бадакшана, и таким образом вся область была завоевана. Я находился в крепости Шадман, когда получил от амира Хусайна письмо, в котором он сообщил, что, благодаря моему содействию, ему удалось овладеть Бадакшаном, а потому, если я нахожу нужным, то могу возвратиться в свою столицу. Я отдал крепость Шадман моему главнокомандующему амиру Хызру, утвердив за ним это владение особою грамотою, а сам возвратился в Шахрисябз. Через 14 дней амир Хусайн, с богатыми дарами, явился ко мне; я принял его очень радушно и разрешил ему идти в крепость Шадман, а сам остался в Шахрисябзе.

В это время мне исполнилось 33 года. В начале года прибыл гонец от амира Хусайна и привез мне весьма экстренное известие: амир Хусайн сообщал мне, что он вновь нуждается в поддержке с моей стороны, так как амир Туклук Тимур, соединившись с Баян-Сальдуром, двинулся на амира Хусайна с таким большим войском, что справиться с этими соединенными силами Хусайну нечего было и думать. Мне очень хотелось выручить амира Хусайна из беды и потому я тотчас же двинулся с войском из Шахрисябза и вместе с тем отправил письма амиру Хызру и амиру Баязиду. Я приглашал их также прийти на помощь амиру Хусайну. Амир Баязид замешкался, а амир Хызр выступил тотчас же по получении от меня известия. Когда я с войском приблизился к Бадакшану, амир Туклук Тимур и Баян-Сальдур тотчас

же обратились в бегство. Амир Хусайн вышел ко мне навстречу и принял меня с большим радушием и пышностью. Восстановив амира Хусайна во владении Бадакшаном, я возвратился в Шахрисябз. Когда я подходил к железным воротам, я узнал, что амир Хаджи Барлас с амиром Баязидом обменялись посольствами и заключили союз, чтобы общими силами убить меня. И это амир Хаджи Барлас, который был моим родственником!

Я написал ему письмо, в котором напоминал о наших родственных отношениях и о тех услугах, какие я оказал ему, но амир Хаджи Барлас не обратил никакого внимания на мое письмо. Тогда я двинулся с войском на соединение с амиром Хусайном, но амир Хаджи Барлас преградил мне путь и на местности Аккаба Чагатай дал мне сражение. Я разделил свое войско на 7 частей, рассчитывая ежедневно вводить в бой лишь одну седьмую часть всех моих сил. Амира Хызра, с другими богадурами, я поместил на правом фланге, а амир Джагуй Барлас с его войском составил мое левое крыло. Войска, пришедшие со мною из Шахрисябза, я разделил на 4 части. Я сам предводительствовал войсками и каждый день вводил в бой по одной из этих четырех частей. Сражаясь каждый день в продолжение трех дней, на четвертый день я, напутствуемый молитвами наших улемов и саидов, призвал на помощь Бога и бросился на вражий стан ночью, когда там все спали. Битва продолжалась без перерыва всю ночь, но зато с рассветом победа осталась решительно на моей стороне, всё неприятельское войско рассеялось и амир Хаджи Барлас бежал в Самарканд, под защиту амира Баязид Джалаира. Исправив военные доспехи, собрав войско и отправив вперед амира Хызра, я двинулся вслед за Хаджи Барласом по направлению к Самарканду. В это время один отряд моих воинов, изменив мне, перешел на сторону Хаджи Барласа. После этого амир Хызр, которому я доверял больше, чем родному, поддавшись искушению дьявола, сговорился с амиром Джагуй-Барласом, и оба они, с находившимися у них под командой войсками, тоже изменили мне и перешли на сторону Хаджи Барласа. Все эти изменники задумали сражаться со мной и пошли просить амира Баязида помочь им в этом. Соединившись с ним, они заподозрили его в вероломстве и бежали. Я послал амиру Хызру грамоту, в которой предлагал ему примириться со мной, но он не обратил внимания на мое предложение. Тогда я приготовил свои войска и двинулся на амира Хызра. Тем временем изменник, укрепившись с войском на местности Сыр-дин, -

приготовился сразиться со мною. Я вручил свое знамя моим шахрисябзским войскам и ввел их в дело, сам же, с ближайшими богадурами, расположился позади боевого порядка - в резерве. Амир Хызр, увидя при войсках мое знамя, был введен в заблуждение - он думал, что я сам предводительствую передовыми войсками. То мы с одной стороны оттесняли врагов, то враги одолевали нас; это повторялось несколько раз и сильно утомило обе стороны. Тогда, улучив удобную минуту, я сам, с отборными воинами и богадурами, бросился на неприятельские войска и одним решительным натиском разбил их наголову.

После этого амир Баязид и Хаджи Барлас обменялись письмами и решили, что пока я жив, они не могут быть покойны, поэтому они решили при помощи хитрости убить меня. Через несколько дней по окончании войны с амиром Хызром, амир Баязид выступил из Самарканда и, дойдя до степи вблизи Шаша, остановился. Амир Хаджи Барлас, действуя заодно с амиром Баязидом, написал мне письмо, в котором говорилось следующее: «Мы, друзья друзьям великого амира и враги его врагам, решили овладеть Ходжентом. Если ты веришь в нашу дружбу и верность, присоединись к нам, это будет для всех выгодно». Целью их было хитростью заманить меня в свои руки, чтобы убить. Я, как правоверный, поверил им и пошел с войском на соединение с ними. Приближаясь к месту расположения их войск, я заметил, что посредине стана, состоявшего из юрт и шалашей (лачуг) разбит громадный шатер, Я подумал, что это место, приготовленное для меня. Меня встретили с большим почетом и пригласили войти во внутренность большого шатра. По милости Божьей, я чутьем угадал злостные намерения моих врагов: когда я вошел в палатку и увидел справа амира Баязида, а слева амира Хаджи Барласа, я понял, что, очевидно, они сговорились покончить со мною тотчас же после приема и угощения. Я был очень встревожен грозящей мне неминуемой гибелью и мысленно молился Всевышнему, чтобы он спас меня от смерти. К моему благополучию, в это время у меня пошла кровь носом, и я не замедлил воспользоваться этим случаем, чтобы выйти из палатки. Тут я сейчас же дал знать моим воинам, что жизнь моя в опасности и быстро вскочил на коня. Меня никто не решился остановить. Таким образом Бог спас меня от верной смерти. Призывая проклятия на головы моих врагов, я удалился с войском в Термед. Когда я приблизился к Термеду, то Шейх-Али-Джар-Джари, который приобрел власть с моей помощью, испугался, думая,

что я иду воевать с ним и, в свою очередь, стал собирать войско, чтобы отразить мое нападение. Я написал ему письмо, в котором напоминал о всех услугах, которые я оказал ему ранее, и убеждал, хотя бы из благодарности, не предпринимать против меня враждебных действий. Шейх-Али-Джар-Джари не послушался меня. Ему удалось собрать множество войска - больше, чем было у меня, и он понадеялся на свои силы. Он, очевидно, не знал текста Корана, в котором сказано: «сколько раз небольшие ополчения побеждали многочисленные ополчения по изволению Божию».

Шейх-Али-Джар-Джари расположил свои войска в одну линию и начал бой, я же разделил своих воинов на три части и двинулся с ними на неприятеля. После первого же натиска войска Шейх-Али-Джар-Джари бежали. Тюрки говорят, что «для тысячи ворон достаточно одного комка глины», и эта пословица в данном случае совершенно подтвердилась. Шейх-Али-Джар-Джари сначала бежал к амиру Баязиду, но и там он побоялся остаться, а вернулся ко мне, пристыженный и униженный, с изъявлением безусловной покорности. Чтобы показать ему пример великодушия, я простил его вину и богато одарил его, как будто бы между нами ничего не произошло.

В это время мне исполнилось 34 года. Население Мавераннахра и почетные лица явились ко мне с заявлением, что во всех городах и селениях этой области народ изнемогает под гнетом несправедливости и жестокости водворившихся там правителей. «Необходимо, - говорили они, - чтобы великий амир, благодаря своей распорядительности и храбрости, сделался единым полновластным правителем страны». Озадаченный такой просьбой народа, я отправил гонца к амиру Хусайну и предложил ему принять участие в освобождении Мавераннахра от жестоких правителей. Я высказал мнение, что если нам удастся избавить народ от жестоких тиранов, то мы этим подвигом заслужим доброе имя и славу в этом и будущем мире.

Амир Хусайн согласился, но я узнал, что он со мною не искренен, и потому, остерегаясь с его стороны вероломства, я написал письмо внуку Чингисхана, Туклук-Тимур. Я описал ему, в каком ужасном положении находится область Маверан-нахр, как ее население терпит насилия несправедливых и жестоких правителей и в заключение добавил, что если он, Туклук-Тимур, с помощью своего войска сумеет водворить порядок в Мавераннахре, то тем совершит славный подвиг. Туклук-Тимур, получив мое письмо, немедленно собрал войско Чете,

расположился с ним в окрестностях Ходжента и прислал мне оттуда письмо, в котором напоминал о наших родственных отношениях и просил прийти к нему, чтобы дать свой совет.

Амир Баязид, намереваясь выразить полную покорность амиру Туклук-Тимуру и готовность служить ему, запер ворота Самарканда и двинулся сам к Туклук-Тимуру. Туклук-Тимур потребовал, чтобы Баязид передал ему ключи Самарканда, и когда заметил, что Баязид находится в раздумье, исполнить или нет его требование, он приказал убить Баязида и голову его отослал в Самарканд. Амир Хаджи Барлас, услышав о несчастье, постигшем амира Баязида, испугался, чтобы не случилось и с ним чего-нибудь подобного, и потому поспешно бежал с своим семейством и народом за реку Аму. Амир Туклук-Тимур, узнав о бегстве Хаджи Барласа, послал за ним вдогонку отряд войска. Один из приближенных Хаджи Барласа, Чуам Барлас-богадур, был убит, а остальные благополучно добрались до города Харша-Джуси. Здесь пришельцы сразу стали во враждебные отношения к коренному населению этого города, и, с течением времени, ненависть населения города Харша-Джуси к пришедшим с Хаджи Барласом возросла до такой степени, что дело дошло до битвы, в которой Хаджи Барлас и несколько его родственников были убиты. Оставшиеся в живых пришельцы поселились в этом городе навсегда, слились с населением его. Когда впоследствии я овладел Хорасаном, я отдал Харша-Джуси потомству Хаджи Барласа.

Туклук-Тимур вторично прислал мне грамоту, в которой, как родственника, просил скорей прийти к нему. Тогда я разослал во все стороны гонцов и пригласил всех, кто желает избавиться от грабежей и насилий со стороны войска Чете, прислать мне подарки, которые я мог бы представить амиру Туклук-Тимуру. Множество племен прислали мне свои дары, и я, собрав всё полученное, отправился к Туклук-Тимуру в Ходжент. Здесь я поднес ему привезенные мною дары, он остался очень доволен и был ко мне очень милостив. Во всяком деле он предварительно спрашивал моего совета и всегда соглашался со мною. Между прочим, однажды я высказал мнение, что всякое правительство подобно палатке, крыша которой опирается на столбы. Справедливость правителя, это те устои, на которых зиждется разумное управление, без этой опоры управление немислимо. Я советовал в Мавераннахре оказать содействие и поддержать всеми силами добрых людей, злых же предоставить самим себе, чтобы они пожали плоды содеянных ими

злодеяний. Туклук-Тимур был мне очень признателен за такой совет, и этим я очень расположил его в свою пользу. Туклук-Тимур отдал мне во владение Мавераннахр, Шахрисябз, Шибирганат, вплоть до Балха. В это время внезапно получено было известие, что амир Хусайн, с большим войском, остановился на берегу реки Вакш, намереваясь напасть на Туклук-Тимура. Услышав о таком намерении амира Хусайна, Туклук-Тимур был очень удивлен его дерзостью и обратился ко мне за советом. Я ответил, что так как войском амира Хусайна предводительствует его главнокомандующий, Кай Хисрау Джиляны, то следует написать этому военачальнику письмо, в котором постараться склонить его к измене амиру Хусайну, а в награду за это пообещать отдать ему во владение крепости Шадман и Хутлан. В этом смысле и было написано письмо Кай Хисрау. Наше заманчивое предложение прельстило военачальника, и вскоре, когда сошлись авангард амира Туклук-Тимура, под предводительством Мир Кичик-бека и авангард амира Хусайна под предводительством Кай Хисрау, то последний со своими приверженцами перешел на сторону Туклук-Тимура; войском амира Хусайна овладел такой страх, что оно разбежалось. Войска Туклук-Тимура преследовали побежденных врагов до самых индийских гор и завладели большим количеством разного имущества. Покончив с войском Хусайна, амир Туклук-Тимур отправился в Самарканд и убил там Баян-Сальдура. В городах Мавераннахра он водворил порядок и очистил их от злонамеренных людей. После этого мне пришло на мысль посоветовать Туклук-Тимуру, чтобы он ушел из этой страны, а меня утвердил здесь, в Мавераннахре. Поэтому я сказал Туклук-Тимуру, что теперь удобное время для того, чтобы овладеть Хорасаном. Стоит только перейти Аму-Дарью и будет очень легко завоевать Хорасан.

Туклук-Тимур готов был последовать моему совету, но как раз в это время дали знать, что амиры Чете возмутились и возвели на престол одного из потомков Чингисхана, Тамлики-хана Туклук-Тимур спросил моего совета, что делать. Я посоветовал с возможной поспешностью послать в область Чете войско, чтобы новый хан не успел там укрепиться. Я рассчитывал, что при таком способе действий удастся легко усмирить население Чете: если же замедлить, то потом станет трудно привести в исполнение задуманное. Послушавшись моего совета, Туклук-Тимур выдал своему сыну, Иль-ясу-Ходже, грамоту на ханское достоинство в Мавераннахре, а меня поставил после хана

первым лицом. При этом Туклук-Тимур показал мне стальную доску, на которой начертано было давнишнее условие наших предков, Качули-богадура и Кабыльхана, по которому в потомстве первого должно было преемственно передаваться звание главнокомандующего войсками, а в потомстве второго также преемственно переходить от отца к сыну достоинство ханов. Приказав амирам повиноваться мне, Туклук-Тимур сам отправился против мятежников.

Ильяс-Ходжа никогда раньше не был у власти и не обладал никакими административными способностями, а потому войско и амиры творили всевозможные несправедливости: напр., однажды увели из Самарканда силой 400 девушек, но и этим не удовольствовались; вскоре наглость их дошла до того, что они решились связать и заключить под стражу 70 сайдов из потомства пророка. Тогда поклонники пророка, произнося символ веры, собрались большой толпой и пришли ко мне с просьбой помочь неповинным заключенным. «В таком деле безумство свойственно умному, а пожертвование жизнью есть источник жизни». Эти слова так воодушевили меня, что я немедленно, ни с кем не советуясь, начал войну. Прежде всего я освободил из рук узбеков 70 заключенных сайдов. В следующую же ночь мне приснился пророк, который сказал мне: «Ты освободил из неволи 70 моих потомков, за этот подвиг ты получишь награду: Бог сотворит чудо, и семьдесят колен твоего потомства будут царствовать». Увидев этот сон, я написал письмо своему Пиру и просил его объяснить значение сна. Пир ответил мне: «В древности Сабук-такин спас от гибели козленка, и за это Бог наградил его потомство царским достоинством; ты же оказал такую услугу потомству пророка, что сон твой непременно должен исполниться. Знай, что всякое собрание народа, где не присутствуют потомки пророка, не приведет ни к каким благим результатам». С тех пор я всегда, во всякое собрание, прежде всего приглашал сайдов и улемов. После освобождения по моему приказанию заключенных сайдов мои недоброжелатели послали Туклук-Тимуру письмо, в котором говорилось, что я возмутился и овладел Мавераннахром; меня обвиняли в тайных кознях против сына Туклук-Тимура, Ильяс Ходжи, которого я будто бы замышлял убить. Туклук-Тимур, поверив наветам моих врагов, приказал людям, которые доставили ему письмо, убить меня. К счастью, приказ этот попал в мои руки и я, будучи предварен о грозящей мне опасности, всячески остерегался. После этого амиры Чете получили еще три приказа, подтверждавшие волю Туклук-Тимура, но

убийцы, не зная, как удобнее исполнить задуманное, - выжидали. В это время я получил от своего Пира письмо, в котором он писал, что в случае невозможности сладить с врагом, обладающим превосходными силами, следует искать спасения в бегстве, что так завещано и самим пророком. Следуя совету моего духовного наставника, я удалился из Самарканда и скрывался в горах. В это время я гадал по Корану, что меня ожидает в будущем, и мне открылся стих: «Солнце течет к назначенному месту: таково распоряжение Сильного, знающего» (36, 38). Я не знал какое место мне назначено, но вскоре я вновь получил письмо от Пира. Мой наставник советовал мне отправиться в сторону Хорезма, и я поспешил исполнить его приказание. Подобно мне, скрывался в горах и амир Хусайн; он пригласил меня примириться и соединиться с ним. Я с удовольствием принял это предложение. Встретившись в местности Сачик Кудук, мы помирились с ампром Хусайном и заключили между собою союз. Я предложил правителю области Хайвак Тугуль-богадуру присоединиться к нашему союзу, но он не согласился и даже из преданности к Ильяс Ходже велел схватить нас, но в темную ночь мы бежали из пределов Хайвака. С согласия амира Хусайна, мы поспешили в Хорезм. Придя в Фараб, мы стали раздумывать, как бы нам овладеть крепостью Хорезмшаха, но в это время наш слух поражен был звуками, свидетельствовавшими, что из степи по направлению к нашему лагерю движется войско. На это указывал и топот лошадиных копыт, и звон оружия. Я сам сейчас же вскочил на лошадь и взъехал на возвышенность, а ами-ра Тага Бугай Барласа послал вперед, чтобы разузнать, что нам угрожает. Вскоре мой посланный возвратился и привез известие, что амир Тугуль-богадур с 1000 всадников идет на нас. Я приказал амиру Хызру собрать в одно место всё наше войско и по счету оказалось, что мы располагаем всего-навсего 60 воинами. Эту ничтожную группу людей я разделил на 5 частей и к каждой части назначил особого начальника; амир Хусайн, Тага Бугай, амир Сайфуддин, Данмчи и Садыр командовали частями, а я сам с избранными богадурами (урдунча), стоял на вершине горы. В эту минуту к нам приблизился амир Тугуль-богадур с тысячей всадников. Амиры Тага Бугай Барлас и Сайфуддин были очень храбрые воины; они с такой стремительностью бросились на войско Тугуль-богадура, что вскоре из тысячи его воинов осталось только 300. Все остальные его воины были убиты или ранены. Амиры Сайфуддин и Тага Бугай Барлас в этом бою потеряли лошадей и принуждены были драться пешими. Я

послал им двух лошадей, но при этом не достало лошади посланному, и потому я должен был отдать свою лошадь. Амир Хусайн сел на лошадь Тугуль-богадура и устремился на его войско. Вскоре я заметил, что амир Хусайн окружен со всех сторон врагами и ему угрожает опасность. Я, с мечом в руках поспешил броситься к нему на выручку и, убив нескольких воинов, спас Хусайна. Пришло время намаза «аср», и с обеих сторон богадуры стали на молитву. Еще намаз не был окончен как вдруг со стороны неприятеля снова послышался шум: враг возобновили наступление. Мы с амиром Хусайном бросились на врагов и многих из них убили и ранили. Лошадь Хусайна при этом пала, и ему пришлось воспользоваться лошадью жены Дильшат-ага, а последнего я посадил на лошадь своей жены, сестры амира Хусайна.

Затем мы, вдвоем с амиром Хусайном, продолжали действовать пращами и перебили много народу.

Тугуль-богадур, отчаявшись, остановился в степи, а мы продолжали путь. Потери в бою с обеих сторон были громадные: у нас осталось в живых всего лишь 7 человек, а у Тугуль-богадура - 50.

Во время движения нас нагнали оставшиеся в живых 50 воинов Тугуль-богадура, и нам пришлось двигаться далее, отстреливаясь от наседавшего на нас с тыла сильнейшего неприятеля. Медленно подвигаясь вперед, мы, наконец, достигли Хорезма. Когда мы пришли туда, враги наши исчезли. Вскоре по дороге попался нам колодезь, у одного пастуха нам удалось купить двух баранов, и мы подкрепили пищей свои силы. В одном месте мы остановились отдохнуть на два дня. Тут с нами случилось несчастье. С некоторых пор к нашему маленькому отряду присоединились трое пеших попутчиков, и они-то на одном из ночлегов украли у нас 3-х лошадей. Эта потеря для меня была крайне чувствительна: из-за покражи лошадей моя жена и сестра принуждены были продолжать путь пешком. Двигаясь по дороге, через несколько переходов мы достигли страны туркменов. В одном уединенном месте нам повстречались туркмены, которые приняли нас за воров и напали на нас. Видя себя окруженными со всех сторон сильнейшим неприятелем, вынуждены были бывших с нами женщин поставить позади себя и защищаться силою нашего оружия. К нашему спасению, совершенно неожиданно среди туркменов оказался некто Саид Мухаммад Хаджи, воспитанный при мне и в юности служивший у меня. Человек этот избавил нас от неминуемой гибели; узнал меня, бросился к моим ногам и молил простить сородичам причиненное нам,

по неведению, беспокойство. Он объяснил своим товарищам, что они видят перед собою амира Тимура, владельца Мавераннахра, и туркмены, желая загладить свою невольную ошибку, в течение трех дней угощали нас, затем снабдили нас на дорогу съестными припасами, дали нам десять провожатых, и мы двинулись дальше. Через три дня мы достигли местности Махмуди, где и остановились на несколько дней, рассчитывая, что, может быть, некоторые отставшие наши спутники здесь к нам присоединятся. Между тем, до сведения туркменского амира Али-бека Джаны-Курбаны дошло, что будто бы я, с войском, пришел в землю туркменов и остановился в местности Махмуди. По его распоряжению, отряд туркменов напал ночью на нас; они перевязали нас и в таком виде доставили нас к Али-беку Джаны-Курбаны. Али-бек даже не нашел нужным нас спросить о чем-либо, а просто отдал своим людям приказание заключить всех нас в тюрьму. Я сам и моя жена, сестра Хусайна, провели в темнице пятьдесят мучительно долгих дней.

Сидя в тюрьме, я твердо решил и дал обещание Богу, что никогда не позволю себе посадить кого-либо в тюрьму, не разобрав наперед дела. Во время этой горести, я рассудил, что мне лучше посредством какого-нибудь безумного поступка освободиться из тюрьмы и вступить в сражение; если я достигну цели, то этим будет исполнено мое желание; если же попытка моя освободиться не увенчается успехом, то меня в таком случае наверно убьют и, хотя мертвый, я буду погребен вне стен места моего заключения, значит, другими словами, попытаться следует, чтобы так или иначе выбраться из ненавистой темницы на свет Божий. Обещанием щедрой награды за содействие к побегу мне удалось склонить на свою сторону нескольких тюремщиков, которые снабдили меня и мечом. С этим оружием в руках, я бросился на тех сторожей, которые не согласились освободить меня, и обратил их в бегство. Я слышал кругом себя крики: «бежал, бежал», и мне стало стыдно за мой поступок. Я тотчас же отправился прямо к Али-беку Джаны-Курбаны, и тот, узнав, какие препятствия мне пришлось преодолеть, чтобы освободиться из тюрьмы, почувствовал уважение к моей доблести и был пристыжен. Как раз в это время Али-бек Джаны-Курбаны получил письмо от своего брата Мухаммед-бека Джаны-Курбаны, который писал ему: «Ты бесчеловечно и несправедливо поступил с амиром Тимуром и нанес ему тяжелое оскорбление. Я посылаю амиру Тимуру богатые подарки, прошу тебя передать ему их,

затем советую тебе, чтобы хотя отчасти загладить твою вину, проси у Тимура прощения, посади его на свою лошадь и отпусти его». Али-бек исполнил в точности всё, что было написано в письме его брата Мухаммед-бека и, благодаря этому, я вскоре выехал оттуда в сопровождении двенадцати всадников и отправился в Хорезмскую степь.

Через двенадцать дней пути я остановился. В этой местности кочевали туркмены, которые приняли меня за вора и напали на нас. Чтобы разогнать их, я вступил с ними в бой; среди туркменов, как и в прошлый раз, нашелся человек, по имени Ахмад, который во время моего могущества находился при мне и был мною облагодетельствован. Теперь этот Ахмад в свою очередь, помог мне: он примирил со мною туркменов, и из их среды ко мне присоединилось 50 человек. В это же время ко мне присоединился Мубарак Ша-Юзбаши с многими воинами и подарками, а из Хорасана ко мне пришло еще 200 всадников и отряд пехоты.

В это время амир Хорезма, Хусайн, и амир Себзеварский Зиауддин нашли, что место, на котором мы находимся, - неудачно. На основании предсказаний о моей судьбе я надеялся овладеть Мавераннахром, поэтому я решил, что необходимо тотчас же послать в Кеш 200 всадников, а сам рассчитывал отправиться к своему народу и собрать войско. Я двинул из Бухары в Кеш 200 всадников, а сам, надев платье странствующего монаха, «каляндар», пошел к своему народу. Курч Тимургар, один из моих приверженцев, осведомившись о моем прибытии, сейчас же явился ко мне в сопровождении сорока людей. Посвятив его в мои планы и соображения, я и его с людьми послал в Кеш. Я приказал Тимургару, как только он получит известие о том, что я занял Самарканд, немедленно явиться ко мне. Из среды моего народа за мной двинулось 1000 человек, с ними я ночью вошел в Самарканд и приютился у своей сестры Туркан-ага. В ее доме, не выходя никуда в течение 48 дней, я секретно советовался с нужными людьми и успел запастись необходимым оружием. В то время, когда мы готовились начать войну против войска Чете, сделалось известно, что они узнали от жителей Самарканда о нашем пребывании в городе. Находя небезопасным при таких обстоятельствах оставаться в Самарканде, я вышел оттуда и отправился в окрестности Кеша, где и остановился. И там мне нельзя было долго оставаться; я взял с собою 50 человек а с ними двинулся в сторону Хорезма.

По дороге мы встретили табун лошадей, и так как из расспросов выяснилось, что лошади принадлежат моим подданным, то мы очень легко пришли к соглашению с хозяевами табуна об уступке нам лошадей, и я разделил их между пешими воинами моего отряда. Двигаясь вперед, мы переправились через реку Аму и в местности Ачигы прожили целый месяц, охотой добывая себе пропитание. В это время Мубарак-ша Саиджарский, Сайд Хусайн Хорасанский и Зиауддин Себзеварский присоединились ко мне, и у меня таким образом собралось до 1000 всадников. С общего согласия, мы подошли ночью, при звуках труб (карнай), к Кандагар Карибызу, и я послал к тамошнему правителю, Мир Магды, посланника, которому поручил щедрыми обещаниями склонить Мир Магды к сдаче нам города. Мир Магды с приверженными к нему людьми вышел из города ко мне навстречу. Я торжественно принял его с подарками, предложил ему угощение, и он остался очень доволен.

В эту ночь, по воле Всевышнего, город этот подчинился мне. Вскоре амир Хусайн пришел ко мне униженно просить прощения, и я, разделив пополам доходы с Карибыза, уступил половину амиру Хусайну. Несколько времени прожил я в Карибызе, как вдруг однажды прибыло ко мне с подарками посольство владетеля Сиистана, который просил меня заключить с ним союз и помочь ему в его предприятиях. Я выжидал удобного времени, чтобы отнять Кандагарскую область угурийцев. В это время мне исполнилось 35 лет. Между тем, владетель Сиистана, враждуя со своими соседями, был побежден, бежал из своей страны и, предложив мне в подарок несколько своих крепостей, письменно просил меня помочь ему. Я сейчас же посоветовался с амиром Хусайном; он посоветовал мне отправить его с войском для занятия Сиистана; я согласился. Через день после выступления амир Хусайн неожиданно прислал мне письмо, в котором сообщал, что Баграм Джалаир возмутился против него и поэтому, если я сам не поспею к моему войску, то трудно рассчитывать, чтобы нам удалось исполнить задуманное. Я немедленно двинулся на соединение с амиром Хусайном и близко подошел к области Сиистан. Амир Малик Махмуд Сиистанский с богатыми дарами вышел мне навстречу и оказал мне широкое, радушное гостеприимство. При этом амир Махмуд дал торжественное обещание служить мне верой и правдой до конца своей жизни. Я, видя его искренность и преданность, решил помочь ему. В это время семь крепостей, принадлежавших амиру Махмуду, перешли

во владение его врагов. На одну из этих крепостей я напал ночью врасплох. Я повел приступ одновременно со всех четырех сторон и, после упорного боя в течение суток, овладел крепостью. Большое количество зернового хлеба, хранившегося в крепости, стало нашей добычей. Всё добытое при взятии крепости имущество амир Хусайн, по собственному усмотрению, не спросившись меня, разделил между своими приближенными. Я не обратил на это внимания. Во взятую нами крепость я назначил коменданта и тотчас же двинулся далее, к другой крепости. Гарнизон и население крепости, выйдя из-за крепостных стен, упорно сопротивлялись, так что моим войскам пришлось употребить немало усилий, чтобы снова загнать их в крепость. Большая часть моих воинов быстро взобралась на крепостной вал, и тогда запертые в крепости жители, видя себя в безвыходном положении сдались, крича при нашем приближении: «аль-аман, аль-аман» Амир Хусайн вторично против правил вежливости разделил между своими приближенными имущество, добытое нами при взятии второй крепости, не испросив на то предварительно моего согласия. Я снисходительно простил амиру Хусайну и эту вторую вину его. Дальше мы двинулись к третьей крепости. На этот раз нам пришлось иметь дело с почти неприступными укреплениями; поэтому, спешив своих всадников, я ночью окружил со всех сторон крепость. В то время, когда гарнизон и население крепости спали, я приказал богадурам запасться «каман-дами» и двинуться на штурм. Благодаря этому средству, богадуры легко взобрались на крепостную стену. С рассветом я приказал трубить в трубы, и сам, призывая имя Божие, бросился с войском на крепость. Очень быстро всё войско мое вошло в крепость, и мы овладели ею. Когда я оканчивал утреннюю молитву, ко мне привели связанных жителей крепости, взятых в плен при штурме. И в этой крепости нам досталась богатая добыча. Амир Хусайн, получив сведение о нашей удаче, пришел меня поздравить со взятием этой крепости. Слух о нашей победе прошел по всем окрестностям. В это время находившийся при мне амир Махмуд получил грамоту от четырех остальных крепостей: жители их выражали свое согласие сдать без сопротивления крепости амиру Махмуду. Они писали: «Если амир Тимур возьмет крепости, то он и тебя лишит владения Сиистаном и нас истребит». Амир Махмуд согласился с этим и тайно, ночью, удалился от меня и ушел в свою область. Население крепостей и многие другие собрались вместе, чтобы общими силами напасть на меня. Когда

я получил известие, что мне угрожает нападение, я всё мое войско разделил на три части. Амир Хусайн с одной частью войска составил мое правое крыло, другую часть я расположил слева, а сам, предводительствуя третьей частью, составил середину боевого порядка. В первый ряд я поставил стрелков, за стрелками расположились воины, вооруженные копьями. Произошло большое сражение. Я сам, с двенадцатью богадурами. очутился в самой середине сражавшихся; в это время две стрелы попали в меня: одна в ногу, другая в правый локоть. Разгоряченный сражением, я даже не обратил внимания на то, что был ранен, и опомнился лишь тогда, когда, с помощью Божьей, нам удалось победить и обратить в бегство наших врагов. После этого я отправился в сторону Гармира. Остановившись там на некоторое время, я принялся лечить свои раны. Амира Хусайна, дав ему своих двести всадников, я послал в сторону Бакланата. Амир Хусайн, придя в Бакланах, овладел им, но вслед за взятием, не обращая ни малейшего внимания на дела управления страной, он вооружил против себя всех служащих и все свои усилия направлял к тому, чтобы собрать как можно больше богатств. Ахунд-бек с войском Чете напал на амира Хусайна, и тот, разбитый в сражении, бежал с четырьмястами всадников в селение Шарку. Такие действия моего главнокомандующего возмущали меня до глубины души, но, хотя рана мок к этому времени совершенно зажила, я всё-таки ничего не мог предпринять, потому что войско мое было в разных местах, и возле себя я мог собрать только 40 всадников.

Я призвал к себе Тимур-Ходжа-Углана и, взяв амира Магди-бека с сорока всадниками, которые все были высокого происхождения, я, даже не оставив телохранителей, собрал решительно всех воинов, какие могли за мною следовать, прошел с ними в горы Мызд и там остановился. Вскоре и Сиддык Барлас с отрядом войска явился ко мне на помощь. Он прежде служил у меня и совершал со мною походы, поэтому ему было очень приятно вновь свидеться со мною. Вместе с ними я двинулся в сторону Арсафа. Амир Хусайн прислал мне письмо, в котором выражал желание присоединиться ко мне, но просил для этого прислать ему войска. Я отрядил Сиддык Барласа с сорока всадниками и послал на помощь к амиру Хусайну, а сам двинулся дальше. По дороге я увидел на возвышенности черное пятно и, опасаясь, как бы неожиданно не наткнуться на неприятеля, я послал вперед разведчиков. Вскоре посланные возвратились и успокоили меня,

сообщив, что это идет мне на помощь старый мой сподвижник Кыранчи-богадур с сотней всадников. Я принес Богу благодарственную молитву за помощь, которую он посылал мне в такую критическую минуту. Мы достигли долины Арсаф. По дороге нам встретился тигр, и я мысленно загадал, что если мне удастся убить этого тигра, то меня, значит, ждет удача во всех моих предприятиях. Я пустил стрелу и наповал убил тигра. Мы остановились в этой долине, расположившись на возвышенности. Я занялся охотой, и это занятие обеспечивало нам пропитание в продолжение всей нашей стоянки в степи Арсаф. Мы поджидали амира Хусайна, который должен был соединиться с нами. Войско мое расположилось на берегу большой реки. Однажды вечером, при лунном сиянии, я сидел на горе один. Когда пришло время ложиться спать, я произнес славословие пророку и его семейству и заснул. Вскоре я услышал голос, который говорил мне: «терпение - ключ к радости». Я проснулся в хорошем расположении духа, счастливый виденным сном. Оглянувшись кругом, я заметил, что со стороны Балха к нам приближается какая-то толпа людей. Ни слова не говоря своим воинам, я выехал вперед, навстречу приближавшемуся войску и, подъехав поближе, спросил, чьи это люди. Какова же была моя радость, когда я услышал в ответ, что приближающиеся к нам люди - амира Тимура, которого и разыскиваю в степи. Меня отвели к военачальникам, и я увидел вновь давно мне хорошо знакомых начальников: Кутлук Ходжа Барласа, Амира Сайфиддина и Тунг Богадура. При моем появлении они спешили и, припав к моему стремени, плакали от радости, что меня видят. С ними вместе и с их войском я присоединился к своему отряду и устроил праздник. Вскоре, со стороны Мерва к нам подошел еще отряд. Мы опасались, что это двигаются на нас враги, но тревога оказалась напрасной: это Шир Баграм, который раньше бежал, теперь возвратился ко мне. Он устыдился своего поступка и теперь, придя с войском, присоединился к моему отряду, прося простить его и забыть старое. Я принял его радушно, угостил его на славу и примирился с ним, как будто между нами ничего не произошло. Напротив, вместо того, чтобы гневаться на пристыженного Шир Баграма, я подарил ему золотой венец и шапку, украшенную драгоценными камнями, и этим привел его в восторг. Я даже опоясал его своим поясом. В долине Арсаф мы несколько дней пиروвали и веселились по этому случаю. Четыре дня спустя к нам прибыли Хаджи Барлас и амир Хусайн с

двумястами воинов. Мы были очень довольны, что нам удалось собраться вместе. С общего согласия, мы решили произвести нападение на войско Чете, и я отрядил Шир Баграма с войском к Бугай Сальдуру - коменданту крепости Дулачун, с поручением пригласить и его присоединиться к нам. Шир-Баграм, явившись к Бугай Сальдуру, передал наше приглашение, но тот ответил, что хотя он и находится издавна в дружественных отношениях со мною, но, из чувства благодарности, не может изменить Ильяс-Ходже, который, доверившись ему, поручил управление крепостью. Таким образом, Бугай Сальдур не согласился действовать с нами заодно; 300 всадников отделились от него и присоединились к нам. Вскоре мы оставили место нашей стоянки и перешли на другое. Владетели Кундуза и Бадакшана Али и Махмуд Ша Кабули присоединились ко мне с большими отрядами войск. Я их принял, щедро одарил и устроил им угощение. С общего согласия союзников, я отрядил 200 всадников, под предводительством Тикиш-богадура, и отправил их в сторону Балха. Кроме того, я послал Тамук-богадура с поручением разведать и доставить мне точные сведения о положении дел в стране Чете, но отряд этот постигло большое несчастье: при переправе через реку Термед, решительно весь отряд, с оружием и имуществом, погиб в волнах реки; никто из воинов не возвратился к своим семьям. Каким-то чудом уцелел лишь сам Тамук-богадур, который принес мне весть о случившемся и дал знать, что оказалось невозможным заставить отступить шеститысячное войско Чете и что хотя некоторые из этих воинов были убиты но остальные безнаказанно ограбили окрестности Термеда. Получив такие известия, я немедленно двинулся со своими войсками и остановился на берегу реки Джайхун (Аму-Дарья). Там Тикиш-богадур в это время возвратился ко мне, он был счастливее Тамук-богадура и привез богатую добычу. В это же время я получил грамоты от амира Сулеймана, Джагуй Барласа, амира Мусса, амира Джалауддина и амира Хинду; они сообщили мне что, осведомившись о прибытии моем в долину Арсаф, где я стоял лагерем, они, недовольные Чете, задумали присоединиться ко мне с находившейся в их распоряжении тысячей всадников. Придя к берегам реки Термед, они выслали вперед амира Тугуль-Буга, чтобы получить через него точные сведения о том, где я нахожусь. Как раз в это время амир Сайд, сын Айгу, Менгли-Буга, владетель Дулачуна и Хайдар Андхайский, по приказанию Ильяс-Ходжи и Туклук-Тимура, с шестью тысячами всадников двинулись, чтобы

напасть на меня. Им удалось овладеть окрестностями Термеда и Балха, так что население Балха вынуждено было перейти реку Джайхун и стать под мою защиту.

Спустя три дня, утром, поименованные выше три военачальника, с отрядом всадников численностью в шесть тысяч человек, остановились на противоположном берегу реки Джайхун, чтобы напасть на нас. Только река разделяла нас. Я снарядил Тимур Ходжа-богадура послом к нашим врагам и поручил ему убеждать их отказаться от намерения вести против нас военные действия. В числе доводов, доказывающих, что не надо борьбы, я просил передать им, что все люди, живущие на земле, составляют как бы одно тело; поэтому, если кто нападает на другого, то это равносильно тому, как если бы человек вздумал рубить свое собственное тело и потому враждебные действия нельзя признать разумными. Эти слова мои, переданные моим послом, произвели на наших врагов сильное впечатление, они отказались от своего намерения напасть на меня. Примирившись таким образом без всякого кровопролития с моими врагами, я двинулся обратно. Через день после моего ухода, враги мои послушались совета нескольких злонамеренных людей, которые сумели убедить их в том, что с их стороны было бы позорно возвратиться, не сразившись со мной. Враги совершенно неожиданно переправились через реку Джайхун и стали выстраиваться в боевой порядок, чтобы напасть на меня. Я оглянулся на свое войско Правда, его было мало и противник численностью войска значительно превосходил нас, но зато мое войско состояло из отборных храбрых богадуров, и я не смутился малочисленность» моих сил, а напротив, ободрился, вспомнив стих Корана: «Сколько раз небольшие ополчения побеждали многочисленные ополчение по изволению Божью!», смысл которого, что и немногие, с помощью Божьей, могут одолеть гораздо сильнейшего врага.

До вечера сражение не начиналось. Вечером я собрал военный совет, и мы решили напасть врасплох на войско Чете ночью. Но нас всё-таки не оставляло опасение за малочисленность наших войск. Ночью мы заметили, что к нам приближается три отряда войск. Предполагая, что это враги наши перешли в наступление, мы приготовились встретить их, но вскоре опасения наши рассеялись - это подходили к нам: амир Сулейман, Джагуй-Барлас и Мусса, которые отложились от хана страны Чете и с 1500 всадниками двигались к нам на помощь, возмущившись против Чете. Мы приняли их с большой радостью и устроили им

торжественную встречу. Я возблагодарил Всевышнего за спасение в такую критическую минуту. Вскоре Менгли-Буга, амир Сайд и Хайдар Андхайский, с тремя отрядами войска, стали наступать на нас. В моем распоряжении находилось в это время всего-навсего три тысячи всадников, и я разделил их на шесть частей. Располагая войска в боевом порядке, я поставил впереди ряд стрелков, а за ними ряд воинов, вооруженных пиками и мечами. Эти две части моего войска с раннего утра вступили в бой и дрались до позднего вечера, но ни одна из сражавшихся сторон в этот день не имела решительного успеха: оба отряда одинаково выбились из сил. В моем распоряжении оставалось однако еще две трети моего войска, совершенно свежего и вот с этими-то силами, я ночью, врасплох, напал на утомленного боем в продолжение целого дня неприятеля. Мои воины быстро ринулись на врага с криками «Аллаяр», при звуках труб, с барабанным боем. Три раза я произвел наступление без решительного успеха, но четвертый натиск положил конец сражению - победа осталась за нами. Мы, обратив неприятеля в бегство, заняли его позицию и овладели множеством оружия и всякого имущества. Я вознес благодарственные молитвы Всевышнему, который даровал нам победу над сильнейшим врагом. Преданные мне люди пришли поздравить меня с победой, и весть о нашем успехе скоро достигла до Ильяс-Ходжи. Он немедленно распорядился послать против меня Альхакк-богадура и Кичик-бека. Этого я никак не мог предвидеть, поэтому, узнав об угрожающей мне опасности, я выступил с места стоянки после боя, отправил амира Хусайна, назначив его в Балх, а сам переправился через Аму-Дарью и расположился в степи, на зеленой поляне. Поставленные мною сторожевые посты, не ожидавшие ниоткуда нападения, уснули, как вдруг с неприятельской стороны к нам быстро приблизился большой отряд войска. Некоторые палатки моих воинов, расположенные поодаль от центра лагеря, были немедленно разграблены, а спавшие в палатках люди разбежались в степь. Я сам, с бывшими подле меня богадурами, энергично стал действовать стрелами, и нам удалось не допустить неприятеля близко к нам подойти. Видя, что со стороны реки неприятеля не было, я приказал переправить на противоположную сторону реки все наши палатки и имущество, что и было быстро исполнено. Вслед за переправой имущества, переправился и я на другой берег Аму, переехав в лодке. Здесь я выбрал удобное место для лагеря, укрепил его и мы простояли здесь целый месяц.

Войска неприятеля тоже с месяц простояли на противоположном берегу реки. Через месяц мы заметили, что неприятельский лагерь опустел, войска с места стоянки ушли, тогда я со своим войском победоносно двинулся в сторону Балха и быстро достиг местности Хульм. Амир Хусайн устроил нам здесь торжественную встречу, и я провел в этой местности 10 дней, среди пиров и развлечений. У меня явилась мысль отнять у Чете все города области Турана, и с согласия амира Хусайна мы двинулись в сторону Бадакшана и скоро пришли в местность Кундуз.

В это время от племени Юз ко мне присоединились два отряда войск, численностью всего до 1000 всадников. С этим войском я поспешил ночью подойти к Бадакшану, чтобы не дать возможности гарнизону крепостей, узнав о нашем приближении, укрепиться. Как только я подошел к местности Танаан, бадакшанские правители с подарками вышли ко мне навстречу. Взяв для усиления своего отряда от них две тысячи всадников, я отправился в Джилан, рассчитывая собрать как можно больше войска, а потом уже двинуться в сторону Чете. В это время мне исполнилось 36 лет. Придя в местность Джилан и взяв оттуда главнокомандующего с войском, я двинулся в местность Кульмак, где и остановился.

Амир Хусайн втайне желал мне зла, но не решался открыто выступить против меня. Чтобы повредить мне, ослабив мои силы, он поссорился с Пулад Бугаиром и добился этим, что Пулад Бугаир расстался со мной и ушел в свою сторону. Между тем из амиров Чете на меня двинулись: Кичик-бек, Тимурпн Туклан, Сарык-богадур, Сангум-богадур, Туклук-Ходжа и Куч Тимур. Вместе с тысячками и войском в 20 тысяч всадников с ними же двигались теперь на меня служившие прежде у меня: Туклук Сальдур и Кай-Хисрау. Из всего своего войска мои противники выделили шесть тысяч всадников, которых и расположили в один ряд, чтобы начать бой. Я слышал в этот день, что общая численность неприятельских сил, сосредоточенных против меня, простирается до тридцати тысяч человек, у меня же, исключая войска амира Хусайна, на преданность которых я не мог вполне рассчитывать, было всего шесть тысяч человек, поэтому я был очень слаб, в сравнении с силами неприятеля.

Я загадал по Корану, и мне открылся стих: «Сколько раз небольшие ополчения побеждали многочисленные ополчения, по изволению Божню!». Прочитав это, я успокоился. Шесть тысяч всадников начали

наступление, а я, не принимая здесь боя, отступил в сторону Джилана. Враги, предполагая, что отступление мое вызвано страхом перед ними, даже не преследовали меня, а остались на месте, не принимая никаких мер предосторожности против меня. Я прошел 32 версты вперед, потом возвратился обратно и, видя, что неприятель, никак не ожидая моего возвращения, отдыхает совершенно беспечно, я внезапно напал на моих врагов. Кай-Хисрау и Туклук Сальдур перешли на мою сторону, и мы, вместе, дважды сразились с врагом, Нам удалось обратить *Б* бегство неприятеля; с криками «Альферар, Альферар!» они рассеялись в разные стороны. Многих из бежавших нам удалось захватить в плен, а те, которые были на хороших лошадях - ускакали и присоединились к отряду Ильяс Ходжи. Настала ночь, и амир Хусайн со своим войском двинулся от берега реки и пошел по направлению к Джилану. Враги наши успокоились и, хотя очень желали преследовать меня, но не решились, видя, что я обладаю достаточной силой.

Из только что окончившегося эпизода борьбы с войском страны Чете, я пришел к такому заключению, что весьма трудно победить их, действуя открытой силой, а потому, сражаясь с ними следует сначала отступить, как будто бы я испугался численного перевеса неприятельских войск, а потом, когда таким образом удастся убедить врага в моей мнимой слабости и бдительность его будет усыплена, тогда следует решительно напасть на врага. Мое намерение я привел в исполнение следующим образом: амира Муайд Арлада, Кара Богадура и Ирак Богадура я поставил против неприятеля у каменного моста, сам же я со своим войском взшел на возвышенность и там, разбив палатки, остановился. Я приказал по вершинам гор разложить как можно больше костров. Войдя в свою палатку, я стал на молитву. Не знаю, во сне или наяву, я услышал голос, который говорил мне: «Тимур, поздравляю тебя с победой». Я, услышав это, очень обрадовался. После утренней молитвы Ильяс-Ходжа, под звуки барабанов, ушел. Некоторые военачальники советовали мне преследовать войско Ильяс-Ходжи, но я, догадываясь, что его движение не более, как демонстрация, чтобы заставить меня сойти с горы, где было расположено мое войско, приказал моему отряду оставаться на месте. Благодаря этому, врагам не удалось заставить нас сделать по-своему, а наоборот, им самим пришлось возвратиться и начать сражение у подошвы горы. Поражая с возвышенности людей, стоявших ниже нас, мы своими пращами нанесли войску Ильяс-Ходжи серьезный вред, перебив и

ранив многих воинов. С наступлением ночи сражение прекратилось. Ночью я собрал совет, и мы решили, что для нас невыгодно стоять неподвижно на горе, а гораздо лучше сойти вниз и сразиться с неприятелем у подошвы горы. Если нам посчастливится, думали мы, то мы этим достигнем цели, если же не удастся, то мы всё-таки двинемся отсюда в другую сторону. Приказав войску двигаться молча и плотными рядами, я ночью напал на войско Ильяс-Ходжи со всех четырех сторон. Произошло большое сражение, дело перешло в рукопашную. В самый разгар сражения я встретился с Ильяс-Ходжой и иронически пожелал ему «счастливого пути». Не одержав над нами верха, войско Ильяс-ходжи, отстреливаясь, ушло в свой лагерь и там расположилось. Я также двинулся с поля сражения, последовал за войском Ильяс-Ходжи и расположился вокруг города. В это время ко мне присоединился и амир Хусайн со своим отрядом. Военачальники, пристыженные поражением и бегством, собрались в унынии, со слезами на глазах. Они порешили на общем совете драться со мной до тех пор, пока не победят меня или же сами не будут перебиты до последнего человека. Ввиду такого решения Ильяс-Ходжа приготовился к бою, как вдруг несколько человек прискакали с известием о смерти Туклук-Тимура и сообщили Ильяс-Ходже, что ему следует вступить на престол его умершего отца Туклук-Тимура. Поэтому Ильяс-Ходжа поспешил отправиться к отцу. Остающимся в крепости военачальникам Ильяс-Ходжа приказал держаться до его прихода, а сам обещал возвратиться тотчас же, как только покончит со своими делами. Намереваясь убить Ильяс-Ходжу, я, соединившись с амиром Хусайном, двинулся с войском за Ильяс-Ходжой. В это время я узнал, что в Кеш послан наместник Ильяс-Ходжи с войском. Каждые два-три дня от Ильяс-Ходжи уходило по отряду войска, которые и присоединялись ко мне. Пришедшие ко мне люди подтвердили известие, что к Кешу Ильяс-Ходжа послал войско, а потому и я, со своей стороны, послал туда амира Сулеймана, амира Сайфиддина, амира Джагу, амира Баграма и амира Джалалиддина для противодействия отряду Ильяс-Ходжи. Чтобы ввести неприятеля в заблуждение относительно численности моих войск, я приказал своему отряду как можно больше пылить, двигаясь по дороге. Приближаясь к Кешу, воины моего отряда привязали к хвостам своих лошадей древесные ветви, чтобы произвести больше пыли, и поскакали по направлению к городу. Это наступление произвело в среде гарнизона крепости

настоящую панику: войско, без всякого сопротивления, обратилось в бегство. Мое войско через неделю возвратилось с богатой добычей. Вскоре Суль Умар Баяни Сальдур присоединился ко мне с семью отрядами, а Шир Баграм тоже прибыл ко мне с извинениями и поздравлениями. Я устроил пир по случаю их прихода но вскоре выступил со своим войском. Ильяс-Ходжа стал собирать многочисленное войско. Для защиты от меня он выставил Кичик-бека, Искандер Углана и Сафа. Я загадал по Ко какая участь меня ожидает, и мне открылось, что мне суждено победить врагов. Это меня очень обрадовало, и я возблагодарил Бога за помощь. Придя в местность Башарыги, я оставил там амира Хусайна, которому приказал всё время быть настороже, чтобы враги, приблизившись к нам, в первую минуту не могли сглазить нашу силу. Войско свое я разделил на семь частей и расположил в таком порядке, как располагаются на перелете журавли, и дошел до местности Кий.

В это время Кичик-бек, производя рекогносцировку со своим многочисленным отрядом, встретился со мной. Я загадал по Корану, чтобы узнать, что меня ожидает, и мне открылся стих: «Мы украсили низшее небо светилами и поставили их для отражения дьяволов, которым приготовили муку в пламени». Я обрадовался и двинул свои передовые войска навстречу войскам Кичик-бека. Отряд за отрядам, подходили мои резервы на помощь передовым. Сражение затянулось надолго, в моем войске произошло замешательство, и я поспешил присоединиться к войску с моими богадурами. Когда я присоединился, войско Кичик-бека обуял страх. Вслед за мной со стороны неприятеля вступили в бой: Искандар Углан, амир Юсуф и амир Хамид. Я, со своими богадурами, пролил немало крови: в рукопашном бою мы рубили врагов мечами. Во время сражения лошадь Кичик-бека упала под ним, и нам удалось взять его в плен. Для того чтобы освободить из плена Кичик-бека, амир Хамид и амир Юсуф с ожесточением напали на нас. Один из пеших воинов с такой силой ударил лошадь амира Хамида, что лошадь упала, и амир Хамид был тоже взят в плен. Амир Юсуф повернул лошадь и вскачь бросился назад, но по пути стремя его запуталось за стремя встречного всадника, и амир пал и тоже попал в наши руки. Искандар Углан бежал и присоединился к Ильяс-Ходже. Довольный только что одержанной победой, я взъехал на гору и стал собирать рассеянные толпы в одно место. Войско мое быстро собралось, и я снова бросился на отряд Ильяс-Ходжи. Я одержал верх,

но в то время, когда я намеревался схватить самого Ильяс-Ходжу, на помощь к нему прискакал Искандар Углан и сам попал в плен, а Ильяс-Ходже удалось убежать. Мы бросились в погоню за Ильяс-Ходжой. В моем войске почти не было ни одного воина с пустыми руками, так много мы захватили пленных, лошадей, оружия и имущества. Я приказал привести к себе всех пленных, чтобы переговорить с каждым из них сообразно его положению. Я принес Богу благодарственную молитву за дарованную мне победу и перешел с войском в местность Кар, где и остановился. Я разрешил своему войску праздновать победу, пировать и веселиться, а сам через день приказал привести к себе взятых в плен военачальников Ильяс-Ходжи.

Прежде всего я обратился к Кичик-беку и, похвалив его за верность своему государю, старался разного рода обещаниями склонить его к переходу снова на мою сторону, но он не согласился подчиниться мне. Такую же похвалу я воздал амиру Хамиду. После них я выразил горячее одобрение Искандар Углану за то, что он пожертвовал собой за Ильяс-Ходжу; я просил пленных военачальников объяснять мне, чему следует приписать, что они, обладая таким многочисленным войском, были тем не менее побеждены. Они ответили что, по их мнению, это объясняется тем, что слава о моей непобедимости внушает воинам моих врагов такой панический страх что каждый мой удар по силе действия равен тысяче ударов.

«Какому же наказанию должен я вас подвергнуть», - спросил я. Они ответили, что заслужили казнь, но что в таком случае в стране Чете найдется много людей, которые сочтут своим долгом отомстить за своих соотечественников; если же я отпущу пленных, то слава о моем великодушии привлечет ко мне многих людей, которые подчинятся мне, узнав о милостивом отношении моем к пленным. «Ты сам знаешь, что лучше: мстить или прощать», - говорили мне пленные. Я снова попробовал заманчивыми обещаниями склонить их к переходу на мою сторону, но они не согласились, и я убедился в непоколебимой преданности их своему повелителю. Щедро одарив их, я освободил их и других пленных и отправил всех к Ильяс-Ходже. Вскоре к получил известие, что Ильяс-Ходжа пришел на берег Сыр-Дарьи у Ходжента. Я немедленно двинулся туда с войском, но не нашел Ильяс-Ходжи. Амира Сайфиддина и амира Джагу я послал, чтобы овладеть Самаркандом, а сам я стал охотиться и с охотой тоже приблизился к Самарканду. Много моих родных и знакомых вышли ко мне навстречу со словами:

«истинное дело исполнилось»

Я остановился в Самарканде и послал человека, чтобы собрать отставших по дороге воинов. В это время мне исполнилось 37, Племена страны Чете, без всякого постороннего влияний, начали враждовать между собою и возмутились против своего правительства. Желая быть полновластным правителем, я отправился для отражения их. В это время я получил сведения, что амир Хусайн, тайно действуя во вред мне, сговаривается с начальником племени Тумны, что меня делать ханом не следует, а надо выбрать Караджуй Чагатая. Я написал амиру Хусайну письмо, в котором высказал мнение, что на царство годен лишь тот, кто много и счастливо воевал и кто уничтожит врагов. А? Хусайн, сговорившись с начальниками племени Тумны, отыскал находившегося в бедности и неизвестности Кабуль-Шаха, внука Чагатай-хана, и посадил его на престол. Я пришел в Кеш и там остановился. Когда наступила весна, распространился слух, что мятежники Чете с большим войском намерены напасть на Мавераннахр. Амир Хусайн в страхе поспешил собрать совет преданных ему военачальников, и они порешили, что война с войском Чете без моего участия невысказана. Будучи в безвыходном положении, они написали мне прошение. Хусайн писал, что он мой верный друг, что свою дружбу ко мне он докажет потом; что, не подражая обыкновенному приему - уверять в своей преданности, писать об этом, он просто догадывается о моем к нему расположении по симпатии, которую он сам чувствует ко мне. О поданном мне прошении узнал и воспитатель Кабу Шаха. Он сейчас же умертвил Кабуль-Шаха и поспешил прийти ко мне, предлагая мне принять его к себе на службу. Я, находя, что он очень дурной человек, если решился убить своего повелителя, и, желая, чтобы он достойным образом был наказан за свое гнусное злодеяние, отослал его к наследникам убитого им Кабуль-Шаха, чтобы они могли убить злодея так же, как он убил их родственника.

Потом я собрал много войска и сообщил амиру Хусайну, что я собираюсь идти войной на Чете, и отправился для защиты пути через Дарью. Всего у меня собралось до семи тысяч войска, которое я и разделил на семь частей. Я послал гонца к амиру Хусайну, и он, присоединившись ко мне, расположился вблизи моего стана. Мои шпионы донесли мне о положении дел в войске Ильяс-Ходжи следующее: Ильяс-Ходжа со всем своим войском остановился в

местности Бад. Правым и левым флангом командуют в его войске Сангин-Богадур и Хаджи-бек, а сам Ильяс-Ходжа с богадурами находится в центре. Кипчак-богадура Ильяс-Ходжа выслал на разведку вперед. Я, в свою очередь, послал на рекогносцировку: Альджай-ту, Шир-Баграма, Пулат-буга, амира Пархат и Малнк-богадура, под общим начальством Кутлуш Саланчи Арлата. На фланге я назначил Саз Буга и Тимур-Ходжу, а остальных богадуров оставил при себе. Амир Хусайн перешел реку. Я высказал ему, что, по моему мнению, следует нам обоим с двух сторон одновременно напасть на войско Ильяс-Ходжи, но амир Хусайн не согласился со мной: он находил, что не следует разделять свои силы надвое; видя, что убедить его нет никакой возможности, я решил последовать его совету. Вскоре перед нами появилось войско Ильяс-Ходжи.

Видя многочисленность войск неприятеля, я смутился и, следуя усвоенному мною обычаю, загадал по Корану. Мне открылся стих: «Бог уже помогал вам во многих битвах». Я получил уверенность в успехе, прочитав этот стих. В это время с обеих сторон передовые отряды вступили в бой. Со стороны неприятеля Хаджи-бек, смяв Саланчи-богадура, бросился на отряд амира Хусайна и, с первого же натиска, обратил его воинов в бегство: войско разбежалось в разные стороны. Я молился, чтобы Бог послал побольше твердости в бою остальным моим начальникам и войскам. В это время амир Шамсутдин, со своим рядом, тоже направился в сторону отряда амира Хусайна. Я, с находившимися подле меня войсками, напал на амира Шамсутдина, смял его и прогнал к отряду Ильяс-Ходжи. Удар был настолько силен, что произвел панику в войске Ильяс-Ходжи. Амиру Хусайну я послал приказание, чтобы он скорей двигался на соединение со мной, что неприятель испуган и поэтому следует сейчас же напасть на него, так как расстроенного неприятеля легче победить и обратить в бегство. Амир Хусайн без всякой уважительной причины не исполнил моего распоряжения и не пришел, хотя я посылал за ним 10 раз. Мне стало ясно, что амир Хусайн изменил мне. Видя это, я отступил и остановился. Войско неприятеля было также измучено, и они тоже отступили. В эту ночь я не имел возможности ни на минуту слезть с лошади. Амир Хусайн, пропустив удобный момент, когда надобность в нем миновала, присоединился ко мне. Мы поставили с четырех сторон сторожевые посты и под их прикрытием провели ночь спокойно. Настало утро. После заклинаний «ядачи», находившихся при войске неприятеля, пошел сильный дождь,

что нам крайне повредило, затрудняя наше движение. Несмотря, однако, на это неудобство, я со своими богадурами начал сражение, приказав трубить в трубы. Вскоре нам удалось поймать и убить «ядачи», накликавшего дождь, и дождь тотчас же перестал. Я с войском бросился на неприятеля с такой силой и стремительностью, что Браг не в состоянии был вынести натиск и войско Ильяс-Ходжи разбежалось. Мои воины их преследовали, а я с двумя тысячами всадников остался на месте и приказал играть военной музыке.

Вдруг, совершенно нечаянно, на нас напал амир Шамсутдин, который тогда был главнокомандующим, с несметными полчищами войска. Я тотчас же послал ему навстречу тысячу всадников. В этот день сражение продолжалось без перерыва до наступления темноты. Тысяча всадников, посланных мною, все погибли вследствие многочисленности врагов. Убедившись в этом, я решил, что невозможно продолжать бой, и в эту же ночь выступил по направлению к городу Кеш, Вот что случилось с нами из-за того, что амир Хусайн не захотел последовать моему совету - напасть на Ильяс-Ходжу сразу с двух сторон. Для меня стало ясно, что двоевластие в военном деле крайне пагубно отражается на успехе военных предприятий и потому немыслимо. Подтвердилась поговорка, что две головы рогатых баранов (кочкар) нельзя сварить в одном котле. Амир Хусайн, перейдя Аму-Дарью со своими родственниками и приближенными, остановился на берегу реки, рассчитывая бежать в Индустан, если враги двинутся в его сторону. Амир Хусайн и меня приглашал последовать за ним, но я отказался и сказал, что рассчитываю предварительно собрать побольше войска и тогда надеюсь с успехом напасть на войско Ильяс-Ходжи. Вскоре я собрал два отряда. До моего сведения дошло, что военачальники Чете с войском пришли и расположились в самаркандских горах. Поэтому я поспешил назначить три отряда войск под начальством Тимур Углана, Аббас-Богадура и Чадырчи Богадура, которым казал возможно скорей напасть на войско Чете. За первыми тремя отрядами я отправил еще два, под начальством Дауд-Ходжи и Инду-Шаха, которым приказал составить резерв для передовых отрядов. Эти два отряда скоро догнали передовых, но те своим малодушием, уничтожили и в двух задних отрядах всякую уверенность в победе и потому Дауд-Ходжи и Инду-Шах повернули назад. Я вскоре узнал о случившемся. Бежавшие военачальники и сами были смущены своим поступком. По дороге они встретили только Кеиек Тимур-

богадура, главного военачальника Чете, дрались с ним, бежали и, по одиночке, возвратились ко мне. Собрав рассеянные войска, я двинулся с находившимися при мне отрядами в сторону Балха и остановился на берегу реки Аму. В этом месте ко мне присоединилось много народу. Кепек-хан, Туман и Ильчи-Бугай Сальдур с большим войском пришли ко мне. Мы получили известие, что войска Чете осадили и разграбили несколько городов. Встревоженный этим, я переправился через Аму-Дарью. В это время из Самарканда нам дали знать, что туда пришли враги. Жители, не имея крепости, баррикадировали улицы и рассчитывали, что я с войском приду к ним на выручку. Я немедленно двинулся к Самарканду с тысячей всадников.

По дороге до нас дошли еще более печальные вести: в запертом неприятельским войском городе Самарканде был жестокий холод и свирепствовала моровая язва. Я пошел скорее и нашел жителей в ужасном положении: я не обратил внимания на Самарканд, а оставив для военных действий у Самарканда амира Джагу, амира Сайфуддина, Ак-Буга, Ильчи-богадура, сам отправился в сторону Баклана. Когда я пришел в область Баклан, ко мне явился и амир Хусайн. Выступив из Баклана, я перешел в Карши, чтобы провести там зиму. Я распустил всё свое войско и приказал воинам вновь собраться ко мне к празднику Науруз, весной.

В это время мне исполнилось 38 лет. Город Карши также назывался Кепек хан магмурасы; я приказал сделать вокруг города крепостную стену и украсил внутренность города многими зданиями. Наступила весна. По совету амира Хусайна я отправился к Самарканду. Вблизи города мы разбили палатки свои и расположились лагерем.

Амир Хусайн находился при мне, но втайне он завидовал моим успехам на войне и потому, когда я собирался идти на Самарканд, амир Хусайн вздумал требовать отчета от моих амиров, хотя они все доходы тратили на войско. Такой поступок амира Хусайна до такой степени возмутил меня, что я хотел его убить, но в это время мне пришел на память стих Корана: «Рай приготовлен тем, которые укрощают гнев и прощают людям. Бог любит благодетельных», и я отказался от своего намерения. Отдал письмо амиру Хусайну и высказал ему, что не нахожу ничего предосудительного с его стороны в том, что он добивается получения братской доли, и послал ему много верблюдов лошадей Сестра амира Хусайна, Альджой Туркан-ага, послала своему брату в подарок много скота, имущества и драгоценностей; амир

Хусайн всё это взял с жадностью. Я послал ему много денег, он получил их, но не зная предела своим желанием, он всё был недоволен тем, что имеет. За такую жадность и скупость мои военачальники возненавидели амира Хусайна.

Когда войска Чете напали на города, военачальникам приходилось производить расходы на приведение крепостей в оборонительное положение. Амир Хусайн, из скупости, несправедливо обвинил нескольких военачальников, но эти военачальники в доказательство своей правоты представили ему мой приказ о возведении укреплений. Вообще во время этой неурядицы амир Хусайн из корысти притеснял многих жителей Самарканда. За такие действия амира Хусайна население Самарканда было им крайне недоволено, и хотя я не нарушал правил дружбы к родственникам, жители старались настроить меня против него. В это время враги амира Хусайна возбудили против него некоторых из его приближенных и направили их ко мне.

Я несколько раз приказывал им возвратиться к амиру Хусайну и повиноваться ему, но они меня не послушались. Тогда я сообщил об этом амиру Хусайну и просил его простить вину этим изменникам и взять их к себе, но амир Хусайн не согласился на мое предложение. После этого амир Муса и Али Дарвиш-Джалаир, зять, но враг амира Хусайна, утвердили во мне вражду к нему и написали мне письмо, что они намереваются убить амира Хусайна. Мои недоброжелатели, желая повредить мне, написали амиру Хусайну подложное письмо от имени моей жены, в котором сообщали, что будто бы я замышлял убить амира Хусайна. Он прислал мне это письмо, и я ему тотчас же дал знать, что письмо подложно. Кроме того, желая еще более доказать амиру Хусайну, что я не желаю ему зла, я послал к нему амира Мусу и Али Дарвиша, но они с дороги бежали в сторону Ходжента. Казалось бы, что самое бегство этих двух людей должно было бы окончательно убедить амира Хусайна в подложности присланного ему от имени моей жены письма, но амир Хусайн и этому доказательству не придал значения, и окончательно убедился, что он против меня восстановлен и желает мне зла. Продолжая относиться к амиру Хусайну дружески, я спросил Шир-Баграма, как он понимает отношение ко мне амира Хусайна, и тот откровенно ответил, что не подлежит сомнению, что амир Хусайн из зависти желает мне зла. Я просил Шир-Баграма привести доказательства справедливости его заключения и он высказал, что

удостовериться в неискренности амира Хусаина очень легко, так как если он ко мне самому расположен, то он должен милостиво относиться и к служащим у меня, а потом. посоветовал написать амиру Хусайну просьбу о помиловании от его имени и от имени других военачальников, которые прежде служили у амира Хусайна, а потом перешли ко мне; если амир Хусайн, прочтя их просьбу, отнесется к ним благосклонно, то значит, он и ко мне расположен, если же не помилует всех обратившихся к нему с просьбой, то это послужит мне доказательством, что амир Хусайн и мне желает зла. Шир-Баграм с несколькими военачальниками написали упомянутую просьбу и отправили по назначению. Амир Хусайн, получив прошение, разорвал его и высказал при этом, что он не только не согласен простить просителям их вину, но от души был бы доволен, если бы ему удалось всех их убить. Услышав об этом, я решился покончить с амиром Хусайном, и тотчас же послал Баграма с Адиль-богадуром в область Джилян, чтобы они собрали там и привели ко мне войско. Шир-Баграм собрал много людей и укрепился в Сатруни и Каитс. В это время амир Хусайн стал льстивыми обещаниями склонять Шир-Баграма изменить мне и вновь перейти к нему на службу. Это удалось ему. Когда я узнал об измене Шир-Баграма, я написал ему письмо следующего содержания: «Презренный! Ты сам поссорил меня с амиром Хусайном, ты зажег огонь, от которого сам сгоришь и будешь растоптан». Так в конце концов и случилось. После этого я послал к Ходженту Аббас-богадура и амира Джагу, но они, видя, что ссора между мною и амиром Хусайном не может окончиться примирением, за благо рассудили остаться там, и я об этом узнал.

В это время мне исполнилось 39 лет. Когда я двигался от Карпш к Самарканду и сделал уже один переход, амир Сулейман и Чадырчи бежали от меня и присоединились к амиру Хусайну.

Вскоре умер амир Хызр Ясури. Тогда Али Дарвиш, Ильяс-Ходжа, Махмуд бежали от амира Хусайна и присоединились ко мне. В то же время возвратились из Ходжента и пришли тоже ко мне амиры Джагу, Аббас и Баграм Джаллаир. Я прибыл в Самарканд. Жители этого города обратились ко мне с просьбой, чтобы я, по своему усмотрению, поставил им правителя. Я назначил для этой цели Кара-Хинду. Когда я ушел из Самарканда, я узнал, что поставленный мною правитель, индеец душой, мне изменил и перешел на сторону амира Хусайна. В это время я был огорчен печальным известием: моя жена Альджой

Туркан-Ага, сестра амира Хусайна, скончалась. Я вспомнил при этом стих Корана: «Те, которых постигнет какое-либо бездействие, говорят: „мы во власти Бога, и к нему возвратимся“».

Амир Хусайн, услышав о смерти своей сестры, тоже был очень огорчен. Со смертью моей жены прекратилось и наше родство с амиром Хусайном: между нами не осталось ничего, кроме вражды и ненависти. Посоветовавшись со своими военачальниками, я стал собирать войско, чтобы напасть на амира Хусайна. Я молился Богу со словами: «Он лучший из защитников, и на него можно полагаться».

Выйдя из Карши, я прежде всего послал амира Сайфиддина с отрядом вперед, в Джаганы, чтобы разведать о намерениях амира Хусайна. Вскоре я получил от моего посланного письмо, в котором тот предупреждал меня, что враг мой втайне делает приготовления к войне со мною, но действует больше хитростью. Амир Сайфиддин советовал мне быть осторожным. Я двинулся в город Кахлака, и в это время получил от амира Хусайна письмо, в котором он высказывал желание заключить со мной нерушимый союз, и не на словах только, а вполне искренно. При этом амиры Ясура, которые опасались амира Хусайна, думая, что мы вскоре примиримся, задумали бежать. Узнав об этом, я разорвал в их присутствии письмо амира Хусайна и убедил всех военачальников моих, что дело между нами может быть решено только мечом. Это мое решение произвело на всех весьма отрадное впечатление. Амир Хусайн, узнав, что я не намерен помириться с ним, отступил. Я возвратился в Карши. Через несколько дней амир Хусайн, выслав вперед Шир-Баграма, двинулся с целью победить нас хитростью и, придя в Уч-Ганы, остановился. Я находился в Хыресе. В это время ко мне явился казначей амира Хызра и доставил мне Коран, на котором, по его словам, амир Хусайн дал клятву, что никогда не будет враждовать со мной и что если он еще позволит себе что-либо предпринять во вред мне, то пусть он будет моим пленником. При этом посол добавил, что амир Хусайн желал бы принесенную им клятву повторить, для вящего убеждения, в моем присутствии, а потому и просит меня прийти для свидания с ним в долину, принадлежащую Кичик-беку. Между тем в назначенном для предполагаемого свидания месте амир Хусайн озаботился приготовить два отряда войск, чтобы взять меня в плен, если я туда приду. Я догадался, что и клятва и приглашение - не больше как хитрость со стороны моего врага; поэтому, чтобы не дать возможности амиру Хусайну восторжествовать надо мною посредством

предательства, я, со своей стороны, тоже расставил в разных местах степи отряды своих богадуров. Между тем от амира Хусайна пришло известие, что он выступает в долину без войска, в сопровождении лишь свиты в числе 100 всадников и что меня он просит довериться ему и также идти в долину без войска. В середине долины, писал амир Хусайн, есть хорошее место, мы там встретимся. Зная о хитрости амира Хусайна, я вы ступил в долину с тремястами всадников, а амир Хусайн взял с собой до тысячи всадников. Издали заметив двигавшегося к мне навстречу амира Хусайна, я остановился. Тайно поставленные амиром Хусайном военачальники и отряды напали на меня, скрытые мной для моей защиты воины явились с двух сторон и начали сражение. Удар моих богадуров был так силен, что войско амира Хусайна не выдержало и первого натиска моих воинов и в страхе обратилось в бегство. Мои богадуры преследовали войска амира Хусайна и при этом многих убили и ранили, беглецы направились к знамени своего властелина, который в это время, будучи вполне уверен, что я буду взят в плен его войсками, спокойно поджидал, когда меня подведут к нему связанного. Но каково же было его смущение, когда он увидел бегство своих воинов и полную неудачу в своих замыслах против меня! Гнев его обрушился на Шир-Баграма.

Оставшись таким образом победителем, я двинулся обратно в Карши и там, довольный своим успехом, отдыхал. Находясь в Карши, я всё-таки не терял из виду своего врага и прилагал все усилия к тому, чтобы иметь самые точные сведения о том, что предпринимает амир Хусайн. Собрав своих военачальников, я высказал им, что всякий из них, кто будет служить мне верой и правдой, может рассчитывать, что я буду обращаться с ним как с братом, я всегда разделял между ними всю добычу и впредь буду поступать так же. Всех же, кто не чувствует ко мне доверия и искренней преданности, я просил тотчас же удалиться от меня. Все собравшиеся уверили меня в своей преданности, поклялись в верности мне и собственноручно подписали договор следующего содержания: «Сим мы даем торжественное обещание никогда не покидать амира Тимура. Мы призываем в свидетели Бога и, если мы изменим своему слову, пусть Всевышний нас за это накажет». Таким образом я убедился в преданности мне моего войска. Я двинулся в Бахан, чтобы подчинить себе племя Санджар. До меня дошли сведения, что амир Хусайн 12 000 всадников под предводительством амира Мусы и амира Малик Богадура отправил для завоевания гор

Карши и для следования за мной. Я, не зная, что предпринять, подкрепил обещаниями наград бодрость духа моих войск и продолжал двигаться к Санджарам, а вперед послал дать знать этому племени, что я иду к ним. Санджары были раньше благодетельствованы мною, а потому из благодарности они поспешили выслать мне навстречу отряд в тысячу человек конницы и богатые подарки; некоторых из моих амиров они пригласили в свою столицу и угостили.

На некоторых из своих амиров я не мог вполне положиться и не был уверен в их преданности. Когда весть о моем недоверии дошла до этих амиров, они пришли ко мне с Кораном и с мечами и сказали: «Если ты веришь в нашу клятву, то вот Коран, если же ты хочешь убить нас, то вот меч». Я принял их очень милостиво и убедился в их верности. Это были: амир Джагу, Абу Тимур, амир Сарыбугай, Джалаир, амир Муайид Барлас, амир Сайфуддин-Богадур, амир Аббас, Хасан-богадур, Ак-Буга, аир Муайид Арлад, Ак-Тимур-богадур, Ильчи Бугадур, Аббас-богадур Кипчак и Махсуд Ша-Бухари. Так все они еще раз убедили меня в верности мне, и я спокойно двинулся к Санджарам. Я сделал уже четыре перехода, когда военачальник амира Хусайна, Хинду-шах занял Карши и сообщил об этом амру Хусайну. До меня дошли об этом известия, и это меня очень возмутило. Намереваясь убить злодея, я распустил слух, будто бы отправляюсь в Хорасан; на самом же деле я те войска, которые считал худшими, отправил Санджарам, а сам с богаду-рами двинулся в другую сторону и остановился у колодца Исаака, где и пробыл некоторое время. Отставшие по дороге воины успели ко мне присоединиться. Оттуда, чтобы обмануть врагов, я отправился в Бахан. Я ненадолго остановился на берегу Аму-Дарьи, но затем перешел реку. Когда весть о моей переправе через реку дошла до Карши, то гарнизон и начальники его, амир Муса и амир Хинду-шах успокоились. Я пробыл в Карши два дня, пока все мои войска переправились через реку. Отсюда я послал грамоты в Герат и Мухаммад Беку-Джаны-Курбаны. Я послал одного способного человека в Хорасан, чтобы он успокоил тамошнее население, а сам степной дорогой пришел в Шураб, где и остановился на два месяца. Я там занимался охотой, а в Герат и Мухаммад-Джаны-беку послал богатые подарки. Вскоре я получил оттуда ответные грамоты, в которых выражалась безусловная покорность мне и вместе с тем мне было прислано очень много подарков. Все эти дары я поделил между своими воинами. В это время мимо нас из Хорасана в Карши проходил большой караван Когда

караван приблизился к моему войску, то опасаясь с нашей стороны грабежей и насилий, начальник каравана явился мне с богатыми дарами. Я стал расспрашивать его о Хорасане и узнал, что население, услышав о том, что я тудадвигаюсь, очень радовалось и благодарило Бога. Начальник каравана просил меня дать ему провожатого, который оградил бы караван от нападения со стороны моих воинов. Я приказал, и караван прошел благополучно в Карши. Амир Муса и амир Хинду расспросили начальника каравана о том, что я делаю, и решились идти в Хорасан. В Карши амир Муса оставил своего сына, а сам с семью тысячами войска дошел до местности Ниммург, где и остановился. Отсюда амир Муса написал амиру Хусайну письмо, и те пять тысяч войска, которые амир Хусайн послал с ним на помощь, нисколько не опасаясь меня, расположились в местности Гашун и пировали там, не принимая даже необходимых мер предосторожности. Узнав об этом я, для того чтобы напасть на них, собрал 340 богадуров, лично мне известных своей храбростью. Перед выступлением я загадал по Корану, и мне открылся стих: «В тот день верующие возвестятся о помощи Бога. Он дает свою помощь, кому хочет: он силен, милосерден»

С этими 340 богадурами я собрался в поход. Когда я вышел из своей палатки, мои амиры восторженно приветствовали меня. В числе военачальников, избранных мною, были: амир Муайад и амир Дауд, которые были оба женаты на моих сестрах, Тугуль-богадур, амир Джагу, Сюр Гшмиш, амир Сары-Бугай Хусайн-богадур, амир Сайфуддин Никудерийский, Аббас-богадур кипчакский, Ак-богадур и Махмуд-Ша. Прежде всех ко мне обратился с приветствием амир Муайад Архад, и я принял это за предзнаменование помощи Божией. Потом высказал свое приветствие Тугуль-богадур и возложил свои упования на милость Божию. В это время я загадал по Корану, и мне открылось: «Кто уповаet на Бога, тому он дает довольство: Бог совершит свое дело». Прочтя это изречение, я ободрился и почувствовал в себе уверенность в том, что задуманное мною предприятие несомненно увенчается успехом. Переправившись через Аму-Дарью, я направился в местность Азсанат. По дороге в Карши я оставил сторожевой отряд, загородив дорогу таким образом, чтобы никто не мог пройти незамеченным. Сделав несколько переходов, я приблизился к городу Саркенду. Амир Джагу, придя ко мне, высказал, что, по его мнению, следовало бы здесь приостановиться и подождать, пока соберутся отставшие по дороге воины. Я согласился и остановил движение моего отряда. Чтобы

остановка не прошла без пользы для дела, я приказал готовить крепкие штурмовые лестницы, а сам, ничего не говоря войску, с 40 воинами тихо, пользуясь темнотой ночи, пробрался к крепости Карши. Ров оказался полон водой, но нам удалось всё-таки найти крепкий мост для перехода через ров. Здесь я остановил сопровождавших меня воинов, отдал свою лошадь верному моему конюху Абдулле, один пошел к крепостным воротам и постучал рукой; никто мне не ответил. Я убедился, что не только всё население и гарнизон крепости спит крепким сном, а даже привратник у крепостных ворот - и тот уснул. Благодаря такой беспечности я имел полную возможность хорошо ознакомиться с расположением крепостных верков, узнал все входы и выходы и определил места, где всего удобнее поставить штурмовые лестницы. Узнав всё, что мне было нужно, я сел на лошадь и возвратился в лагерь. Собрав всех амиров, я подробно ознакомил их с расположением крепости, которую нам предстояло взять. Все, узнав, что сообщенные мною сведения добыты мною личным осмотром и что я ночью один ходил для этого к крепости, дивились моей храбрости, а некоторые даже осуждали меня за мое ночное предприятие, сопряженное такой опасностью для моей жизни. Из состава моего отряда я выделил 40 человек для присмотра за лошадьми, а сам верхом, с 300 пешими храбрецами, вооружение которых состояло из мечей и пращей, двинулся к крепости, соблюдая необходимую в таких случаях тишину. Все мои богадуры перешли по мосту, мы быстро расставили штурмовые лестницы и по ним влезли в крепость. К моему удивлению, никто в крепости не проснулся. Я послал нескольких богадуров, чтобы занять крепостные ворота. Каждого из привратников, которые просыпались при их приближении, они убивали, но всё-таки крики сторожей разбудили население крепости. Тогда я приказал сразу затрубить во все трубы и бить во все барабаны; этот шум произвел на сонных жителей такое впечатление, как будто бы случилось землетрясение, и все пришли в неопиcуемый ужас, а воины, составлявшие гарнизон крепости, попрятались в дрова и солому. Комендант крепости, сын амира Мусы, Мухаммед-бек взобрался на крышу и до самого утра распоряжался сражением. Наконец настал день, и Мухаммед-бек, видя, что перевес на нашей стороне, сошел с крыши во внутренность дома и там заперся. Дом этот мы зажгли, все бежавшие были взяты в плен и доставлены ко мне. Наконец, привели и Мухаммед-бека, сына амира Мусы. Предо мною предстал очень молодой юноша,

почти мальчик, и я, удивляясь его храбрости, обошелся с ним, как со своим сыном. Я пощадил население, а добычу разделил поровну между своими воинами. Я расположил свои войска по крепостным веркам, причем к воротам Хызар я поставил амира Сар, амира Сайфуддина, Дауда и Муайяда, а Сюр Гитмиш-Углана, амира Аббаса, Хасан-богадура и Ак-Буга я расположил у других ворот по сторонам крепости. Остальных своих воинов я расположил по башням крепости. Семейству амира Мусы я оказал милость и отправил всех членов его семьи к нему. Между тем амир Муса, когда до него дошли слухи о взятии нами крепости Карши, тотчас же, сообщая с Малик-богадуром, собрал до двенадцати тысяч войска, состоявшего из храбрых всадников и двинулся по направлению к Карши, чтобы отобрать у нас крепость. Это случилось таким образом: амир Муса с двенадцатитысячным войском осадил меня в крепости Карши. Я тотчас же отрядил амира Муайяд Арлада с 40 всадниками и Ильчи-Буга с таким же конным отрядом из 40 человек и послал их вечером в субботу напасть на амира Мусу. Они произвели такую панику в войске амира Мусы, как будто волки напали на стадо баранов. Хотя из посланных мною воинов некоторые были избиты и ранены, но зато в войске неприятеля они очень многих перебили, ранили и, захватив в плен, привели ко мне. В числе пленных, между прочим, оказался и Шадраван-богадур. Я решился оказать этому пленнику гостеприимство, принял его с почетом, устроил ему угощение, а затем представил на его усмотрение: вернуться к амиру Мусе или же остаться у меня. Шадраван-богадур высказал желание служить мне.

Через три дня я послал Ак-Тимура к амиру Мусе в Шадраван. Он быстро двинулся и храбро напал на войско амира Мусы. Ему удалось отбить у врага и привести ко мне сто лошадей. Кенджи-богадур с 200 всадниками, заняв одни ворота, находился за стеной. Ильчи-Буга и Ак-Тимур-богадур с шестьюдесятью всадниками, положив через ров дощатый мост, вышли из крепости и перебили пращами и изрубили до тысячи двухсот неприятельских воинов. В это время на помощь неприятельскому отряду прибыл Тага-Буга-богадур, а я со своей стороны выслал на помощь моим воинам Биргучи-богадура. Оба отряда с такой отвагою бросились в бой, что все видевшие сражение не могли удержаться от удивления и одобрения. Во время боя был такой случай: со стороны неприятеля приблизился известный своей храбростью и физической силой Узбек и замахнулся, намереваясь ударить тяжелой

палицей по голове Газа-Буган-богадура, но Газа-богадур сам схватил руки Узбека вместе с палицей, сложил их ему за спину и привел его в крепость, как птицу, которую держат за оба крыла. Бывшие свидетели этого случая говорили, что Газа-богадуром совершен был подвиг, напоминающий деяния древних богатырей Рустана и Исфандиара. Поэтому все неприятельские воины испугались и скрылись за ров, но и там их преследовали мои богадуры и прогнали их. Амир Муса и Малик-богадур с испугу спрятались в садах. Тугуль-богадур с двумястами всадников напал на отряд моих богадуров и потеснил их. Заметив, что мои богадуры отступают, я приказал трубить в трубы и бросился к ним на помощь; увидя меня, оробевшие было богадуры снова вступили в бой и перебили много врагов между стенами. На Ильчи-Буга и Тугуль-богадура мои воины бросились с мечами через пролом в стене. Оба со своими отрядами бежали. В погоню за ними кинулись амир Баграм и Маджур Хорасанский, но первый из них почему-то принял Маджура за моего врага и убил его.

Амир Муса, не зная, что предпринять, послал на ворота Хызар отряд в пять тысяч человек. Четыре тысячи воинов, под личным предводительством амира Мусы, напали на меня. Я первоначально противопоставил нападающим лишь 100 всадников, но они не могли справиться с значительно сильнеешим неприятелем; поэтому, чтобы помочь моему войску, я сам открыл стрельбу. Один из брошенных снарядов весьма удачно поразил самого амира Мусу, который так испугался, что сейчас же бежал в свою сторону с семитысячным войском. Те же пять тысяч человек, которые под предводительством Малик-богадура воевали у ворот Хызар с амиром Сайфуддином и амиром Сары-Буга, после нескольких нападений моих богадуров тоже бежали и Малик-Дауд их преследовал. Эти пять тысяч человек, спасшись бегством, присоединились к амиру Мусе. Они до того перепугались что оставили в степи Арзу-Малик-ага - дочь Баязид-Джелаира, жену амира Мусы. Я обрадовал ее милостью и отослал к одному шейху.

Мы преследовали неприятеля до Кизыл-таг. После этого мы, с общего согласия решили зимовать, и бухарские военачальники находили это выгодным; я возвратился в Кеш, так как город был обильно снабжен продовольствием и хорошо укреплен. В сторону Бухары я отправил отряд под предводительством Махсуд-Ша и приказал овладеть городом. Бежавшие от Карши войска амира Хусайна услышали, что

амир Хусайн их проклял, устыдились и, выбрав себе предводителем амира Мусу, в числе десяти тысяч человек, под начальством десяти амиров, двинулись, чтобы взять Бухару. Я послал против них бывшего в то время правителем Герата Малик-Хусайна, который раньше испытал мое великодушие. Сам я, снисходя к настойчивым просьбам жителей области Мавераннахр, отправился туда. Я вместо себя оставил при войске старшего своего сына, Мухаммад-Джагангира, а регентом (аталыком) к нему назначил Мубарак-Ша.

Я загадал по Корану, и мне открылся стих: «Кто уповает да. Бога, тому он дает довольство: Бог совершит свое дело». Я очень обрадовался. Переправившись через Аму-Дарью я был в нерешительности, куда мне следует направиться: в Самарканд или Бухару. В это время пришло известие, что большая часть войск из отряда амира Мусы сосредоточена близ Карши, поэтому я туда и направился. Быстро напал я на врагов, обратил их в бегство и взял в плен амиров Кайсара и Урдашыха и овладел богатой добычей, которую и разделил между своими воинами. Услышав об этом, Хинду-шах и амир Сулейман, с пятью тысячами всадников бежали и стали собираться в заранее условленном месте, чтобы приготовиться к военным действиям. Я узнал об их приготовлениях и решился внезапно напасть на них. Всё свое войско я разделил на семь частей. Шейх-Али-богадура и амира Джагу я выслал на разведку, начальниками частей войска я назначил: Дауд Барласа, Сару-Джо-богадура, Хинду-Шаха, Ильчи-богадура, Али-Яссури и Махмуд-Ша. В это время я получил известие, что враги, собравшись вместе, сами намерены сделать на меня нападение. Я сам тоже стал собирать свое войско и готовить его к бою в степи Кузы. Наконец, мы увидели издали приближавшееся к нам неприятельское войско. Заметив, что они идут несколькими отрядами, я приказал начать сражение передовым отрядам, которые находились на правом и левом флангах и на поддержку им я выслал еще много войска. Сражение было кровопролитное и продолжалось с утра до вечера. Я сам с несколькими богадурами без страха бросился в бой. С помощью Божьей мне удалось рассеять моих врагов как дым. Я взял многих в плен и овладел большим количеством оружия. Я вознес к Богу благодарственную молитву за дарованную мне победу. Мое войско преследовало бежавших, и многие из врагов были захвачены в плен. В числе пленных между прочими оказался Альджай-Ту-Султан Толканский. Увидев меня, он сказал, из благодарности он был предан

амиру Хусайну и служил ему, а теперь он готов служить мне с такою же преданностью. если только я того пожелаю. «Если же ты не желаешь принять меня к себе на службу, - добавил он, - и находишь нужным казнить, то пусть так и будет». Я поспешил ободрить Альджай-Ту и хвалить его храбрость. Некоторые из моих военачальников советовали мне убить Альджай-Ту, но я не согласился, а напротив, обласкал его и назначил начальником отдельной части, снабдив его грамотой. Он был в восторге от моего великодушия. Впоследствии этот Альджай-Ту оказал мне столько важных услуг, что и описать невозможно. Таким образом я прогнал войско амира Хусайна.

Чакыр-богадур занял Самарканд; чтобы задержать его там я выступил по направлению к Самарканду. Я написал письмо Чакыр-богадuru и приглашал его добровольно подчиниться мне. Я обещал ему в награду за преданность мне назначить его амиром, но Чакыр ответил мне, что он предан амиру Хусайну и считает его своим благодетелем. «Если я изменю амиру Хусайну, - писал Чакыр, - то кто же мне после этого поверит?» Я не мог не похвалить такую преданность Чакыр-богадура своему повелителю. Я подошел к Самарканду, и оттуда вышел с войском Чакыр-богадур и вступил в бой с моими войсками.

С первого же удара мне удалось обратить в бегство войска неприятеля. Ак-Тимур преследовал их до ворот города и даже отнял у Чакыр-богадура его пояс. Возвратившись, я приостановился некоторое время на одном месте. Мне дали знать, что преданные амиру Хусайну люди приходили из области Киш, заняли Мачук, и сам он двигается сзади. Я собрал совет и обсудил со своими военачальниками план действий. Перейдя реку Ям, я в четыре перехода достиг Ходжента.

Амир Хусайн не любил двух своих военачальников, и оба они знали об этом. Это были Кай-Хисрау и Баграм-Джалаир, которые раньше бежали от меня и перешли на службу к амиру Хусайну. Оба они, зная нерасположение к ним амира Хусайна, прислали мне письмо, в котором сообщили мне, что обратившись к хану Чете, они получили от него в помощь семь тысяч всадников, с которыми и прибыли в Ташкент, чтобы служить мне, и ожидают меня в Ташкенте. Я поспешил двинуться туда. Амир Кай-Хисрау устроил мне торжественную встречу и богатое угощение. Я прожил в Ташкенте целый месяц. Амир Кай-Хисрау был женат на дочери амира Туклук-Тимура, и у него была дочь, которую я сговорил за своего сына, Мухаммад-Джагангира. Амиру Баграму я дал высокое назначение. В это время до меня дошли

сведения, что амир Хусайн остановился в Гираке и Яйлаке.

Я узнал из достоверных источников, что амир Хусайн разрешил двенадцатитысячному войску напасть на меня и немедленно выслал вперед Малик-богадура с тремя тысячами всадников. Я прибыл с войском в Джаган-шах и рассеял в разные стороны направленное против меня войско. Всё добытое во время сражения неприятельское имущество и оружие я разделил между своими воинами. Кай-Хисрау вскоре тоже присоединился ко мне.

С общего согласия мы остановились в местности Барак и оттуда тремя отрядами двинулись дальше. Чтобы устроить врага, мы распустили слух, что пришли монголы и распустили монгольское знамя. Так мы догнали Малик-богадура. Увидя монгольское знамя, войска Малик-богадура в страхе бежали и присоединились к амиру Хусайну. Оставшись таким образом победителем, я отправился в местность Рабат-Малик. Там амир Кай-Хисрау торжественно встретил меня и поздравил с победой.

Мы было расположились на отдых, предполагая достойным образом отпраздновать успех нашего оружия, но вскоре пришла весть, что, по слухам, амир Хусайн, устыдившись, приближается ко мне. Я тоже двинулся к нему навстречу в местность Барсын. Был сильный холод, и выпало очень много снега; я узнал, что амир Хусайн возвратился назад поэтому и я возвратился и провел зиму в Ташкенте.

Наступило лето; посоветовавшись со своими приближенными, я решил послать хану Чете богатые подарки и просить у него помощи. Хан прислал мне десять тысяч человек конницы.

До сведения амира дошло, что ко мне прибыло подкрепление! Он написал мне письмо, в котором снова клялся Кораном, что не предпримет впредь против меня ничего и просит с ним помириться. Муллы из Ташкента, Андижана и Ходжента принесли ко мне и Коран, на котором амир Хусайн клялся искренно примириться со мной. Они, со своей стороны, просили меня не отвергать склонного к примирению амира Хусайна и помириться с ним.

Я подробно рассказал муллам всё, что было раньше между мной и амиром Хусайном, ссылаясь на то, что амир Хусайн изменил уже однажды данной им клятве на Коране. Тогда муллы дали совет: не предвешая вопроса о примирении, самим погадать об этом по Корану и поступить сообразно тому, что откроется. Вышло, что примириться следует; я согласился и двинулся по направлению к Самарканду со

всеми амирами, чтобы увидаться там с амиром Хусайном.

Чтобы убедиться, насколько искренно желает амир Хусайн со мной примириться, я послал к нему амира Мусу, а сам отправился в крепость Шадман. Турак-Ша явился ко мне и доложил, что амир Хусайн очень рад, что я ушел в Шадман, и снова передал мне от имени амира Хусайна просьбу примириться с ним. Я ответил, что я послал уже Аббас-богадура. и просил передать от меня амиру Хусайну, что я прошу его вместе с этим богадуром прийти к священному мазару Али-ата. Я со своей стороны, обещал прийти туда же и там торжественно мы примиримся с амиром Хусайном.

Амиры Муса и Альджай-Ту, придя к амиру Хусайну, передали ему мое приглашение и привели амира Хусайна в сопровождении сотни всадников к указанному мною кладбищу. Я подъехал к кладбищу с пятьюдесятью всадниками, и мы встретились.

Амир Хусайн, обращаясь ко мне, сказал: «Забудем старую вражду». «Пусть не будет впредь между нами таких отношений, какие были раньше», - ответил я амиру Хусайну.

После этого я дал торжественное обещание, что я не преступлю нашего мирного договора до тех пор, пока амир Хусайн не изменит своей клятве, данной на Коране. То же самое обещался в точности исполнить по отношению ко мне и амир Хусайн.

После примирения мы оба сели на лошадей и разъехались в разные стороны: амир Хусайн отправился в Сали-Сарай, а я прибыл в Кеш и там отдохнул. Сыну своему, Мухаммад-Джа-гангиру, я написал письмо, чтобы он из Мерва явился ко мне с войском и оружием.

В это время я получил от амира Хусайна письмо, в котором он сообщал мне, что бадахшанские правители возмутились и что он отправился их умирять. Я ответил амиру Хусайну, что желаю ему счастливого пути.

В то время когда я расположился на отдых вокруг Кеша, я получил известие, что Малнк-Хусайн, правитель Герата, грабит жителей владений амира Хусайна. Я сейчас же двинулся туда с войском, перешел реку Термед, отнял у Малик-Хусайна всё награбленное им и возвратил по принадлежности подданным амира Хусайна. Сам же я, чтобы помочь амиру Хусайну, отправился к столице Бадахшана.

Закончив на этом эпизоде автобиографию амира Тимура, переводчик с персидского Наби-джан-Хатыф не преминул по восточному обычаю украсить свой труд небольшим заключением следующего содержания.

С помощью Божьей я окончил эту книгу. Бог прощает всем людям их прегрешения, поэтому и я прошу благосклонных читателей не ставить мне в вину сделанные мною промахи в словах тюркского и уйгурского наречий и не сердиться на меня за эти невольные ошибки.

В 1835 году я написал эту книгу, придерживаясь в точности того, что было написано со слов самого «сахиб-уль-кырана» Тимура. Я остановился на описании примирения Тимура с Хусайном, во-первых, потому, что на этом оканчивалась и персидская рукопись а во-вторых, и потому, что «мир лучше войны». Согласно этого изречения я и закончил свой труд описанием примирения, чтобы в конце было хорошее.

УЛОЖЕНИЕ ТИМУРА ⁴

Моим детям, счастливым завоевателям государств, моим потомкам - великим повелителям мира.

Да будет им известно, что, в полной надежде на милосердие Всевышнего, я убежден в том, что многие из них наследуют мой могущественный трон. Это побуждает меня изложить для них правила, которыми я руководствовался сам. Строго соблюдая эти правила, они могут упрочить за собою то счастье, которого я достиг столькими беспокойствами, трудами и опасностями, которое дано мне небом, благотворным влиянием религии Магомета (да даст ему Бог мир) и могущественным ходатайством потомков и сподвижников его. Пусть эти правила послужат им руководством как в их поведении, так и в управлении государством, дабы они могли сохранить то государство, которое я им оставляю.

Всех правил двенадцать. Ничто лучше не доказывает их важности, как то, что я извлек из них: они помогли мне достигнуть власти, завоевать государства, упрочить за мной завоевания и сделать меня достойным трона.

- 1) Я заботился о распространении религии Бога и закона Магомета, этого избранного Богом сосуда: я поддерживал ислам во всякое время и во всяком месте.
- 2) Я разделил преданных мне людей на 12 классов: одни из них

⁴ * Уложение Тимура. Ташкент, 1904.

помогали мне своими подвигами, другие - советами, как при завоевании государств, так и при управлении ими. Я пользовался ими, чтобы укрепить замок моего счастья; они были украшением моего двора.

3) Советы с мудрыми, предусмотрительность, бдительность и деятельность помогли мне побеждать войска врагов и завоевывать области. В управлении я руководствовался кротостью, человеколюбием и терпением; я наблюдал за всеми, прикрываясь личиной бездействия, был одинаково благосклонен как к врагам, так и к друзьям.

4) Надлежащий порядок и соблюдение законов послужили основанием и подпорой моей судьбы, фортуны. То и другое так укрепили мою власть, что визири, эмиры, солдаты и народ не домогались повышения, а каждый довольствовался своим местом.

5) Чтобы воодушевить офицеров и солдат, я не щадил ни золота, ни драгоценных камней; я их допускал к своему столу, а они жертвовали для меня своей жизнью в сражениях. Оказывая им милости и входя в их нужды, я обеспечил за собой их привязанность. И так при помощи доблестных вождей и моих воинов, я сделался властелином 27 государств: Я сделался государем Ирана, Турана, Рума, Магреба, Сирии, Египта, Ирак-Араби и Ирак-Аджеми, Мазандерана, Гиляна, Ширвана, Азербайджана, Фарса, Хорассана, Четте, Великой Татарии, Хорезма, Хотана, Кабулистана, Бактерземина и Индостана. Все эти страны признали мою власть, и я предписал им законы.

Надевая на себя царский плащ, я тем самым отказался от покоя, какой вкушают на лоне бездействия. С 12 лет от рождения я разъезжал по разным областям, боролся с несчастьем, составлял проекты, поражал неприятельские эскадроны, свыкался с видом возмущений офицеров и солдат, привыкал выслушивать от них резкие слова, но терпением и мнимой беззаботностью, от которой я был далек, мне удавалось умиротворять их. Наконец я бросался на врагов. Таким образом мне удавалось покорять провинции и даже целые государства и далеко распространять славу моего имени.

6) Справедливостью и беспристрастием я приобрел благосклонность созданий Божьих. Свои благодеяния я распространял и на виновного и на невинного; мое великодушие обеспечило мне место в сердцах людей; правосудие управляло моими решениями. Мудрую политикой и строгою справедливостью я удерживал своих солдат и подданных между страхом и надеждой. Мои воины были осыпаны моими

подарками. Я имел сострадание к низшим и к самым несчастным классам государства.

Я освобождал угнетенного из рук гонителя и, раз убедившись во вреде, причиненном лицу или имуществу, я произносил приговор по закону и никогда не подвергал невинного наказанию, заслуженному виновным. Всякий, поднимавший против меня оружие для разрушения моих намерений, как только умолял меня о помощи, был принимаем мною благосклонно. Я возвышал его в чинах и зачеркивал его вину пером забвения; и если его сердце было еще озлоблено, то мое обращение с ним было таково, что я успевал наконец изгладить самый след его неудовольствия.

7) Я оказывал почтение потомкам пророка, ученым, богословам, философам и историкам. Я уважал их и почитал. Храбрые люди были моими друзьями, потому что Всевышний любит храбрых. Я сходил к учеными и снискивал расположение тех, у которых была благородная душа.

Я прибегал к ним, и их благословение доставляло мне победу. Я покровительствовал дервишам и факирам. Я тщательно избегал причинять им малейшую печаль и ни в чем им не отказывал. Те, которые дурно отзывались о других, были удаляемы от моего двора. Их толкам не придавалось значения, и я никогда не слушал их клеветы.

8) Я был настойчив в моих предприятиях. Раз предпринятый проект, каков бы он ни был, овладевал всем моим вниманием, и я не оставлял его, пока не имел успеха. Поступки мои не противоречили моим словам, и я не поступал сурово. Я никому не досаждал из опасения, чтобы Всемогущий не поступил с мною сурово и не подавил меня тяжестью собственных моих деяний. Я расспрашивал ученых, чтобы знать, каковы были постановления древних от Адама до Магомета, «Печати Пророков и от этого последнего до наших дней. Образ действий, и поведение, их поступки и слова этих повелителей глубоко проникли в мое сердце. Я старался подражать самым похвальным качествам их и самым лучшим чертам их жизни. Для собственного назидания я изучал причины падения их власти и старался избегать сделанных ими ошибок. Я воздерживался от лихоимства и притеснений; мне было известно, что эти преступления относятся к тем, которыми порождаются голод и бедствия всякого рода и которые выкашивают целые народы.

9) Я знал состояние народа. Я смотрел на знатных, как на братьев, а на простых людей, как на детей. Умел приноровиться к нравам и

характеру жителей каждой области и каждого город Я заслужил уважение от новых своих подданных, тех из них, которые занимали высшие места. Я давал им правителей, свыкшихся с их нравами и обычаями и которые уже пользовались у них одобрением. Я знал состояние населения каждой отдельной области. Я посадил в каждой стране моего царства человека испытанной честности, чтобы он извещал меня о поступках и поведении народа и солдат и чтобы он давал мне знать о всех непредвиденных событиях, которые могли интересовать меня. Когда я открывал малейшую ложь в его донесениях, то строго его наказывал. Как только я узнавал о каком-нибудь случае притеснения или жестокости правителя, солдат или народа, то я давал виновным чувствовать всю строгость правосудия.

10) Когда какое-нибудь племя, какая-нибудь орда тюркская, арабская, персидская или чужестранная желали признать мою власть, я принимал правителя этого племени или орды с почетом, других же я принимал по достоинству: я добром воздавал добрым, а злых предоставлял собственной участи.

Кто бы ни заключил со мной дружеский союз, был уверен, что не будет раскаиваться. Я давал тому доказательства моей благосклонности и великодушия. Услуги, мне оказанные, не оставались без награды. Даже мой враг, когда он чувствовал свою вину и приходил просить моего покровительства, получал прощение и находил во мне благодетеля и друга.

Так поступил я с Шир-Бахрамом. Этот начальник племени, сопровождавший меня как союзник, покинул меня в момент сражения. Желание добычи овладело им, и он обнажил меч против меня. В конце концов он вспомнил, что ел мою соль (т.е. он почувствовал угрызение совести), и снова вымолил у меня помилование. Это был воин знаменитого происхождения, столько же опытный, сколько и неустрашимый. Я закрыл глаза на его вину, я простил ему ради его храбрости и дал ему чин выше против того, что он имел раньше, дабы тем сильнее заставить его почувствовать мое расположение к нему.

11) Дети, внуки, друзья, союзники, все те, которые со мною какую-либо связь имели, пользовались моими благодеяниями. Блеск моего счастья не заставил меня забывать кого-нибудь. Каждый получил должное. Милосердие также имело место в моем сердце. Я уважал в моих сыновьях и внуках союз крови, не посягал на их жизнь и даже на их свободу. По отношению к каждому частному лицу я вел себя,

соображаясь с особенностями его характера и с представлением, какое я имел о нем. Опыт, который я вынес из превратностей судьбы, научил меня, как нужно поступать с друзьями и с врагами.

12) Я всегда с уважением относился к солдатам, сражались ли они за или против меня. Да и не обязаны ли мы признательностью людям, которые жертвуют продолжительным счастьем преходящим благам? Они бросаются в сражения и не щадят свою жизнь среди случайностей. Неприятельский воин, неизменно преданный своему повелителю, мог рассчитывать на мою дружбу. Когда он становился под мои знамена, я награждал его заслуги и верность, принимая его в число своих союзников. Но тот воин, который в момент сражения оставил своего полководца, чтобы перейти ко мне, был в моих глазах самым мерзким человеком.

Во время войны, которую я вел с ханом Тохтамышем, его эмиры сделали мне несколько письменных предложений. Это было вероломство с их стороны по отношению к своему князю, моему неприятелю. Я пришел в негодование от таких предложений и сказал про себя: «Они изменят и мне, как теперь изменяют моему повелителю», и вместо всякого ответа я их проклял.

Опыт доказал мне, что власть, не опирающаяся на религию и законы, не сохранит на долгое время свое положение и силу. Она подобна нагому человеку, который заставляет других при встрече с ним опускать глаза, не внушая никакого уважения к себе. Можно также сравнить его и с домом, не имеющим ни крыши, ни дверей, ни ограды, в который может проникнуть самый презренный человек.

Вот почему я основал здание моего величия на исламе, с прибавлением к нему правил и законов, которые я точно соблюдал в продолжение моего царствования.

Первое правило, которое появилось в моем сердце, клонилось к распространению религии и утверждению закона Магомета. Я распространил в мир ислам, этот кодекс превосходнейшего из смертных; я сделал из него украшение моей империи.

Чтобы иметь более верный успех в увеличении числа прозелитов Магомета, я избрал из потомков этого пророка человека самого выдающегося, которого и облек полною властью над мусульманами. Он имел в своем ведении священные имущества и назначал отдельных управляющих мечетями. Он же в городах и местечках утверждал верховного судью, первого представителя религии (муфти), назначал

инспекторов рынков. Он назначал также жалование и пенсии как тем, которые, подобно ему, вели свое происхождение от Магомета, так и ученым, законоведам и всем заслуженным людям.

Я назначил судью или казю для армии; а для народа я назначил другого.

В каждую область я послал пожилого знатока ислама, чтобы предостерегать верующих от запрещенных законом дел и чтобы заботиться об их образовании. Я приказал строить мечети и монастыри в городах, караван-сарай - на дорогах и мосты - на реках.

Я поставил в каждом городе представителя религии и благочестивых людей для научения мусульман Корану и для объяснения главных оснований веры на основании комментариев ученых и священного предания.

Я повелел заведующему вакуфами (садр) и гражданскому судье доносить мне о всех делах, касающихся веры. Кроме этого, я назначил еще начальника правосудия, который доносил мне о распрях, возникавших между солдатами и между остальными моими подданными.

Когда я обнаружил мои постановления касательно религии, когда я восстановил в городах ислама закон и когда верующие знатные и простые убедились в моем усердии к истинной вере, то мусульманские ученые издали в честь меня следующее объявление «В каждом веке Всемогущий воздвигал защитника и распространителя религии посланника Магомета. В этом VIII веке Тимур, родившись под счастливым созвездием, герой мира, должен считаться восстановителем веры».

Глава ученых, Мир-Саид-Шериф написал мне, что так я трудился на пользу распространения ислама в областях мира, то я имею право на титул распространителя веры.

Вот содержание его письма:

«Боже! Будь помощником, поддерживающим религию Магомета, и оставь тех, которые покидают ее.

Восемь веков протекло со времени бегства величайшего посланника до наших дней и в каждом веке всевышний и всесвятой Бог воздвигал защитника и распространителя веры своего возлюбленного пророка, чтобы восстановить и укрепить святые истины. Хвала Всевышнему! Он же в этом восьмом веке возложил эту обязанность на эмира Тимура, героя мира, который заставил государства и города принять истинную

веру.

Известно от древних богословов, что в первом веке гиджры покровитель веры был Омар Абдул-Азиз. В то время она была подрываема проклятиями и ругательствами, которые сыпались от схизматиков против Али с кафедр мечетей. Омар положил конец этому отвратительному обычаю.

Народ ислама был добычей распрей и неурядиц. Одна партия проклинала законных халифов, тогда как другая злословила Али, главе верующих, Аббасса и Хусаина. Обе раздраженных партии готовы были дойти до битвы; Омар Абдул-Азиз удержал их и сделался опорой религии.

Во втором веке религия имела защитником Мамуна Справедливого. Этот халиф, осудив семьдесят два ложных вероучительных положения, заставил признать другие, согласные с преданиями и истинной верой. Он вызвал из Хорасана Алия, сына Мусы-Джафара (мир праху его), сделал его своим наследником и заставил согласиться взять в руки бразды правления.

В третьем веке принял веру под свое покровительство Аббасид Моктадир-Биллях. Караматы, под начальством Абутаира, овладели священным городом Меккой, и тридцать тысяч пилигримов, славных мучеников, были зарезаны на горе Арафа. Черный камень был вырван из стен Каабы; наконец, в разоренных мусульманских провинциях царствовали убийство и грабеж. Казалось, что религия готова была совершенно исчезнуть, когда появился Моктадир-Биллях. Он повел армию против разбойников, Рассеял их и восстановил религию. Азадаулет-Дилеми был защитником верующих в четвертом веке. Пороки и злоба Мотила Ахтидлаха, из рода Аббасса, притеснения его придворных и сообщников вредили истинной вере; разврат распространился повсюду; безбожие шло с поднятой головой. Азадаулет низверг этого халифа и заменил его сыном своим Тали Билляха.

Азадаулет вознамерился восстановить славу религии и исполнить это славное намерение, уничтожая новшества, противные религии, и прекратить испорченность нравов, преступления, несправедливость и притеснения.

Пятый век прославился рождением султана Санджара, сына султана Малик-Шаха. Он был современником Ахмеда-Джами и Хакима-Сенаи. Он сделался их учеником. В то время еретики и невежды нанесли сильный

удар исламу. Султан Санджар обнаружил живейшее старание истребить их. Ревностно преданный религии пророка, он не совершил ни одного поступка, несогласного с законом Магомета.

В шестом веке завоевания неверных в Туркестане пошатнули ислам, но Бог воздвиг Хасан-хана и поставил его во главе ста тысяч турок, которые в долине Лар исповедали веру перед досточтимым Ибрагимом-Хамави и были приняты в число верных после произнесения слов: «Нет бога, кроме Бога, и Магомет - Его посланник». Заручившись их помощью, он стер с лица земли неверие и ересь; тотчас вера распространилась в городах и областях.

Седьмой век был ознаменован усердием к вере султана Альджайту, сына Аргун-хана, прозванного Мухамед-Худабаид. Как только этот султан наследовал престол брата, он узнал (таков был тогда упадок веры), что в общественных молитвах после исповедания веры забывали молиться Всевышнему о пророке и его потомках. Он сам отправился в мечеть, где собрал богословов и спросил их мнения о необходимости молитв за Магомета и его потомство. Они отвечали единогласно, что эта молитва установлена самим Богом.

Некоторые присовокупили даже, что имам Шафи признал недействительным общественное моление без молитвы за пророка и за его потомство; другие приводили в пример имама Азама, который находил гнусным общественное моление без тех же молитв.

Альджайту спросил у них, почему, молясь за других лиц, кроме Магомета, они не упоминают об их потомстве, тогда как при молитвах за этого последнего из пророков должно упоминать и потомство этого последнего. Не получив на это ответа, он сказал: «Можно, мне кажется, объяснить подобную разницу двояко. Во-первых, враги Магомета, назвав его в насмешку Абтаром, т.е. беспотомственным, были наказаны Богом в свою очередь пресечением потомства. Если некоторые из потомков их и остались, то на долю им выпала полнейшая неизвестность, потомки же Магомета размножились так, что только Бог может их исчислить. Потому призывают и на них благословение Божие в молитве после благословения в честь пророка.

Вот вторая причина этого обычая. Учение и религиозные постановления других пророков подвергались изменению и уничтожению; их постановления не предназначались к вечному существованию, тогда как религия Магомета будет существовать без изменения до окончания веков.

Вот почему верные потомки пророка в своих молитвах после хвалы Богу должны упоминать и пророка и потомство его, чтобы все признали их покровителями религии Магомета и толкователями священной книги и хранителями закона пророка, наследниками его учения и учения посланников Бога. Пусть у них учатся познанию религии и обязанностей ислама и пусть каждый из нас считает своим долгом повиноваться им и почитать их.

Как только султан закончил свою речь, мусульмане, собравшиеся в мечети, произнесли молитву за Магомета и за его потомство.

Альджайту продолжал: «Гнок, как Али, был первым из рода пророка и так как Магомет Махади, пришествия которого ожидают все верующие, должен быть последним, то наша обязанность - не проявлять нашу власть в царстве Магомета без согласия его потомков, иначе мы будем поступать как тираны!»

Султану, говорившему так перед народом, ученые выражали полное одобрение. Затем он повелел указом, чтоб в память пророка и его потомков возносились молитвы каждую пятницу, и приказал чеканить монету с их именем.

Богословы обнародовали постановление, что султан Альджайту есть распространитель божественного закона.

В восьмом веке эмир Тимур распространяет веру в городах и между народами. Он почитает и уважает потомков пророка и богословов. С согласия первых он пользуется верховною властью в царстве Магомета».

Получив от Мир-Сеид-Шерифа это письмо, я возблагодарил Всевышнего. Я молил нашего пророка о помощи в утверждении религии и закона.

Подлинник этого письма я послал моему духовному руководителю (пиру), который написал на полях следующее: «Эмир Тимур, герой века, должен знать то, что особенную милость и неоценимый дар составляет поручение ему Богом восстановления религии. Пусть он увеличивает свою верность и свои добрые Дела, дабы и Бог умножил Свои милости к нему».

После того как я получил это письмо от моего духовного Руководителя, я старался относиться с почетом и уважением к потомкам пророка и богословам. Я заботился о распространении ислама и приказал копию с письма поместить в моих летописях.

По восстановлении религии и божественного закона я издал для

гражданского управления моего государства законы и постановления, которые способствовали укреплению моего могущества. Вот образец этих постановлений:

1) Я основал мою власть на исламе, законе «превосходнейшего из тварей», на любви к его потомкам и сподвижникам и на почитании, какое должно воздавать имени пророка. Мои приказания и правила имели такую силу, что я не имел себе соперника в управлении.

2) Я держал свой народ и своих солдат между страхом и надеждою. Полный внимания и осторожности к своим врагам и друзьям, я держался мудрой политики переносить терпеливо их речи и поступки. В числе лиц, искавших у меня убежища, те, которые были расположены ко мне, получали от меня столь хороший прием, что их привязанность ко мне увеличивалась, а мои недруги оставались настолько довольны моею снисходительностью, что скоро в их сердцах ненависть уступала место дружбе. Тот, кто имел право на мое расположение, был убежден, что это расположение не изменится, и я никогда не отстранял от себя подданного, которого когда-либо позвал к себе. Добрые или злые, которые при заре моего счастья укрылись у меня, все те, которые оказали мне услуги, как и те, которые вредили мне, были поражены благодеяниями, когда я был возведен на трон. Я почитал ничтожным то зло, которое мне было причинено, и я провел пером забвения по записям дурных поступков, которые были мне оказаны.

3) Я никогда не поддавался мстительности. Я предоставлял своих врагов правосудию Повелителя Вселенной. Я удерживал при себе доблестных, деятельных и испытанных воинов. В моем обществе были приняты знатные, потомки пророка, ученые и богословы, но злых изменников и трусов я исключал из своего сообщества.

4) Открытое лицо, милосердие и доброта доставляли мне любовь народа Божия; я, друг правосудия, приходил в ужас от притеснений и жестокости.

Мой духовный советник (пир) написал мне тогда: «Тимур, - да хранит его Бог, - должен помнить, что управление государством есть не что иное, как подобие управления Всевышнего. В этом управлении есть агенты, сотрудники, депутаты и стражи: каждый из них имеет свое ведомство и границы, которых никогда не переступает, и он соблюдает божественные законы.

Следи беспрестанно за своими эмирами, агентами, слугами и начальниками, подчиненными тебе, чтобы каждый, не выходя из

границ своей власти, был всегда готов к повиновению. Назначай для каждого класса народа справедливые границы, чтобы правда и разум господствовали в твоём государстве.

Если ты пренебрежешь порядком в своих делах и между твоими подданными, то возмущение и крамола не замедлят появиться. Ты должен каждому лицу и каждой вещи указать границы и место, какие они должны занять.

Возвеличивай потомков нашего поклонника над всеми прочими подданными. Воздавай им величайшее почтение, не считай расточительностью щедроты, которые ты им окажешь; тот не расточителен, кто даёт во имя Бога. Твои подданные, разделённые на двенадцать классов, будут украшением и поддержкой твоего государства. Прощай».

Как только я получил от моего духовного советника это письмо, я поспешил исполнить всё, что оно содержало; я водворил порядок в государственных делах; постановления и законы послужили управлению моего владычества, придали ему новое русло и укрепили его, разделив моих подданных на двенадцать классов.

Постановления

Величие и основа моего государства опирались на эти двенадцать классов; я их считал, как двенадцать знаков Зодиака и двенадцать месяцев моего правления.

ПЕРВЫЙ КЛАСС

Потомки пророка, ученые, начальники общин и законоведы были допущены в мое общество; моя дверь была всегда открыта для них; они составляли славу и украшение моего двора. Часто я советовался с ними о вопросах, касавшихся религиозного порядка, управления и наук; от них я узнавал, что дозволено законом и что запрещено.

ВТОРОЙ КЛАСС

Люди интеллигентные, способные дать совет, и те, которые обладали твердостью и мудростью, и старцы, которым годы дали предусмотрительность, пользовались полным моим доверием; я обращался с ними, как с равными, потому что, делаясь со мной своим опытом, они доставляли мне большие преимущества.

ТРЕТИЙ КЛАСС

Я уважал людей благочестивых; тайно я прибегал к помощи их молитв;

и тогда как они нуждались в моих благодеяниях, я обращался за помощью их благословения; в моих советах и совещаниях, в мирное время и на войне их пожелания всегда были полезны для меня, в день сражения они доставляли мне победу. Так было в то время, когда армия колебалась перед войском Тохтамыша, которое было многочисленнее моего. Мир Сиеддин, родившийся в Сабдуаре, пустынный, которого молитвы были угодны Богу, обнажил голову, простер руки для молитвы и не успел он еще кончить молитву, как мы увидели поразительные последствия ее.

Также, когда одна особа из моего гарема опасно заболела, двенадцать потомков пророка, исключительным занятием которых были молитвы, собрались, каждый из них даровал больной по году своей жизни - больная поправилась и прожила еще двенадцать лет.

ЧЕТВЕРТЫЙ КЛАСС

Эмиры, шейхи, офицеры занимали место в моем совете; я повышал их по степеням и беседовал с ними дружески.

Храбрые, которым несколько раз приходилось обнажать саблю в сражениях, были моими друзьями; я предлагал им вопросы, касающиеся войны; я расспрашивал их об атаках во время действия и об отступлении во время опасности; я спрашивал у них о средствах, как прорывать неприятельские ряды, чтобы производить смущение в рядах, чтобы завязывать стычки. Вполне доверяя их проницательности, я всегда прибегал к их советам.

ПЯТЫЙ КЛАСС

Войско и народ были одинаково дороги мне. Храбрейшим воинам я давал палатку, перевязи, бандулыры и колчаны. С неменьшею щедростью я обращался с гражданскими и военными правителями областей и царств. Дары, которыми я их осыпал, не оставались потерянными. Армия всегда была наготове и получала содержание даже раньше требований. Так во время войны с Румом я выдал войскам содержание за семь лет, как за прошлое время, так - и вперед. Я стал хорошо удерживать в порядке войско и народ, так что они не могли ни вредить, ни стеснять друг друга.

Я старался удержать всех солдат на их местах, и ни один из них не смел выходить из границ, ему указанных; я остерегался как чрезмерно возвышать, так и унижать кого-либо чрезмерно. Те лица, которые мне оказывали выдающиеся услуги, получали приличное вознаграждение. Если простой солдат выказывал благоразумность и неустрашимость, то

я всегда соразмерял повышение его с его талантами и заслугами.

ШЕСТОЙ КЛАСС

Из людей, которых мудрость и скромность делали достойными входить в обсуждение и в управление государством, я избирал известное число советников, которым я сообщал свои самые тайные дела и самые сокровенные мысли.

СЕДЬМОЙ КЛАСС

Визири и секретари были украшением дивана (совета). Они были зеркалами моей империи; они передавали мне все события, происходившие внутри областей среди солдат и народа.

Забываясь о сохранении моих богатств, о безопасности солдат и моих подданных, они предпринимали всё необходимое: они могли предупредить своим благоразумием и умели исправлять бедствия, которые могли обрушиться на мое государство. Экономно расходуя государственную казну, они старались поддержать население и земледелие.

ВОСЬМОЙ КЛАСС

Я призвал к себе врачей, астрологов и геометров, потому что эти люди способствуют славе и благосостоянию государства. Пользуясь помощью искусных врачей, я возвращал здоровье больным; астрологи научили меня распознавать счастливые и несчастливые сочетания звезд в их движении на небе. Геометры (или архитекторы) составляли для меня планы великолепных зданий и чертили для меня сады, которые я рассадил.

ДЕВЯТЫЙ КЛАСС

Я призывал к себе историков, авторов летописей и хроник. От них я узнал жизнь пророков и святых людей, они рассказывали мне историю государей мира и объясняли мне причины их возвышения и причины падения их счастья. Поведение, речи и поступки этих государей были для меня неисчерпаемым источником опыта. От них я узнал историю протекших веков и о переменах, совершившихся на земле.

ДЕСЯТЫЙ КЛАСС

Я собирал старцев, дервишей и людей, сведущих в науке о Боге. Я сходил с ними; они открывали мне счастье будущей жизни и сообщали мне божественные слова. Эти люди совершали при мне удивительные вещи, даже чудеса; сношение с ними было для меня столь полезно, сколь и приятно.

ОДИННАДЦАТЫЙ КЛАСС

Я привлекал в мой дворец и лагерь мастеров всякого рода, чтоб держать в порядке оружие для армии, в мирное и в военное время.

ДВЕНАДЦАТЫЙ КЛАСС

Я протягивал руку помощи путешественникам всех областей и всех государств, чтоб иметь известия о чужеземных царствах, я посылал во все страны купцов и начальников караванов; я приказывал им привозить мне самые редкие вещи, которые можно встретить в Хотане, Китае, Индостане, городах Египта, Травин, Сирии, Рума и даже на острове Франков. Я хотел, чтобы они сообщали мне о положении, нравах и обычаях туземцев и колонистов этих стран, особенно же об отношениях иностранных государей к их подданным.

Правила для орд и колен тюркских, арабских и для всех иностранцев,
которые укрывались у меня

Я повелел, чтобы потомкам посланника и богословам воздалось почтение, невзирая на их национальность и на звания, чтобы их просьбы никогда не были отвергаемы и чтобы заботились об их пропитании. В мои войска принимались те из новых подданных, которые прежде носили оружие, и я назначил им приличное их положению жалованье. Людей, упражнявшихся в искусствах, я принимал к себе на службу. Те из бедных людей простого звания, которые занимались какими-нибудь ремеслами, записывались на своему занятию и колену. Каждый купец, потерявший свое состояние, получал такую сумму, которая доставляла ему возможность восстановить потерянный капитал. Когда крестьяне и земледельцы не имели необходимых земледельческих орудий, то им выдавали таковые. Всех чувствовавших призвание к военной службе записывали в мои войска, невзирая ни на их колено, ни на их рост.

Сын солдата, храбрость которого была признана, к какой бы нации он ни принадлежал, получал жалованье и повышался в службе по заслугам.

Люди всех стран, которые являлись в мой дворец, были также допускаемы к столу моей ханской щедрости. На кого падали мои взоры, с тем обращались с отличием, какого заслуживало его положение. Каждый виновный, представший пред моим правосудием, в первый раз получал помилование, но провинившийся во второй или в третий раз подвергался наказанию соразмерно его проступку.

Постановление для расширения моего могущества

Двенадцать принципов, от которых я никогда не уклонялся, возвели меня на трон, а опыт доказал мне, что правитель, пренебрегающий ими, не может извлечь никакой выгоды и; своего величия.

1) Действия и слова лица повелевающего должны вполне принадлежать ему, т.е. народ и войско должны быть уверены, что всё, что ни делает и ни говорит государь, он делает и говорит от себя и что никто не руководит им.

Существенно необходимо, чтоб монарх, следуя советам и примеру другого, не посадил его рядом с собою на трон; вынужденный принимать от всех хорошие предложения, монарх не должен подпадать под их влияние до такой степени, чтоб они могли считать себя равными ему и, наконец, быть выше его в деле управления.

2) Неизбежно необходимо для монарха соблюдать во всём справедливость; он должен избрать визиря (первого министра) неподкупного и добродетельного, потому что правосудный визирь сумеет исправить несправедливости, совершенные правителем-тираном; но если визирь - сам притеснитель, то здание могущества не замедлит обрушиться. Вот доказательство этого: Эмир Хусаин имел визиря, который наказывал по своему капризу народ, солдат. Несправедливости этого нечестивца скоро опрокинули фортуна его государя.

3) Приказания и запрещения требуют твердости. Нужно самому отдавать приказания из боязни, чтоб их не скрыли или чтобы их не исказили.

4) Повелитель должен быть непоколебим в своих решениях; во всех предприятиях ревность его должна быть одинакова и пусть его рука не опускается до тех пор, пока он не добьется успеха.

5) Какие бы ни были приказания монархов, должно, чтобы последовало исполнение их; ни один подданный не должен быть настолько могущественным или смелым, чтобы остановить их исполнение, если бы даже казалось, что эти приказания должны были иметь прискорбные последствия. Мне рассказывали, что султан Махмуд Газневийский приказал поставить посреди равнины Газны камень; так как лошади пугались этого камня, то султану доложили, что следовало бы убрать этот камень. Но султан отвечал: «Так как я приказал

(положить его на то место), то и не отменю своего приказа».

6) Безопасность требует, чтобы правители не полагались на других в государственных делах и не вверяли бразды власти в руки посторонние, потому что свет подобен красавице, у которой масса поклонников, и потому нужно бояться, чтоб слишком могущественный подданный, увлеченный желанием управлять, не посадил бы самого себя на трон.

Таково было поведение эмиров Махмуда. Прогнав своего повелителя, они завладели государством. Необходимо поэтому разделить управление делами между несколькими, достойными доверия людьми; тогда каждый из них, занятый известной работой, не будет стремиться к высшей власти.

7) Пусть монарх не пренебрегает ничьими советами; те из них, которые он примет, должны быть запечатлены в его сердце, чтобы пользоваться ими в случае надобности.

8) В делах правления, в делах, касающихся армии и народа, государь не должен руководствоваться поведением и речами кого бы то ни было. Если министры и генералы говорят хорошо или дурно о ком-нибудь, то они заслуживают, чтобы их выслушали; но поступать необходимо с большой осмотрительностью до тех пор, пока не убедишься в истине.

9) Уважение к власти повелителя должно быть так крепко впечатлено в сердцах его солдат и подданных, чтобы ни один из них не имел смелости ослушаться его или возбуждать против него бунт.

10) Чтобы все, что повелитель ни делает, делал он сам чтобы он был непоколебим в приказах раз отданных; ибо твердость в приказах составляет самую большую силу для монархов: для них это - сокровище, армия, народ и целое поколение принцев.

11) В управлении, при обнародовании приказов, монарх должен остерегаться признать кого-нибудь сотоварищем и он не должен принимать к себе товарища при управлении.

12) Другая, не менее важная и полезная предосторожность для монарха: это узнать тех, которые окружают его, и быть постоянно настороже в отношении их. Часто встречаются люди злонамеренные, которые разглашают всё. Их главная забота - передавать визирям и эмирам все слова и действия государя. Это я испытал, когда большая часть моего дивана состояла из шпионов, подкупленных моими визирями и эмирами.

Правила для формирования армии

В каждой роте из десяти отборных воинов избирался один, соединявший в себе мудрость и храбрость, и, после согласия девяти других, он был утверждаем начальником под именем унбаши (начальник десяти, десятник).

Из десяти унбашей также избирался достойнейший по уму и деятельности, он становился начальником своих сотоварищей и имел название юзбаши (т.е. начальник сотни, сотник). Десять юзбашей шели начальником мирзу, опытного, искусного в военном деле и известного своею храбростью. Этого начальника называли минбаши (или тысяцкий, начальник тысячи).

Унбаши пользовались правом замещать солдат, которые бежали или умерли, таким же образом юзбаши назначали унбашей, а минбаши в свою очередь выбирали юзбашей. Тем не менее я требовал, чтобы мне докладывали о смерти и дезертирстве людей и о замещении их.

В военной и гражданской службе минбаши, или начальники тысяч, пользовались полною властью над юзбашами, или сотниками, а начальники сотен - над десятниками, или унбашами, последние же - над солдатами. Эти офицеры имели право наказывать непослушных, выгонять со службы всех тех, которые небрежно исполняли свои обязанности: они должны были замещать их.

Правила о жалованье армии, офицерам и солдатам

Вот в каком размере я приказал раздавать жалованье минбашам, юзбашам и унбашам.

Жалованье простого солдата, храброго и деятельного, равнялось стоимости его лошади; оклад отборного воина простирался от стоимости двух до стоимости четырех лошадей.

Унбаши (десятник) получал в десять раз более простого солдата.

Жалованье юзбаши (сотник) было двойным окладом против жалованья унбаши, а минбаши (тысяцкий) получал тройной оклад жалованья юзбаши.

Каждый военный, провинившийся по службе, терял десятую часть жалованья. Унбаши имел право получить жалованье только до свидетельства от юзбаши; юзбаши должен был представить удостоверение от минбаши, который дня себя получал такое же

свидетельство от главнокомандующего моей армии (эмир Аль-Отра). Жалованье главнокомандующего в десять раз превосходило жалованье простого офицера. Начальник дивана и визири получали десять офицерских окладов. Жалованье различных орд калькачи и есаула могло простираться от стоимости 1000 до стоимости 10000 лошадей. Я старался раздавать земли, награды, пенсии на пропитание потомков пророка, законоведов, ученых, врачей, астрологов и историков моего двора по их заслугам. Жалованье пехотинцам, слугам и людям, которые занимались размещением палаток, простиралось от стоимости ста до тысячи лошадей.

Главнокомандующий мог получать жалованье только по удостоверению визиря и начальника дивана. Эти два министра представляли мне расписки жалованья, и они же сводили счета. Каждый солдат, чтобы получить свое жалованье, имел особый лист, на котором записывал, по мере выдачи, суммы, которые получал.

Правила раздачи жалованья войскам

Я приказал, чтобы пехотинцы, стражи и привратники получали жалованье ежегодно, чтобы в сроки платежа им выдавалось их жалованье в здании совета.

Чтобы жалованье прочих чинов армии, равно как и жалованье храбрецов, выдавалось по полугодию и чтобы они все получали ассигновку в казначействе, являясь лично.

Наконец, чтобы жалованье унбашам (десятьникам) производилось из податей с городов и областей; чтобы минбашам давалось полномочие на получение доходов с внутренних земель и чтобы офицеры и главнокомандующий получали доходы с земель, лежащих на границах.

Раздел доходов с областей

Доход с областей и государств разделялся на несколько неравных частей. Каждый эмир и каждый минбаша брал одну часть по жребию - и если сумма, полученная таким образом, превышала жалованье, то делили, если же она была меньше жалованья, то получавший ее брал на свою долю еще одну часть. Эмирам и минбашам было строго запрещено увеличивать установленные подати, когда собирали государственные доходы.

Каждая область, обложенная податью, имела двух заведующих. Один из них наблюдал за областью и защищал жителей от притеснений и грабежа со стороны лица, пользующегося доходами от нее; он же вел и точный счет всему, что доставлялось областью.

Другой заведующий вел записи издержек, раздавал следующие солдатам части. Каждый служащий, которому отданы были доходы с какой-нибудь области, пользовался ими в продолжение трех лет, после чего производилась ревизия, и, если область была в цветущем состоянии и жители не заявляли претензий, всё оставалось без изменения; в противном же случае доходы отбирались от правителя на три года.

Страх и угрозы можно с успехом пускать в дело при собирании податей, но не следует прибегать к ударам и розгам. Правитель, авторитет которого слабее кнута и розог, не достоин своего звания.

Содержание моих детей и потомков

Я постановил, чтобы мой старший сын и наследник Магомет Джегангир располагал содержанием 12-ти тысяч всадников и доходами с одной области.

Мой 2-й сын Омар-Шейх получал содержание 10-ти тысяч всадников и доходы с одной области.

Мой 3-й сын Миран-Шах пользовался жалованьем 9-ти тысяч всадников и имел наместничество.

Шах-Рах, мой 4-й сын, получал сумму, равную жалованью 7-ми тысяч всадников, и доходы с одной области (как и предыдущие).

Моим внукам я давал содержание от 3-х до 7-ми тысяч всадников с наместничествами.

Что касается моих родственников, я разделил между ними достоинство и власть, начиная от эмира 1-й степени до эмира 7-й как следовало по их достоинству и положению.

Каждому была присвоена известная власть, за превышение которой он подвергался строжайшему взысканию.

О наказаниях моих сыновей, родственников, эмиров и визирей

Если кто-нибудь из моих сыновей дерзал посягнуть верховную власть, я не отдавал приказа о лишении его жизни или изувечении, но

довольствовался содержанием его в тюрьме до тех пор, пока он не отказывался от своих притязаний. Этим устранялась гражданская война в царстве Бога. Если мой внук или другой родственник восставал против меня, то я лишал их почестей и всего состояния.

Начальники - опора государства. Если в момент действия они забывали исполнить должное, я лишал их власти и почестей. Если они предпринимали что-либо, могущее произвести замешательство в государстве, я смещал их на низшие должности. В случае небрежности к своей службе, они смещались на должности писцов, если же и здесь они выказывали полнейшую беззаботность и непослушание, то их выгоняли со службы безвозвратно.

Постановления для министров - лиц служащих твердо и верных столпов величия

Если какой-нибудь министр окажется изменником или задумает ниспровергнуть высшую власть, даже и тогда не следует слишком поспешно произносить ему смертный приговор. Собрав самые полные справки об обвинителях, нужно еще проверить справедливость самих обвинений. Потому что нередко случается, что злые люди и завистники, побуждаемые своими дурными наклонностями, искусно придадут лжи вид истины. Встречаются низкие изменники, которые подстрекают врагов против власти и пускают в ход всевозможные ухищрения, чтобы погубить верных слуг. Часто силою своих происков они подрывают спокойствие государства.

Таким образом Эмир-Хоссеин в сообществе с одним из моих визирей, которого он подкупил, подговорил его восстановить меня против Эмира Ику Тимура и Эмира Джаку, самых надежных моих помощников. Я узнал о его замыслах и не поверил его доносу.

Аббас, один из преданнейших мне эмиров, возбудил зависть моих придворных, которые говорили на него явно и тайно. Их клеветы разожгли во мне гнев и, не разобрав дела, я предал смерти невинного, но время обнаружило мне вероломство обвинителей, и я мучился раскаянием и жестокими угрызениями совести.

Если министр, в ведении которого состоит государственная казна, провинится в присвоении ее, ему следует оставить похищенную сумму, если она не превышает его жалованья; если она вдвое больше, то у министра нужно отнять его доходы, если же она втрое больше

жалованья, то следует конфисковать имущество провинившегося. Я старался не высказывать никакого пристрастия к лицам, из боязни, что, обнаружив его, я мог дать им повод сделаться недостойным уважения, и я соблюдал строжайшую справедливость, чтобы избежать злоупотреблений, могущих послужить в ущерб государству.

Речи людей злых, завидующих визирям, не заслуживают ни малейшего внимания; у этих сановников вообще много врагов, завидующих им, потому что светские люди ищут благ мира, ели только министр покровительствует подобным людям, то он неизбежно делается их жертвой; если же он отталкивает их они делаются его непримиримыми противниками.

Визирь Жарагой-Хана был обвинен завистниками в утайке нескольких тысяч золотых монет. Султан, прочитавший это обвинение, позвал визиря и сказал ему с упреком: «Какой же ты низкий! Министр такого султана, как я, ты крадешь такую ничтожную сумму!» Восхищенный подобным благоволением умный визирь отдал хану всё, что имел, и таким образом сохранил свой пост и имущество.

Если простой солдат, нарушая свои обязанности, позволит себе поднять руку на слабого, пусть он будет отдан своей жертве, чтобы испытать такое же обращение, какое он позволял себе относительно нее.

Вельможа, который дурно обращался с народом, должен заплатить штраф сообразно с важностью преступления. Одинаково строго будет наказан правитель, которого признают за взяточника.

Я советую однако, что всякий, признанный виновным, должен подвергнуться или ударам кнута или штрафу; два наказания зараз не должны быть допускаемы. Каждый вор, кто бы его не открыл, должен подвергнуться наказанию по закону Чингисхан; который носит название «Ясса». Захваченные богатства будут отняты и возвращены их настоящему владельцу.

Что касается других преступлений, как-то: выбивания зубов, ослепления, отрезывания носа или ушей, пьянства и разврата, то провинившиеся должны предстать перед диваном, перед духовными и гражданскими судьями. Первые будут решать уголовные, а вторые должны вести процессы, касающиеся гражданского ведомства, для представления их мне.

Качества, которые должен иметь визирь или министр

Я требовал от визиря 4-х необходимых качеств: 1) благородство мыслей и возвышенность души; 2) тонкий и проницательный ум; 3) опыт и привычку жить с солдатом и гражданином; 4) терпимость и способность примирить. Человек, одаренный этими качествами, заслуживает быть участником в правлении: он будет хорошим министром и мудрым советником. Ему можно вверить бразды правления, начальство над войском и власть над народом. Ему же нужно предоставить доверие, уважение, свободу действий и достаточную власть.

В полном смысле министр есть тот, который умеет водворить порядок как в управлении, так и в финансовых делах, и соединяет в себе умеренность и доброту. В таком же смысле визирем можно назвать того, кто в исполнении своих обязанностей и во всех делах, касающихся правления государственными и денежными делами, ведет себя с ровной добротой, неподкупностью и умеренностью, кто сам требует только должное и дает то, что подобает ему давать. Его приказания и запрещения выказывают благородство и величие души и его чувств. Чуждый преступления и насилия он не иначе произносит имя воина или гражданина, как с целью сказать о нем одно доброе и хорошее. Злословие и клевета одинаково чужды его ушей и его языка. Если до него дойдет о злоумышленном преступлении, то ловким поведением он сумеет заставить зачинщика навсегда отказаться от его замыслов. Наконец, добротой к собственным врагам достигает того, что они переходят на его сторону и отдают ему свою дружбу и уважение. Министр, который злословит сам или выслушивает дурное о других, возбуждает распри, стремится разорить честного человека для удовлетворения своей ненависти, недостойн занимать свой пост. Злые, изменники, завистники и мстительные люди должны быть старательно исключаемы из министерства: их участие в управлении делами поведет за собою только разрушение могущества государства. Сельджукид Мелик-Шах представляет тому поразительное доказательство. Он имел визирем Низама Алмулька, замечательного даровитого человека: но султан лишил милостей этого незаменимого помощника, чтобы возвысить на его место человека злого и низкого. Дурное ведение дел, пороки и низость нового визиря подорвали в корне могущество империи. Из Абассидов халиф Матасем Биллах

подвергся той же участи. Он имел неосторожность взять визиря, по имени Алкуми, человека, отличавшегося своим вероломным и мстительным характером. Недостойный визирь, у которого в душе таилась старая злоба против государя, обманул его коварными своими речами. Холоку-хан, честолюбие которого он возбудил, восстал против халифа, взял его в плен, и известно, что впоследствии случилось с этим доверчивым государем.

Визирь должен быть одарен высшими качествами, которые отличают людей хорошего происхождения; он должен быть Добродетельным, осторожным и милосердным. Благородные душой не отступают от долга, тогда как нельзя доверяться людям дурного происхождения. Вполне заслуживает почестей тот министр, который на своем высоком посту действует мудро и неподкупно, который счастливо ведет все отрасли правления, не отклоняясь ни от религии, ни от чести. Как только визирь без всякой разборчивости начнет пускаться в дурные средства, так начнет падать могущество державы.

Мудрый министр соединяет снисходительность с твердостью; он умеет держаться середины; излишек кротости может сделать его жертвой интриганов и честолюбцев; избыток же строгости может лишить его навсегда общественной любви. Своим добрым поведением и разумом такой истинный министр восстанавливает и поддерживает порядок при дворе и в государстве. Терпеливый и снисходительный, он умеряет строгость добротой. На обладающего всеми этими качествами следует смотреть, как на сотрудника в управлении, потому что богатство и сила государя заключается в его землях, казне и войске. И только разумный министр может поддержать и сохранить все эти владения. Хоть бы министр и соединял в себе все вышеупомянутые необходимые качества, надобно еще, чтобы он не помнил всех упреков, которые могут быть ему адресованы, т.е. не был злопамятен. Если сердце его открыто для мести и вероломства, то можно ожидать неприятных последствий, можно опасаться тайных сношений с врагами государства, разорения армии и расхищения финансов.

Мудрый министр одной рукой управляет войском, другой, сдерживает народ (на эти два пункта направлены все его заботы все старания). Он дает и берет кстати. Искренность и правосудие управляют его поступками. Он предвидит исход каждого дела; и в своих делах забывает о врагах. Деятельный и опытный, он имеет всегда в виду население государства, счастье народа, усиление армии и изобилие богатств.

Занятый постоянно мыслью о том, что может способствовать благоденствию государства, он не щадит своей жизни и личного благосостояния, чтоб только отвратить зло, грозящее государству. Он оберегает интересы граждан и солдат и приводит в порядок всё, что их касается. Таков был Низам Алмульк. Польза, которую он принес, искупила все ошибки, сделанные им, и, когда он хотел предпринять путешествие в Мекку, один дервиш помешал ему, сказав: «Добро, которое ты творишь в правлении Мелик-шаха, и счастье, которым наслаждаются служители Бога, искупают неисполнение тобою этого религиозного обычая».

Я слышал рассказ, что Али, сын Лакоти, визирь Гаруна-Аль-Рашида, после долгого служения благу народному, хотел удалиться от министерства. Один из высших духовных лиц написал ему по этому поводу следующее: «Долг обязывает тебя остаться при дворе халифа, потому что помощь и преимущества, которыми пользуются в твоё правление слуги Всевышнего, превышают все остальные твои дела». Однажды спросили у великого пророка: «Если бы Бог не возложил на вас миссии и дар пророчества, какое бы занятие вы избрали?» «Служение монархам, для того, чтобы быть полезным созданием Всемогущего», - отвечал пророк. Руководствуясь этим соображением, я принял поручение визиря и главнокомандующего Элиаса Хаджи, сына Туглук-Тимура, хана Джагатая.

Целью моей жизни я поставил благо народное, и за заслуги Бог возвел меня на трон.

Министр, который своей политикой или при помощи оружия Удерживает в своей власти царство, заслуживает уважения, почестей и звания «кавалера шпаги и пера». Ловкий и разумный министр есть тот, который, руководствуясь своими соображениями, умеет воодушевить и соединить войска, или посеять в них раздор, подходящими действиями он умеет также завоевать симпатии неприятельских войск и привлечь их на свою сторону; полный внимания к интересам государя, доверием которого он пользуется, разумный министр с помощью своего ума, мудрости и прозорливости в состоянии всегда одолеть все преграды, устранить все препятствия и затруднения, могущие помешать успеху государя.

Когда я был захвачен в плен Али-Беком-Чун-Гарбани и брошен в тюрьму, переполненную гадами, один из моих министров, по имени Азис-Эддин, явился ко мне на помощь. Он усыпил Али-Бека, а тем

временем я призвал всё свое мужество и вспомоществуемый вооруженной силой, взял с бою мою свободу. Низам Алмульк освободил таким же образом султана Мелик-шаха из оков цезаря.

Министр, портрет которого я старался нарисовать, вполне заслуживает быть товарищем в управлении государством; почести, ему оказываемые, соответствуют его заслугам; на его речи смело можно положиться, ибо всё, что он говорит, внушено ему мудростью.

Такой министр, даже и при монархе-притеснителе, может исправить все несправедливости; если же министр сам разбойник, то он поможет государству впасть в неустройство (беспорядок).

Правила производства в офицеры и в начальники

Я приказал, чтобы триста тринадцать человек, избранных из среды самых верных слуг, были назначены для начальствования; я требовал, чтобы эти новые эмиры обладали знатностью происхождения, соединенною с благородством души, умом, хитростью и смелостью, храбростью и осторожностью, решимостью и предусмотрительностью, бдительностью, настойчивостью и глубокой обдуманностью. Каждый офицер имел одного лейтенанта или преемника. В случае смерти какого-нибудь офицера его заменял преемник, который назывался кандидатом на начальствование.

Эти триста тринадцать эмиров были исполнены здравого суждения и равномерно одарены всеми талантами, необходимыми как на войне, так и в мирное время. Опыт научил меня, что для того, чтобы быть способным к исполнению обязанностей мира или командующего, необходимо знать тайны военного искусства и средства разбивать неприятельские колонны, не терять присутствия духа в момент действия, не останавливаться ни пред какими трудностями, быть всегда в состоянии направлять движение своих войск и, в случае какого-либо беспорядка, уметь тотчас же предотвратить его.

Тот, кто во время мира или войны мог исполнить обязанности моего наместника, был также способен стать и главнокомандующим моими войсками; он сумел бы командовать с твердостью и достоинством и строго наказывать всякого, кто бы осмелился его не послушаться.

Я приказал, чтобы из среды офицеров или эмиров, о которых я только что говорил, было избрано: четверо в командиры 1-го ранга и еще один, чтобы служить мне главнокомандующим чтобы этот последний в

течение войны и во время дела (битвы) имел право командовать как офицерами, так и простыми солдатами; когда же я сам становился во главе своих войск - то чтобы он исполнял при мне обязанности лейтенанта.

Я допустил к командованию еще 12 талантливых человек пользовавшихся хорошей репутацией.

Я вверил 1000 всадников первому эмиру и назначил его офицером этого отряда; 2000 второму, предоставив ему над ним ту же власть; в таком же порядке 3-й, 4-й и 5-й эмир; командовали тремя, четырьмя и пятью тысячами, и так до 12-го который и был поставлен во главе 12 000 всадников; и все это эмиры были лейтенантами друг друга. Первый был лейтенантом второго, второй - третьего и т.д. до 12-го, который был главнокомандующим; и этот последний был моим лейтенантом; таким образом, в случае крайности жизни он исполнял обязанности своего старшего начальника.

Из среды этих трехсот тринадцати офицеров я назначил сто десятников (унбаши), сто сотников (юзбаши) и сто тысяцких (минбаши).

Все офицеры были подчинены главнокомандующему и строго несли каждый свою обязанность, не обременяя ею другого, потому что то, что в состоянии исполнить один унбаши, не требует забот со стороны юзбаши. Точно так же будет лишним юзбаши, если минбаши в состоянии исполнить порученное ему.

Каждый офицер, желавший (получить) иметь занятие, получал его.

Правила для повышения солдат от самого низшего до самого высшего ранга

Те из избранных воинов, которые отличатся на войне необыкновенною храбростью, могут возвыситься до ранга унбаши; при вторичном отличии они должны получить звание юзбаши, и наконец - минбаши. Я не желаю, чтобы были награждаемы проявления храбрости, когда они вызваны только стремлением избежать неприятельского оружия, потому что это не превосходит самозащиты быка, противопоставляющего свои рога нападению, а необходимо обращать внимание на благородство и возвышенность чувства, руководящего солдатом в деле. Если минбаши с оружием в руках опрокинет неприятельский отряд, то его можно повысить до звания 1-го эмира; 1-й эмир, который обратит в

бегство неприятельскую армию, может быть возведен в ранг 2-го эмира и так могут повышаться все офицеры, блестящим образом отличившиеся на поле битвы. Простому солдату в награду за оказанную храбрость можно увеличить жалованье. Солдат, бежавший с поля битвы, должен быть лишен участия в разделе добычи, но его можно извинить и даже простить ему, если он вынужден был к тому превосходством неприятеля. Тот, кто возвратится с поля битвы покрытый ранами, должен быть окружен почетом; если раны и заставили его удалиться с поля битвы, то всё-таки следует осыпать его похвалами, так как эти раны доказывают, что если не сам он нападал на неприятеля, то во всяком случае неприятель был близко к нему. Мною было строго запрещено лишать солдат должной награды. Поседевшие на военной службе не теряли ни жалованья, ни чина; их служба не была забываема, потому что тот, кто посвящает долгую жизнь, которою мог бы наслаждаться, всем случайностям войны, достоин награды; он имеет право требовать богатств и отличий. Умалчивать о заслугах, отказывать ему в награде было бы возмутительной несправедливостью.

Я стремился к тому, чтобы каждый офицер, министр или солдат, который своими трудами способствовал упрочению моего величия, выигрывая ли сражения, присоединяя ли царства или выказывая свою храбрость, всегда получал удовлетворение, которого вправе был ожидать ценою своих заслуг. Старые воины были глубоко почитаемы, речи их выслушивались, потому что всё, что они ни говорили, было основано на опыте; они составляли славу моего государства, и дети их наследовали должности, которые были ими занимаемы.

Я запрещал предавать смерти пленных, предоставлял им право для выбора; вступить ко мне на службу или получить свободу. Так я даровал свободу 4000 турок.

Если неприятельский солдат по окончании битвы, по исполнении законов соли по отношению к господину, искал у меня убежища по необходимости или по доброй воле, то его принимал с почетом; ему следовало оказывать большое внимание, так как он был верен своему государю и долгу.

Таким образом я отнесся к Шир Беграму. В битве, которую я дал эмиру Хоссейну, Беграм двинулся против меня и оказал чудеса храбрости. Но впоследствии он был принужден прибегнуть к моему покровительству и встретил у меня почетный прием.

Во время завоевания Балка эмир Мангхали Буга предводительствовал неприятельской армией; пред битвой я сделал ему некоторые предложения, чтобы привлечь его на свою сторону; но, неизменно преданный Туглук-Тимур-хану, он выстроил свои войска и дал мне кровопролитное сражение, в котором был разбит наголову. Впоследствии он добровольно преклонил предо мною колени: я вскоре дал ему блестящий пост, и своими благодеяниями успел потушить в нем все чувства мести, ибо я не пропускал никакого случая, чтобы оказать ему свою благосклонность и свое великодушие. Мангхали Буга был храбрый воин, он это доказал блестящим образом, когда пришлось сражаться за меня, и оказал мне неоценимые услуги в войне за Азербайджан (Мидию), когда мои войска дрогнули перед Кара-Юсуфом. Вдруг Буга берет голову неприятельского офицера, надевает ее на копье, уверяя, что это голова Кара-Юсуфа. Тогда в войске распространяется слух, что этот генерал убит. Это известие воодушевляет моих беглецов, они атакуют неприятеля с фланга и обращают врагов в бегство. Я всецело приписал свою победу над Кара-Юсуфом находчивому Буге, которого я возвел в высшую должность.

Приемы поощрения эмиров, визирей, солдат и граждан щедротами и почестями

Я установил три рода наград для эмира, который покорит царство или разобьет неприятельскую армию; ему присваивались: почетный титул, значок с хвостом лошади (бунчук) и литавры. Он получал титул «храбреца», считался моим сотрудником и соучастником власти. Я допускал его в свой совет и, наконец, вручал ему управление пограничной провинцией числом офицеров, достаточным для того, чтоб составить его свиту. Эмир, который одерживал победу над войском какого-нибудь принца, сына принца или же хана, получал такую же награду. Таким образом, когда эмир Ику-Тимур, который был мною послан против Оруз-хана, возвратился победителем, я сделал его начальником 10 000 человек, вручил ему бунчук, знамя и литавры, признал его соучастником в моих успехах, сделал его своим министром и советником. Я назначил его правителем пограничной области с надлежащим числом эмиров в свиту. Завистники стали наговаривать на этого эмира: они обвинили его в

том, что он разорил область Оруз-хана и присвоил себе ее богатства. Эти наговоры возбудили во мне равнодушие к Ику-Тимуру. Но история Бехрама Джубина, которая была мне небезызвестна, послужила мне достаточным опытом. Вот эта история: Хакан, во главе с 300000 турок, жаждущих крови, выступил против Хормуза, сына Нуширвана. Этот молодой принц выслал против врагов Бехрама Джубина, прежнего визиря, советника и главнокомандующего армией своего отца. Он дал ему 320000 персон, и Джубин вступил в сражение, длившееся три дня и три ночи. Хакан был разбит. Победитель известил о том тотчас же Хормуза и повергнул к его стопам всю захваченную добычу.

Клеветники и завистники, найдя средство заставить выслушать обвинения в совете Хормуза, осмелились произнести следующее: «Бехрам Джубин оставил себе большую часть богатства Хакана. Он скрыл осыпанные драгоценными камнями корону и шпагу и украшенные бриллиантами туфли». Подстрекаемый духом жадности, Хормуз забывает все заслуги Бехрама. Слепая легковёрность побуждает его обвинить своего генерала в измене; он посылает Джубину женское покрывало, ожерелье и цепь. Бехрам надевает ожерелье на шею, цепь на ноги, покрывается фатой, призывает начальников, офицеров и солдат и в таком виде открывает публичную аудиенцию. При виде этого армия, возмущенная негодованием, изрыгает проклятия своему государю, а солдаты отрекаются от верности Хормузу.

Воодушевляемые своим генералом, они подступают к городу Мадаину, где находился дворец монарха, низвергают его с персидского трона и возводят Хорзу-Первиза.

Помня этот пример, я остерегался возбудить нарекания армии, я призвал Ику-Тимура, сел на трон и велел впустить толпу; затем вся добыча от орды Оруз-хана была разложена посреди собрания; я сам разделил ее между Ику-Тимуром, храбрецами и воинами, которые служили под его начальством.

Эмир, который выкажет свою храбрость в деле, который разобьет неприятельский батальон, заслуживает повышения.

В одном сражении против хана Тохтамыша, Табин Бегадер успел приблизиться к знаменосцу этого хана и опрокинуть знамя, но этот подвиг стоил ему многих ран; злые и завистники старались потемнить этот подвиг, но справедливость не допустила меня закрыть глаза. Я сделал предводителем храброго Табина и к прочим почестям присоединил военный значок.

Если десятник, сотник или тысяцкий успеет обратить в бегство неприятельский отряд, то первый из них может быть сделан начальником какого-нибудь города, а 2-й - начальником области. Юзбаши Берлас Бехадер осмелился напасть на Тохтамышша во время войны, которую я вел с этим ханом. В награду за то, что он разбил неприятельскую армию, я назначил его правителем области Хиссар-Шадамана.

Минбаши, который одержит верх в сражении, должен получить титул князя провинции. Так, во время завоевания Кетуэра, черная шайка, которая восторжествовала над Берангмана, была разбита Магомет Азадом; в награду за этот подвиг я дал ему княжества Кандоз и Кулаб. Каждый эмир, который завоеует целое государство у врагов, может им пользоваться 3 года в виде награды.

Храбрец, который отличится каким-либо подвигом, должен получить высший чин; ему следует дать военный молот, вышитую палатку, перевязь, шпагу, лошадь. Его следует сделать десятником, пока второй и третий подвиги не возвысят его до чина сотника и тысяцкого.

Правила раздачи литавр и знамен

Я желаю, чтобы каждый из 12-ти эмиров имел литавру и знамя. Но главнокомандующий кроме этого должен иметь два почетных знака. Минбаши получает знамя и трубу, а юзбаши и унбаши - литавры. Эмиры различных орд должны иметь отличительные знаки, а каждому беглербеку дается знамя, литавры и другие почетные знаки. Эмиры, завоевавшие область или разбившие наголову армию, будут возведены в высшие чины. Первый эмир будет возведен в ранг второго, второй в ранг третьего и так до двенадцатого, которому будут пожалованы знамя, значок и литавры. Один значок дается первому эмиру, два значка - второму и так до четвертого. Прибавляются литавры для поощрения эмиров к получению двух других почетных знаков.

Правила обмундирования и вооружения

Я установил, чтобы в военное время простые солдаты получали одну палатку на восемнадцать человек; каждый должен вести две лошади, он должен быть снабжен луком, колчаном, шпагой, пилой, шилом,

мешком, рогожною или нулевою иглою, топором, десятью иглами и кожаным ранцем.

Избранные же воины должны помещаться по пяти в одной палатке и каждый должен иметь каску, броню, шпагу, лук, колчан и количество лошадей, предписанное указом. Каждый унбаши помещается в отдельной палатке и вооружен кольчугой, шпагой, луком, колчаном; за ним должны следовать пять лошадей.

Юзбаша может вести за собой десять лошадей, иметь отдельную палатку, оружие, состоящее из шпаги, лука, колчана, палицы, булавы, кольчуги и брони.

Каждый минбаша может иметь кроме палатки тент и множество всевозможного оружия, как-то: кольчуг, касок, броней, копий, шпаг, колчанов и стрел.

Военный обоз первого министра должен состоять из палатки (юрты), двух тентов, вышитой палатки и множества оружия, соответственного его чину, для снабжения им других.

Второй, третий и т. д. эмиры до главнокомандующего должны иметь всё соответствующее их чину вооружение.

Первый эмир должен вести 110 лошадей, второй 120 лошадей, третий 130 лошадей и так до главнокомандующего, которому необходимо иметь не менее 300 лошадей. Пехотинец может вооружаться шпагой, луком и числом стрел по произволу, в момент же сражения ему необходимо только предписанное законом количество.

Постановления для лиц, являющихся на аудиенции и собрания в мирное и военное время

На аудиенции в мирное время солдаты и их начальники не должны являться в диван без шапок, без сапог, без калош, без халата (бешмета) и без шпаги. Двенадцать тысяч жандармов, вооруженных с ног до головы, должны находиться вокруг дворца, справа, слева, впереди и позади, так что каждую ночь 1000 чел. должны составлять патруль. Каждая рота, в составе 100 чел., находится под начальством юзбаша, дающего (пропуск) пароль.

Я рекомендую 12 эмирам, минбашам, юзбашам и унбашам брать во время походов 12 000 хорошо вооруженных всадников, чтобы назначать их в караул в продолжение дня и ночи. Эти 12 000 всадников следует разделить на четыре дивизии, разместив их со всех четырех

сторон вокруг лагеря, и каждая очередная смена должна стоять на страже в расстоянии полумили от лагеря.

Каждая дивизия должна выслать авангард, а из авангарда, в свою очередь, выставляется ведетта; все эти воины, соблюдая должные предосторожности, должны доставлять в лагерь все сведения. В каждую часть лагеря должен быть назначен великий профос, - лицо, несущее обязанности стражи и военной полиции; им присвоено наблюдение за продуктами, доставляемыми в лагерь купцами; они же отвечают за все кражи, которые могут быть совершены; четыре отряда чопекунчей должны оберегать лагерь на расстоянии 4 миль вокруг него. Если на этом пространстве совершится кража или убийство, то ответственность падает на объездных.

Треть моей армии должна заботиться об охране границ, две другие трети должны быть наготове для исполнения моих приказаний.

Служебные обязанности визирей

По моему велению совет всегда состоял из 4 визирей.

I. Визирь провинций и народа. Назначением этого визиря было сообщать мне о событиях и делах, происходящих в администрации, а также состоянии народа.

Он доставлял мне произведения провинций, подати и налоги, и соображения о распределении всей массы сборов; он же давал мне точный отчет о количестве населения, его культуре, о развитии торговли и положении полицейского надзора в государстве,

II. Военный визирь. Обязанности этого визиря состояли в представлении мне росписей войск и реестров жалованья, в знакомстве с расположением отрядов для предупреждения разбросанности и в сообщении совету обо всём, касающемся военного дела.

III Визирь путешествующих и покинутых имуществ. Этот министр охранял от расхищения имущества отсутствующих, умерших, дезертировавших; он же следил за пожертвованиями, а также и за налогами, которые уплачивались путешествующими. Он собирал налоги, установленные со стад, прудов и лугов. Это был верный страж всех поименованных статей государственного казначейства и наблюдал за передачей имущества умерших или отсутствующих лиц их законным наследникам.

IV. Визирь императорского двора.

Он наблюдал за доходами и расходами двора и всего того, что выдавалось из казначейства или расходовалось на содержание лошадей и др. вьючных животных. Я назначил трех визирей (интендантов) в пограничных областях и внутри государства для неусыпного надзора за охраной провинций и управлением государственными имуществами. Эти семь визирей или министров были подчинены начальнику дивана, и, обсудив с ними все дела, касавшиеся финансов, они доводили их до моего сведения. Я хотел также назначить чиновника, обязанностью которого было докладывать мне о состоянии моих войск и моего народа, приросте и уменьшении народонаселения и о всех трудных делах, которые не были еще приведены в исполнение. Обязанностью представителя духовной власти было - докладывать мне о состоянии пенсионеров, назначенных потомкам пророка, о жалованье другим духовным лицам, равно как и о распределении вкладов и других фондов, определенных на дела веры.

Духовный судья доносил мне о делах, касавшихся религии, а гражданский - о делах, относившихся к его ведомству. Я требовал, чтобы все государственные дела, все вопросы, которые касались перемен и нововведений, распределения войск и назначения эмиров и, наконец, все рассуждения, в которых дело шло о представлении каких-либо планов или порядка ведения какой-либо операции, рассматривались в частном совете. Я установил, чтобы в этом совете присутствовал секретарь испытанной воздержанности, для ведения точных протоколов об этих тайных делах и их обсуждении. Я приказал назначить несколько секретарей аудиенций (или публичного совета), которые поочередно должны были присутствовать в диване; они тщательно записывали все дела и затруднения, разрешенные или просто только обсуждавшиеся. Они включали в историю событий моей жизни суждения, которые я произносил, и все то, что происходило в моем совете. В каждом департаменте управления состоял особый чиновник, который вел журнал прихода и расхода.

Постановления о назначении начальников (эмиров) улусов, кушунов и тюменей

Я предложил, чтобы эмир каждой орды и каждого тюменя брал с собою

в военное время по одному всаднику из каждой палатки, по одному из каждого дувала и, наконец, по одному человеку из каждого дома. Повсюду, где бы они ни останавливались, их должны были снабжать водой и фуражом для продовольствия. Начальники племени получали Иргу и Бирк. Они были обязаны выводить в поле число всадников, соответствовавшее силе их улуса или тюменя. Из среды 40 оймаков или начальников орд, которые признали мою власть, я желал (бы), чтобы 12 получили офицерскую тамгу для того, чтобы возвысить их на степень моих доверенных слуг. И я избрал начальников Берласа, Тархана, Аргуна, Салаира, Тулкачи, Дульди, Могула, Сельдуза, Туга, Капчака, Ерлата и Татарии.

В орде Берласа я поставил 4 главных офицеров. Эмира Кодадада, которому я отдал область Бадакшана; эмиры: Яку, Ику-Тимур и СолейманТНах получили в управление каждый пограничную область или провинцию. Сто лиц из орды Берласа были возведены в звание минбаши; наконец, Желаледдин Берлас был сделан десятым эмиром, а Абу-Сеид - девятым.

В орде Тархана я пожаловал Балзеда седьмым эмиром, а 20 воинов получили звание юзбанш.

В орде Аргуна Таш Хаджа я облек в достоинство восьмого эмира и выбрал 20 лиц из этой орды в минбаши, юзбаши и унбаши.

В орде Салаира Тук Тимур и Шир-Байрам мною назначены восьмым и девятым эмирами и 20 лиц назначены унбашиами и юзбашиами.

В орде Тулкачи звание эмира было оставлено за Алжету-Берди.

В орде Дульди то же звание дано Табан-Бехадеру и Сам-Бехадеру.

Тимур-Хаджи-Аглан был эмиром в орде Могула.

Илчи-Бехадер - в орде Сельдуза, Али-Дервиш - в орде Туга.

Эмир Сар Буга в орде Капчака.

В орде Ерлата звание главного начальника было предоставлено эмиру Муvidу, который женился на моей сестре, а Солянчи-Бехадер сделан эмиром.

Это же звание получил Кунк Хан в Татарской орде.

28 прочих начальников орд, которые не получили тамги, были просто названы начальниками племен для того, чтобы в военное время или для отправления военной службы они явились в число воинов, предписанных приказами.

Правила, которыми должны руководствоваться в своих отношениях

начальник к подчиненному и подчиненный к начальнику

Хороший слуга должен знать, что его начальник вправе требовать от него то, что он сам требовал бы, имея слугу. Поэтому ему следует проявлять неутомимую деятельность на службе. Если его начальник, после выражения самого искреннего благоволения, делается к нему равнодушным, то он (подчиненный) должен обвинять в этом самого себя, а не начальника.

Добрый слуга привязывается и служит из расположения. Тот, кто не зная дружбы, питает в своем сердце только чувство ненависти, пожнет только несчастье, тогда как успехи и благосостояние преданного слуги будут возрастать со дня на день. Преданный слуга не оскорбляется выговорами или равнодушием своего господина, не питает злобы в своем сердце; он обвиняет самого себя в дурном обращении, которое переносит. Такой слуга заслуживает повышения.

Слуга корыстолюбивый будет ленив на работе.

Тот, кто забывает свой долг и повертывается спиной во время дела, не достоин внимания. Слуга, способный отделяться извинениями или просить (извинения) увольнения, когда предстоит сражение, который ищет средств скрыться и откладывает до другого дня дело, не терпящее отлагательства (таково было поведение Була и Тимур Аглана, покинувших меня в самый критический момент), - пусть имя такого слуги предается забвению, и пусть Всевышний его накажет.

Князья не должны лишать подданного власти, раз они его облекли таковою. Пусть они остерегаются низвергать того, кого возвысили. Человек, за которым раз признано достоинство и проницательность, не создан для того, чтобы быть презираемым. Если, по несчастью, такое оскорбление ему уже нанесено, т^о необходимо исправить это, возвысить оскорбленного на степень вдвое значительнее и предоставить себя его великодушию, потому что, если у него останется злоба и он задумает отомстить за себя - он не замедлит понести за это наказание. Но подчиненный который заботится сохранить место в сердце своего господина, не замедлит составить свое благосостояние.

Тот, кто после вынужденного или добровольного разрыва возвращается к своему начальнику, заслуживает внимания, так как он дает блестящее доказательство своего раскаяния, своей преданности. Если слуга неприятельской стороны, дав доказательства своей храбрости и верности, попадал в плен, если же, не надеясь на своих,

покидал их, чтобы просить моего покровительства, я возвышал его и обращался с ним, как с верным моим подданным.

Мангали Буга и Идер-Андухд с эмиром Абу-Сеидом ожидали меня во главе 6000 всадников и разбили меня на берегах реки Балх.

Впоследствии эти офицеры, не надеясь на своего князя, перешли на мою сторону; я принял их с отличием и осыпал почестями. Я дал им области Исад Шадаман, Андижан и Туркестан.

Если слуга, опасный для противной стороны во время действия, разрывает цепи дружбы по наущению врагов своего господина, если, забыв законы соли, власть и подчинение, он старается низвергнуть своего князя, - я строго запрещаю его принимать; судьба, куда бы он ни скрылся, воздаст ему наказание (смерть) за его неверность.

Подданный, который оставляет своего господина в опасности и ищет дружбы других, не заслуживает никакого доверия; однако, если многочисленные заслуги позволяют рассчитывать на его верность, то его услугами можно пользоваться во всякое время, кроме военного. Ему следует оказывать величайшее внимание.

Визирь или подданный, который в видах политики или с предвзятою целью поддерживает близкие отношения с врагами, который под прикрытием этой дружбы вернее действует на пользу своего господина, достоин стать наряду самых умных друзей или рабов. Но раб, который изменяет своему господину и продает его, должен считаться врагом.

Нужно остерегаться давать веру клевете, распространяемой против слуги, который поднимал оружие и выиграл сражение, или забывать добро, которое он сделал. Каждую услугу нужно ценить в десять раз больше, чем она стоит, и в интересах власти возвышать подобного раба, чтобы внушить другим такое же рвение и такое же усердие. Если целый полк или только начальник оставляет всё, чтоб передаться врагу, то ему не должно давать никакого места в армии. Так, когда начальники армии Кеша оставили меня, чтоб соединиться с Хаджи-Берласом, я не оказывал им больше никакого доверия.

Всякий начальник, который изменой предаёт вверенную ему область врагу, подлежит смерти, но тот, кто сохранит свою часть, должен быть осыпан наградами.

Офицер, верность которого непоколебима в минуту неудачи, среди всех случайностей, поистине достоин имени брата. Та я не забыл этого правила, видел дезертировавшими начальников армии Кеша. Исключая

эмира Яку-Берласа, никого не осталось возле меня, чтобы разделить мою участь. Я смотрел на верного берласа, как на брата и товарища по счастью; я дал ему звание главнокомандующего с управлением областями Хиссара и Балха.

Правила обращения с врагами и друзьями

После завоевания Турана, когда утвердился в Самарканде на вершине могущества, я не хотел делать более различия между своими врагами и своими друзьями. Эмиры Бадахшана, некоторые начальники племен тюркских и иноземных, которые тайно или с оружием в руках вредили мне, пришли в уныние, помня свое прежнее поведение, но отдавшись на мое произволение, они были смущены моим великодушием и благодеяниями. Я расточал милости и награды всем тем, которых я огорчил; путем почестей и чинов я старался их утешить.

Я предал проклятию эмиров Зельтуза и Зиттеха. Они возвели на трон Набул-Шаха, потомка Чингисхана, и присягнули ему не верность и преданность. При вести о моем возвращении эти изменники, поправ самые священные обязанности, зарезали несчастного хана в надежде на мое благоволение.

Завистник, являвшийся с намерением погубить меня, встречал с моей стороны столько знаков расположения, что, расстроенный моими щедротами, покрывался потом смущения.

Если друг испытанной верности искал у меня помощи, я не затруднялся помогать ему вещами и деньгами, потому что смотрел на него, как на товарища по счастью.

Опыт научил меня, что только тот испытанный друг, кто никогда не оскорбляется, кто считает своими врагами врагов своего друга и кто в случае надобности охотно жертвует своею жизнью. Такова преданность многих моих офицеров, за то и они не могли жаловаться на мою скупость.

Опыт убедил меня также, что благоразумные враги лучше безрассудных друзей. Эмир Хусейн, внук Джархана, принадлежал к числу этих последних. Того, что он сделал мне по дружбе, враг не сделал бы в припадке ненависти.

Эмир Кодадат говорил мне: «Береги твоего врага, как жемчужину или алмаз, но если ты найдешь камень, сотри его так, чтобы не осталось и признаков». Он же прибавил: «Когда враг сдается и просит твоего

покровительства, пощади его и оказывай ему благоволение». Поэтому-то я и милостиво принял Тохтамыша, который искал у меня убежища. Если враг, употребив во зло оказанную ему услугу, возобновляет неприязнь, пусть его судит Всевышний!

Истинный друг не злобствует на своего друга или по крайней мере охотно принимает его извинения.

Правила о порядке заседания в Совете

Я повелел, чтобы мои сыновья, мои внуки и мои родственники, смотря по чину, занимали места вокруг трона, как кольцо вокруг луны. Потомки пророка, судьи, ученые, теологи, старцы, вельможи и знать помещались направо.

Главнокомандующий, генералы (ханы), князья, начальники, эмиры десяти тысячных и меньших общин, минбаши, узбаши и унбаши, соблюдая старшинство, садились налево.

Председателю Совета и визирям места - против трона; вельможи и начальники областей образовывали второй ряд, позади их.

Избранные воины, получившие титул храбрых, и другие храбрые бойцы должны были садиться позади трона направо; начальники лёгкой кавалерии занимали второе место налево.

Я приказал, чтобы полковник авангарда помещался против трона; начальники над приставами занимали пост у входа в палату трона; наконец, лица, ищущие правосудия, могли размещаться и налево. Простые солдаты и придворные слуги, раз поставленные на место, не смели выходить из рядов.

Четыре церемониймейстера, стоявшие еаправо и налево, позади и впереди трона, наблюдали за порядком собрания. Когда все присутствующие были на своих местах, приказывал подавать народу тысячу блюд различных кушаний и тысячу хлебов. В моем частном Совете подавалась также тысяча блюд из которых пятьсот я отсылал эмирам орд и полковникам, назначая их каждому поименно.

Постановления, которыми нужно руководствоваться при завоевании государств

Когда государство становится добычей тирании, насилий и жестокостей, тогда долг каждого государя, верного законам

правосудия, употребить все усилия для искоренения этих бичей, вторгаясь в страну. Всевышний сам вырвет такое государство из рук притеснителя и подчинит его этому государю. Такая-то любовь к правосудию внушила мне мысль освободить Трансоксанию от грабежей узбеков.

Если в каком-нибудь государстве замечается упадок веры, пренебрежение к чудным делам Всевышнего или оскорбление Его избранных слуг, тогда государь-завоеватель обязан вторгнуться в это государство для восстановления там веры и закона Магомета. Он твердо может рассчитывать на помощь Пророка.

Таким образом я отнял столицу Индостана, Дели, у султана Махмуда (внука Фарце-Шаха), Малухана и Саренки. Я восстановил во всей силе веру и закон. „Наконец, я уничтожил все языческие капища, воздвигнутые в стране. Если правитель или интендант злоупотребляет своей властью во вверенной ему стране и доводит жителей ее до крайнего исступления, то всякий воинственный государь может завоевать эту страну. При приближении такого освободителя все пути ему будут открыты. Таким способом я отнял Хорассан у государей из династии Карт. Лишь только причины моего похода и виды на столицу этой провинции сделались известны, как Гаязеддин сдал мне ее со всеми богатствами, которые были в его распоряжении.

Каждое государство, в котором безверие и ереси пустили глубокие корни и разделили народ и войско на многочисленные секты, легко может быть завоевано. Победоносный монарх не должен пренебрегать случаем в него вторгнуться. Это-то меня и побудило освободить Ирак-Аджеми и Фарсистан от презренных еретиков, которые разъедали народ этой страны. Предводители остальных партий, осмелившиеся поднять со всех сторон власти, были уничтожены, и я сохранил истинных служителей бога.

Если в стране народ исповедует веру, различную с верой потомков Пророка (князя посланников), Божья благодать да почиет на нем; (правоверный) монарх должен завоевать эту страну, чтобы вывести народ из его заблуждения. Итак, когда я вступил в Сирию, то строго наказал тех, которые следовали ложному учению.

В начале своих завоеваний я усвоил себе четыре правила, которых я строго придерживался.

1) В своих экспедициях я действовал осторожно, предварительно всё зрело обдумав.

2) Чтобы не запутаться в своих предприятиях, я был чрезвычайно внимателен, осмотрителен и осторожен, и помощь Всевышнего содействовала успеху всех моих дел. Я тонко изучал характер и настроение различных народностей; затем я сообразовал свою деятельность с этим знанием и давал каждой из них правителя, который бы вполне ей соответствовал.

3) Я приблизил к себе триста тринадцать храбрецов знатного рода, испытанной смелости и благоразумия. Они были так тесно связаны между собою, что составляли как бы одно лицо и никогда не расходились в своих планах, своих мнениях и своих действиях. Когда они говорили: «мы приведем в исполнение этот план», то они его исполняли и никогда не оставляли они предприятия, прежде чем не довести его до конца.

4) Я не откладывал сегодняшнего дела до завтра, умел употребить к стати кротость, строгость, медленность и поспешность и не прибегал к оружию в деле, которое требовало только политики. Искусство завоевывать государства было для меня шахматной игрой, в которой я упражнялся в течение дня с людьми просвещенными; ночью же, в тени моего кабинета, даже в постели, я обдумывал дела и средства для приведения их в исполнение. Я тщательно обсуждал про себя путь, ведущий к победам, пути нападения и отступления. Я обдумывал свое поведение относительно солдат: как я обойдусь с одним, какие приказания дам другому.

Постоянно опасаясь заблуждений, я не упустил из виду ни одного дела, обращался ласково и великодушно с теми офицерами, усердие которых было мне известно, и ловко обходил тех, которые мне выказывали неприязнь. Я считал неблагодарным того, кто платил мне злом за добро, следуя изречению Пророка: «Человек, рожденный от незаконной любви, умрет, не причинив вреда своему благодетелю».

Мой духовник писал мне: «Ты должен согласоваться с повелениями Бога и Его Пророка и помогать возвеличению Магомета в грядущем. Изгони из монархии Всевышнего тех государей, которые, пользуясь благодеяниями Творца, восстают против Него и Его Пророка.

Пусть правосудие царит в твоём правлении, так как по преданию неверные могут сохранять власть, но она никогда не остается долго в руках тиранов.

Долг обязывает тебя искоренить гнусные обычаи, вкравшиеся в царство Всевышнего. Дурные поступки оказывают такое же влияние на

народ, как дурная пища на тело. Поэтому старайся дотла искоренить неправосудие. Не ставь в заслугу тиранам продолжительного благосостояния, которым они нередко пользуются на земле. Пойми причину продолжительного счастья злых и притеснителей. Необходимо, чтобы все злодеяния и преступления, которые в своем сердце задумали эти люди, совершились, дабы негодование и гнев Божий разразился над виновными; настанет день, когда Всевышний обратит свое могущество на этих варваров, этих злодеев, этих безбожников, поражая их оковами, заключением, отчаянием, голодом, всеобщим поветрием и внезапною смертью. Настанет время, когда невинные, добрые и справедливые, преданные казням злодеями, будут причислены к лику жертв, ибо огонь, который загорается на болоте, пожирает одинаково и сухие, и свежие травы. Не удивляйся при виде счастья и возвышения неверных, безбожных и злых, остерегайся впасть в ошибку, говоря: «Злодеи нагромождают преступление на преступление, а счастье увеличивается вместе с их злодеяниями». Надобно понять причину этого преуспеяния; вот она: «Обращая взоры на своего истинного благодетеля, они могли бы отказаться от своих преступных привычек и постигнуть всю обширность своего долга. Но пренебрегая уплатой Всевышнему Богу дани признательности, относясь равнодушно к служению Ему, забывая все милости, которыми Бог и Пророк Его осыпали их, эти неблагодарные кончат тем, что сделаются предметом негодования и гнева Верховного Владыки». Письмо моего духовника побудило меня вырвать царство Бога из рук разбойников, неверных, мятежников, еретиков и злодеев. Я тотчас же начал серьезно заботиться об их изгнании и уничтожении.

Постановления для управления государством

В государстве, вновь подчиненном моей власти, я оказывал почет тем, которые были того достойны; я обращался с величайшим уважением и почтением с потомками Пророка, учителям! закона, учеными и старцами, я назначал им жалованье, пенсии вельможи этой страны становились как бы моими братьями, а сироты и бедные - моими детьми. Армия покоренной страны входила в состав моей армии, и я старался привлечь любовь народа. Тем не менее я держал всегда своих подданных между страхом и надеждой. С добрыми, к какой бы национальности они ни принадлежали, я обходился с добротой, но

злые и изменники изгонялись из моего государства. Я удерживал людей трусливых и низких в положении, которое им соответствовала, не допуская их возвышения за известные границы. Я расточал почести и отличия вельможам и знати. Врата справедливости были открыты во всех подвластных мне странах, в то же время: я заботился, чтобы все пути к грабежу и разбою были закрыты

Правитель покоренной провинции оставался при своей должности; осыпая его благодеяниями, я мог вполне рассчитывать на его верность и преданность. Но непокорный не замедлял попадаться в свои собственные сети. Тогда я его замещал правителем умным, справедливым и деятельным. Я приказал, наказывать по закону «Ясса» (закону Чингисхана) разбойников и грабителей больших дорог и изгонять из моих владений бунтовщиков и изменников.

Я не желал, чтобы шуты были терпимы в провинциях. Я назначил в городах и городских кварталах профоса, который должен был заботиться о безопасности народа и солдат. Все кражи, совершенные в его участке, лежали на его ответственности.

На больших дорогах была расставлена стража, чтобы делать разъезды и обезопасить сообщения. Путешественники и купцы имели право требовать, чтобы их вещи и богатства были конвоированы этой стражей, которая отвечала за каждую пропавшую вещь

Строго воспрещалось судьям наказывать граждан по обвинениям и наветам людей подозрительных и неблагонамеренных. Но по убеждению, основанному на четырех показаниях, на виновного налагался штраф, соразмерный с его преступлением

Не позволялось взимать ни подушного сбора, ни пошлины в городах и предместьях. Ни один солдат не имел права занять постоем дома частного лица или присвоить себе стадо и имущество гражданина.

Во всех делах, касавшихся народа какой-либо провинции, правителям было приказано строго держаться в пределах справедливости. Для уничтожения нищенства я основал приюты, где бедные получали содержание.

Постановления для поддержания сношений и получения сведений о состоянии государств, областей, народа и армии

Я желал, чтобы на всякой границе, во всякой провинции, в каждом городе и при армии был корреспондент. Его обязанностью было

уведомлять Двор о действиях и поведении правителей, народа и солдат, о положении моих войск, моих соседей, он представлял точный очерк о вывозе и ввозе товаров и произведений, о прибытии и отъезде иностранцев и караванов всех стран. Этот корреспондент при помощи своих сношений знал все действия ханов, имел сведения о всех мудрецах и ученых, которые, хотя бы из самых отдаленных стран, были расположены перейти ко мне на службу. От таких докладов я требовал самой строгой правдивости. Если он уклонялся от истины и не давал точного отчета о событиях, ему отсекали пальцы. Если в своих отчетах он пропускал какой-нибудь похвальный поступок солдата или представлял его в ложном свете, ему отрубали руку; наконец, если он по вражде или злобе делал ложный донос, его подвергали смерти. Я настоятельно требовал, чтобы эти известия были мне представляемы ежедневно, еженедельно и ежемесячно.

Я содержал отряд до 1000 всадников на верблюдах, другой отряд в 1000 человек легкой кавалерии и 1000 легко вооруженных пехотинцев для исследования состояния пограничных областей и для разоблачения замыслов соседних князей. По возвращении своем они мне сообщали подробности открытий, и я мог принять меры против всяких случайностей.

С помощью этих всадников и пехотинцев я узнал о поражении Тохтамыша Оруз-ханом. Побежденный обратился ко мне, и я приготовился помочь Тохтамышу и объявил войну победителю. Когда я задумал завоевать Индостан, они меня известили, что в каждой области этого государства правители и коменданты отложились от верховной власти и объявили себя независимыми, Саранк, брат Малу-хана, поднял знамя независимости в местности Мултана; султан Махмуд последовал его примеру в Дели; Малу-хан организовал армию в Лагоре; Мобарек-хан изъявил притязаний на верховную власть в государстве Канудж, так что во всём Индостане не было ни одной провинции, в которой верховная власть не была бы захвачена каким-нибудь частным лицом.

Из всех этих данных я заключил, что можно было легко завладеть этой страной, но армия не разделяла моего мнения, и я был еще занят походом в Индию, как меня известили, что Баязед вторгся в мои владения и что (грузины), перешедши за свои границы, подали помощь некоторым крепостям, которые были осаждаемы моими войсками. Я понял, что беспорядки в Иране увеличатся, если мое пребывание в

Индии продолжится. Поэтому я привел в порядок дела этой страны и поспешно прибыл в Трансоксанию, где и оставался несколько дней. Затем направил свой путь на Анатолию и (Грузию) и овладел этими государствами.

Правила обращения с туземцами и колонистами каждой области.
Постановления для содержания гробниц святых и поборников веры.
Пожертвования на богоугодные заведения

Я повелел, чтобы воины вновь покоренной страны были приняты на мою службу, как только признают мою власть; чтобы народ и туземцы этой страны были пощажены от всех тех бедствий, добычей которых делаются обыкновенно побежденные; чтобы их имущество и богатство не предавались грабежу и расхищению и чтобы взятая с них добыча была им возвращена. Я требовал, чтобы оказывали величайшее почтение потомкам Пророка, богословам, старцам, ученым, великим и знатым; чтобы начальники орд, отцы семейств и земледельцы были ограждены от насилий.

Подданные находились между страхом и надеждой, а виновные наказывались сообразно их проступкам.

Я отдал приказ, чтобы сеиды, доктора, старцы, ученые, дервиши и все монахи, которые избирали для своего жительства мои владения, получали пенсии и жалованье; чтобы бедные или люди, не имеющие средств к существованию, получали пропитание и, наконец, чтобы профессора и начальники коллегий получали определенное содержание. Я жертвовал суммы на содержание гробниц и рак для мощей святых и духовных глав. Их снабжали коврами, освещением и съестными припасами (для хранителей и пилигримов). Я предназначил подземельные участки Бакхав и Джилех на содержание первой из гробниц, гробницы главы правоверных, избранного из людей, Али, сына Абуталеба (да исполнит Господь его славы). Я назначил деревни и окрестности Кербалы, Багдада и других округов для гробницы имама Хоссейна (да почиет он в мире), гробницы досточтимого Абдул Кадера, образца святости, наконец, для могилы имама Абу Ханифы (да благословит его Бог) и для могил других святых и знаменитых светил веры, покоящихся в Багдаде; пожертвованные суммы распределялись пропорционально заслугам святого.

Земли Жазаир и доходы с других городов были посвящены на

содержание гробниц: имама Муса-Касима, имама Магомет-Наки и Солимана-Фарси.

Земли Кутех-Баст и окрестности Туса служили для содержания гробницы имама Али, сына Мусы. Я предложил, чтобы они были снабжаемы коврами, освещением и ежедневным количеством съестных припасов. Я сделал подобные пожертвования и на гробницы каждого святого в Иране и Туране. Я повелел собирать нищих во всякой вновь покоренной стране и выдавать им каждодневно порцию пищи; их отмечали особыми знаками, чтобы отнять у них возможность продолжать нищенствовать. Если кто-либо из этих отмеченных (пансионеров) принимался за прежнее ремесло, его продавали в дальние страны или изгоняли, чтобы искоренить нищенство в моих владениях.

Постановление для сбора доходов и контрибуций с народа; порядок и благоустройство государства; культура и народонаселение; безопасность и полиция в провинциях

При сборе податей нужно остерегаться обременять народ податями или опустошать провинции, потому что разорение народа ведет за собой обеднение государственной казны, а несостоятельность казны имеет следствием рассеяние военных сил, что в свою очередь ведет к ослаблению власти.

Когда я завоевывал какую-нибудь область или она сдавалась мне на капитуляцию, что избавляло ее от губительных последствий войны, то приказывал собрать сведения о доходах и производительности этой области.

Если народ желал оставить прежний порядок управления, то согласовывались с его желанием, в противном же случае подати собирались по установленным мною правилам. Подати определялись производительностью земель и, соответственно, установленными оценками. Например, если земледелец имел земли, орошаемые постоянными арыками, водопроводами или потоками, лишь бы только эти воды текли непрерывно, то доход с этих земель делился на три части, причем 2/3 оставались владельцу, а 1/3 взималась сборщиком. Если подданный желал платить деньгами, то часть сбора оценивалась по текущим ценам, а солдаты получали жалованье сообразно со стоимостью съестных припасов. Если же и подобное определение не нравилось подданным, то взимались произведения с трех десятин

отдельно. С первой собиралось 3 меры, со второй - 2 меры, а с третьей - 1 мера. Половина засеивалась хлебом, а другая - ячменем, и взималась половина всего урожая. Если подданный отказывался платить натурой, то оценили меру хлеба в пять серебряных мискалей, а меру ячменя - в 2,5 мискаля. На него налагалась обязанность. Но сверх этого с народа не дозволялось ничего требовать под каким бы то ни было предлогом. Что касается прочих произведений почвы в течение осени, весны, зимы и лета и местностей, которые орошали только дождем, то они делились на две части, с которых взимала треть или четверть.

Налоги на траву, фрукты и другие сельские продукты, так же, как на хозяйственные принадлежности, резервуары, пастбища и другие ценные земельные угодья, оставались без изменения если же подданный был не доволен, то избирался другой порядок, Строго воспрещалось брать подати раньше уборки хлеба, и уплата производилась в три определенных срока. Если подданные платили охотно, то дело обходилось без сборщика; если же в таковом являлась надобность, то он должен был действовать словом и влиянием для сбора государственной подати, но никогда не должен был прибегать к палке, веревкам, кнуту или цепям; вообще он не имел права прибегать к жестоким мерам против личности должника.

Земледелец, который разработал и оросил невозделанную землю, сделал на ней насаждения или сделал годными дл: посева заброшенные земли, освобождался от податей первый год второй год он мог внести столько, сколько ему заблагорассудится; в третий же год он подчинялся общему постановлению о налогах. Если богатый землевладелец или человек могущественный притеснял бедного или причинял ему какой-нибудь убыток, то притеснитель отвечал за это своим имуществом, вознаграждая угнетенного.

Что касалось земель заброшенных и никому не принадлежащих, то я предложил серьезно заботиться о том, чтобы их возделывали. Если же земля оставалась без обработки по причин бедности ее владельца, то ему давались необходимые земледельческие орудия. Я приказывал расчищать засоренные арыки, исправлять и строить мосты на реках и воздвигать караван-сарай на расстоянии одного дня пути. При караван-сараях находились смотрители и дорожная стража. Они заботились о безопасности путешественников и отвечали за произведенные у них кражи. В каждом городе я приказал построить мечеть, общественную школу, богадельню для бедных и убогих и больницу, при которой

находился врач. Я требовал, чтобы в городах строились также - здания городской думы и судебной палаты; я учредил особую стражу для народа за засеянными полями и за безопасностью граждан. В каждую область я назначил трех министров. Первый был для народа. Он вел точный и верный счет податям, уплачиваемым подданными, донося мне о сумме их с объяснением, по какому праву и под каким наименованием они были взимаемы. Второй был для солдат. Он вел счет сумм, им уплаченных, и тех, которые им еще следовало получить. Третий наблюдал за собственностью отсутствующих и странствующих, над полями, покинутыми на волю ветра. С согласия судьбы и представителя духовной власти в руки этого визиря переходили имущества сумасшедших, неизвестных наследников и преступников, лишенных прав законом. Имущества умерших переходили к законным наследникам; если же законных не оказывалось, эти имущества обращались на богоугодные заведения или же отсылались в Мекку.

Постановления относительно ведения войны, производства атак и отступлений, порядка в битвах и при поражении войск

Если численность неприятельской армии не превышает 12 000 всадников, то войну может вести главнокомандующий с 12 000 воинов, набранных из орд и племен, с соответственным числом минбашей, узбашей и унбашей.

Приблизившись к неприятелю на расстояние одного дня, он должен мне дать о себе известие.

Я приказал разделить эти 12000 всадников на 9 дивизий следующим образом: главный отряд - одна дивизия. Правое крыло - три дивизии. Левое крыло - три дивизии. Авангард - одна дивизия и его прикрытие - другая дивизия. Правое крыло должно состоять из авангарда и правой и левой дивизий. Левое крыло точно так же имеет свой авангард и свои две дивизии.

При выборе места для битвы предводитель должен иметь в виду четыре условия:

- 1) Близость воды.
- 2) Удобство размещения всего войска.
- 3) Выгоду положения, при котором можно было бы иметь в виду всё неприятельское войско. Особенно надобно избегать, чтобы солнце не светило прямо в лицо и чтобы оно не ослепляло солдат.

4) Поле битвы должно быть обширно и ровно. Накануне битвы предводитель должен построить свои ряды по намеченному плану; раз построенное в боевой порядок войско Должно продвигаться вперед, не поворачивая лошадей ни в какую сторону и не уклоняясь ни вправо, ни влево. Как только воины увидят неприятеля, они должны издать боевой клик: «Велик Бог!»

Если главный инспектор армии заметит, что предводитель войск не исполняет своих обязанностей, он может заменить его другим, сообщив офицерам и солдатам данное ему мною полномочие.

Предводитель совместно с главным инспектором армии должен осведомиться о численности неприятеля, сравнить его оружие с вооружением своих солдат и его офицеров со своими, чтобы сообразить, в чем его силы слабее неприятельских, и пополнить недостатки. Внимательно следя за всеми движениями своих отрядов, он наблюдает, подвигаются ли они медленно и стройно или бегут в беспорядке. Он должен хорошо различать действия противников, нападают ли они всеми своими силами или же производят атаки отдельными отрядами. Главное искусство состоит в том, чтобы уловить момент, когда неприятель готовится к нападению или к отступлению, затевает ли он новый план атаки или же придерживается прежнего. В этом последнем случае солдаты должны выдержать стойко натиск, потому что храбрость есть не что иное, как терпение в момент опасности. Пока неприятель не начнет дела, не следует выступать ему навстречу, но лишь только он сделает шаг вперед, нужно направить соответственно движение всех своих девяти девший. В чем же заключается обязанность главнокомандующего? Руководить движениями своих отрядов и не теряться во время опасности. Он должен быть решителен в своих действиях, на каждую дивизию он должен смотреть, как на особый род оружия, как-то: стрелу, топор, палицу, кинжал, шпагу или саблю, которые он употребляет в действие, смотря по надобности. Начальник должен смотреть на себя так же, как и на свои девять эскадронов, как на атлета, который сражался всеми частями своего тела: ногой, рукой, головой, грудью и другими членами. Можно надеяться, что неприятель, подавленный этими последовательными натисками, будет наконец побежден.

Предводитель начнет тем, что двинет вперед главный авангард, поддерживаемый авангардом правого крыла, а затем и авангардом левого крыла, для произведения трех натисков. Если выдвинутые

войска будут поколеблены, то следует послать для подкрепления первую дивизию правого крыла, после нее вторую дивизию левого крыла. Если победа еще не верна, то следует отправить вторую дивизию правого крыла вместе с первой дивизией левого крыла и донести мне о ходе дела. Дождавшись прибытия моего знамени и возлагая все надежды на помощь Всевышнего, главнокомандующий сам вступит в схватку, считая себя самого как бы участвующим в деле; не подлежит сомнению, что с Божьей помощью девятая атака обратит в бегство неприятелей и доставит ему победу. Чрезвычайно важно, чтобы начальник не поддавался увлечению, чтобы он управлял всеми движениями своих войск; когда он вынужден лично принять участие в деле, то пусть делает это, не слишком рискуя собою, так как смерть начальника производит самое губительное впечатление: она воодушевляет храбрость врагов. Итак, он должен вести свои действия с ловкостью и благоразумием, не позволяя себя увлекать опрометчивости, потому что безрассудная смелость - дочь бесов; он не должен ставить себя в такое положение, из которого нет выхода.

Порядок битвы для моих победоносных армий

Если неприятельская армия превышает двенадцать тысяч человек, не достигая, однако, сорока тысяч, то командование может быть поручено одному из моих благополучных сыновей с назначением под его начальство двух главных и нескольких простых офицеров с отрядами в сто человек, в 10 тысяч человек и ордами, так чтобы численность всей армии простиралась до 40 тысяч. Мои непобедимые войска должны постоянно думать о том, что я лично присутствую, чтобы не уклоняться от правил благоразумия и храбрости.

Я приказал, чтобы, когда мою кибитку, как счастливое предзнаменование, отправят вперед, то ее эскортировали 12 отрядов, предводительствуемых начальниками племен; они должны правильно маневрировать, не упуская из виду 12 правил, которые я предписал для установления порядка битвы, для разрыва передовых линий и, наконец, для атак и отступлений. Хороший предводитель, узнав о числе неприятельских начальников, должен им противопоставить своих; он тщательно наблюдает за тем, какого рода оружия воинов нужно поставить во главе; будут ли то лучники, копьевщики или люди,

вооруженные шпагами. Внимательный к движениям своих противников, он должен сообразить заблаговременно, начинают ли они битву медленно, посылая в дело отряд за отрядом, или же с яростью бросаются в бой (всей массой); он должен наблюдать за всеми путями, ведущими к полю битвы, как для атаки, так и для отступления, а также проникнуть и уяснить себе план действий неприятеля.

Может случиться, что, выказывая притворную слабость, враги обратятся в бегство, но не следует поддаваться этой хитрости. Генерал, глубоко изучивший военное дело, понимает весь механизм битвы: он знает, какой корпус нужно послать в дело. Его благоразумие помогает всему. Он не затрудняется дать сражение, ^н предугадывает планы своих противников, открывает цель всех их движений и пускает в ход все средства, чтобы расстроить их замыслы.

Из 40 тысяч всадников предводитель должен сформировать 14 дивизий следующим образом: он выстроит свою линию и назовет ее центром. Три дивизии составят арьергард (или корпус) правого крыла. Одна из этих трех дивизий получит название передовой (этого арьергарда). Из трех дивизий, составляющих левое крыло, одна будет служить ему передовой.

Точно так же три других дивизии будут помещены впереди арьергарда правого крыла; они составят его фронт. Один из этих трех отрядов послужит авангардом фронта правого крыла. Левое крыло будет состоять из такого же числа дивизий, и они будут, составлять его фронт. Одна дивизия будет служить авангардом фронта левого крыла, подобно предыдущему. Затем он выстроит главный авангард пред центром армии. В составе авангарда будут: стрелки из луков, солдаты, вооруженные шпагами, копьевщики, храбрые и опытные воины, которые будут сражаться издавая громкие крики, чтобы произвести беспорядок в неприятельском авангарде. От главнокомандующего не должно ускользнуть ни одно движение противной стороны, и тот самоуверенный офицер, который двинется вперед, не имея на то приказания должен подвергнуться наказанию.

Всегда внимательно следя за маршами и контрмаршами своих противников, начальник армии пусть остерегается рисковать вступлением в битву, прежде чем не получит к тому прямого вызова со стороны неприятеля. Но раз противники открыли наступление, то он, как генерал осторожный, должен исследовать их маневры, как они начинают битву и как отступают, а затем уже сообразить средства

напасть и отразить их, будут ли они продолжать атаку или же, согласуясь с требованиями обстоятельств, начнут отступать, чтобы снова напасть, когда наступит удобное к тому время.

Должно также остерегаться преследовать армию, которая без видимой необходимости обращается в бегство, потому что она может иметь сзади сильные подкрепления.

На обязанности главнокомандующего лежит - следить за неприятелем, направляет ли он все свои силы или действует только правым и левым крылом. В таком случае он должен сначала противопоставить ему свой авангард, затем двинуть авангарды правого и левого крыла для подкрепления главного авангарда. После этого выступят 1-й эскадрон правого крыла и 2-й эскадрон левого крыла, за которыми последуют второй отряд правого крыла и первый - - левого.

Если после семи атак не выяснится, на чьей стороне победа, то следует отправить передовые отряды арьергардов правого и левого крыла, чтобы произвести девять нападений. Если и после этого не последует победы, тогда можно пустить в ход 1-й эскадрон арьергарда правого крыла и 2-й эскадрон арьергарда левого крыла. Если все эти усилия окажутся бесполезными, то следует отправить последние оставшиеся эскадроны обоих крыл. Может быть, успех тогда определится.

Если эти тринадцать приступов не решат победы, то главнокомандующий не должен колебаться двинуть свой центр; пусть горой вырастет в глазах неприятеля и обрушится на него тяжело и мерно. Пусть главнокомандующий прикажет своим храбрецам обнажить шпаги, а стрелкам - пусть град стрел; наконец, если и после этого победа не выяснится, то командующий должен сам броситься в бой, не колеблясь и не теряя никогда из виду моего знамени.

Если неприятельская армия превышает 40 тысяч человек, то я приказывал генералам, офицерам, минбашам, узбашам, унбашам, избранным воинам и простым солдатам стать под мое победоносное знамя.

Начальникам эскадронов я предлагал исполнять мои приказания с самой строгой точностью. Начальник или простой офицер, дерзнувший уклониться или нарушить мои приказания, подвергался растрелу, а его наместник или лейтенант замещал виновного. Из 40 рот сформированных орд, отрядов в 100 и 10000 человек я выбирал 12 рот, которым я давал отличительный знак; они делились на 40 взводов.

Офицеры 28 рот, не имеющих отличительного знака, шли позади

центра; мои сыновья и внуки располагались со своими войсками направо; родственники и союзники помещались налево. Это были резервные отряды, которые подавали помощь повсюду, где оказывалась необходимость. Шесть эскадронов составляли арьергард правого крыла, а еще один служил им передовым отрядом. Арьергард левого крыла был сформирован по тому же образцу; он имел также свой передовой отряд. Я поставил 6 эскадронов впереди арьергарда правого крыла, и они составляли фронт правого крыла. Еще один эскадрон, поставленный впереди, служил авангардом этому фронту.

Тот же порядок существовал и для левого крыла, которое также имело свой авангард. Впереди обоих крыл помещались шесть эскадронов, сформированных из опытных офицеров и воинов испытанной храбрости, и это был мой главный авангард, который имел передовым отрядом выдвинутый вперед эскадрон. Два офицера легкой кавалерии и один тяжелой из друзей, Распределенные направо и налево передового отряда авангарда служили мне лазутчиками неприятельской армии. Командующим 40 эскадронами отдавалось строжайшее запрещение вступать в бой раньше очереди или не получив приказания; они должны были только быть всегда наготове к выступлению. Как только они получали такое приказание, то выступали, постоянно наблюдая за движениями неприятеля. Если этот последний (то есть неприятель) находил доступ к сражению, то их (командующих 40 эскадронами) делом было его (путь) ему (неприятелю) закрыть и открыть своею ловкостью тот (доступ, путь), который он (неприятель) хотел им заградить. Как только авангард вступал в схватку, начальник авангарда двигал последовательно свои 6 эскадронов, чтобы смешать неприятельские ряды; командующий первым крылом отряжал в атаку свои 6 эскадронов на помощь первым и сам лично вступал в дело. Начальник авангарда левого крыла должен сделать то же самое, чтобы поддержать сражающихся; он должен выступить во главе своего отряда, и, может быть, с помощью Всевышнего, выдержав эти 18 атак, ослабевший неприятель обратится в бегство.

Если же он продолжает выказывать стойкость, то начальникам запасных отрядов правого и левого крыла следует выдвинуть свои авангарды. Эти отряды, ринувшись на противников, могут их смять и уничтожить. Если наши надежды всё еще окажутся тщетными, то

начальникам арьергарда обоих крыл останется только двинуть последовательно свои эскадроны и самим лично во главе их врезаться в неприятельские ряды (пройти сквозь живот неприятелей). Если все эти офицеры ослабнут и дрогнут, то настала минута, когда князья-мирзы, командующие резервным корпусом правого крыла, и родственники императора, стоящие во главе такого же корпуса левого крыла, должны ринуться на врагов.

Всё их внимание должно быть обращено на командующего неприятельской армией и на его знамя; пусть они неустранимо атакуют вражеские ряды. Главная задача их заключается в том, чтобы захватить этого командира и опрокинуть его знамя. Когда после всех этих усилий враг будет еще держаться, тогда наступает очередь отборного войска центра и храбрецов, выстроенных позади него; они должны устремиться все вместе, чтобы произвести общую атаку (дать генеральное сражение). После всех этих- попыток император не должен колебаться броситься с храбростью и твердостью в самый пыл сражения.

Так я поступил в сражении с Баязетом. Я приказал Мирзе Миран-шаху, который командовал правым крылом, стремительно напасть на левое крыло войск турецкого султана, Мирзе Султану Махмуд-хану и Эмиру Солиману, которые вели левое крыло моих войск, атаковать неприятельское правое крыло. Мирза Абубекер, под начальством которого находился резерв правого крыла, получил приказание атаковать главный корпус Илдрим Баязета, расположенный на возвышенности. Сам же я стал во главе своего боевого корпуса и своих избранных воинов и с воинами племен пошел прямо на Киссара. Его войска были опрокинуты с первого натиска. Султан Махмуд-хан бросился преследовать побежденного и, взяв его в плен, привел в мою палатку. Придерживаясь тех же принципов, я одержал победу над Тохтамыш-ханом и приказал низвергнуть знамя этого князя.

Если неприятель, отличаясь доблестью, обратит в бегство авангарды правого и левого крыла, а также арьергарды обоих этих крыл, если он пробьется к главному корпусу, то Султану ничего больше не остается при всей своей отваге, как вложить ногу храбрости в стремя терпения, чтобы отразить и уничтожить неприятеля. В сражении против Шах-Мансура, губернатора Дели, когда этот принц пробился до меня, то я лично сражался с ним, пока не поверг его в прах.

Планы и предприятия

Таковы были планы и порядок образа действий, которым я следовал с целью завоевать царства и покорить вселенную, побеждать армии, захватывать врасплох своих противников, склонять на свою сторону тех, которые противились моим намерениям, словом - для того, чтобы руководствоваться в своем поведении по отношению к друзьям и врагам. Мой доверенный советник написал мне следующие слова: «В управлении своим государством Абул-Мансор-Тимур должен привести в действие четыре существенные средства: обдуманый расчет, разумную решительность, выдержанную стойкость и осторожную осмотрительность. Государь, не имеющий ни плана, ни рассудительности, похож на безумца, все слова и действия которого суть только заблуждение и беспорядочность и порождают лишь стыд и угрызение совести. Для тебя же будет гораздо лучше вести все дела твоего управления с осторожностью и мудрой обдуманностью, чтобы избежать в будущем раскаяния и бесплодных сожалений.

Знай, что искусство управлять состоит частью в терпеливости и твердости, частью в притворной небрежности и в искусстве казаться не знающим того, что знаешь.

Никакое предприятие не трудно для того, кто обладает даром соединять с мудростью планов терпение, твердость, стойкую энергию, осмотрительность и мужество. Прощай». Это письмо было, так сказать, руководителем моих поступков: оно убедило меня в том, что совет, благоразумие, обдуманность вдесятеро полезнее в политике, чем сила оружия. Ибо, как говорят, благоразумие может завоевывать царства и побеждать армии, не поддающиеся мечу воинов. Что касается меня, я убежден, что испытанный воин, соединяющий все эти качества, гораздо предпочтительнее тысячи солдат, обладающих только силою, ибо он может руководить тысячей тысяч таких воинов. Опыт показал мне еще, что победа и поражение несколько не зависят от численности сражающихся, но от помощи Всемогущего и от благоразумия наших мер. Я сам - пример этому. Я шел во главе двухсот сорока трех человек к укреплению Карши, предварительно хорошо обдумав план своих действий. Двенадцать тысяч всадников, предводительствуемых Эмиром Усой и Малек-Бегадером, частью составляли гарнизон этой крепости, частью же защищали ее окрестности; но с Божьей помощью и при посредстве разумных мер я овладел укреплением.

Тогда Эмир Муса и Малек-Бегадер выступили со своими 12 000 всадников и стали осаждать меня; но полный веры во имя Всевышнего, я вышел против них с проворством и осторожностью. Несколькими нападениями, сделанными успешно и вовремя, мои 243 воина разбили 12 тысяч всадников и преследовали их на протяжении нескольких миль.

Опытность научила меня и тому, что хотя течение событий и скрыто покровом рока, однако мудрый и разумный человек не должен пренебрегать планами, предусмотрительностью и дальновидностью. Вот почему, сообразуясь с досточтимыми словами пророка, я никогда не приступал к исполнению ни одного предприятия, зрело его наперед не обдумав.

Когда мои советники собирались, я обсуждал с ними хорошие и дурные стороны удачного и неудачного исхода предприятия, которое я был волен исполнить или оставить. Выслушав их мнение, я обсуждал его со всех сторон: я сопоставлял пользу с вредом; внимательным оком я окидывал все его опасности; план, представлявший при исполнении двоякую опасность, был отвергаем, для того, чтобы избрать тот, в котором я предусматривал только одну.

Руководимый таким именно взглядом, я подал совет Тоглук-Тимуру, хану Джагатая

Его эмиры подняли знамя возмущения в Джиттхе; он просил у меня совета, и я отвечал ему: «Если ты пошлешь армию, чтобы прогнать и истребить возмутившихся, то две опасности тебе угрожают: но только одна будет предстоять тебе, если ты будешь предводительствовать ею лично». Он мне поверил, и случившееся подтвердило мое предсказание. Я не затевал ни одного предприятия, предварительно не посоветовавшись, а приводя его в исполнение, я ничего не предоставлял случаю; прежде чем начать действие, я обдумывал, какой оно могло иметь исход, и, употребляя попеременно ловкость, благоразумие, твердость, бдительность и предусмотрительность, я приводил к верному успеху.

Опытность доказала мне, что хорошие планы способны создавать только те люди, чьи действия не противоречат их словам, которые, раз приняв решение, не оставляют его по какой бы то ни было причине и не стараются никогда возвращаться к плану, раньше ими отвергнутому.

Я различал два вида совета: один - исходящий из уст, другой - из

глубины сердца. Я благосклонно внимал говору уст, но только то, что я слышал исходящим из сердца, оставлял в ушах моего сердца (для того чтобы воспользоваться этим).

Когда дело шло об отправлении армии в поход, я обдумывал. выбрать ли войну или мир. Я выспрашивал моих эмиров; если они предлагали мир, я сравнивал его приятности с трудами войны; если, напротив, они склонялись к войне, я проводил параллель между ее пользой и невыгодами мира. В конце концов я избирал всегда исход наиболее выгодный.

Я отвергал всякое решение, способное разделить армию. Я позволял говорить советнику, робко произносившему свою речь, но я внимательно прислушивался к словам человека, который выражался рассудительно и твердо.

Я принимал все советы, но во всяком мнении заботливо различал хорошие и дурные стороны и останавливался только на разумном и полезном.

Когда Тоглук-Тимур, потомок Чингисхана, перешел реку из Ходжента, намереваясь завоевать Трансоксанию, и потребовал, чтобы мы, я и эмир Ходжи-Бурляс и Баязет Джелангир, пришли и соединились с ним, то эти последние спросили у меня совета, говоря: «Нужно ли нам укрыться в Хорасане с нашими семействами и ордой или же идти и присоединиться к Тоглук-Тимур-хану?» Я отвечал им: «Вам предстоят две выгоды и одна опасность, если вы отправитесь к Тоглук-Тимуру; но если вы убежите в Хорасан, то встретите две опасности против одной выгоды».

Они отвергли мой совет и направили свой путь к Хорасану. Я же, имея на выбор - идти в эту страну или же повиноваться приказанию Тоглук-Тимура, колебался между этими двумя исходами.

В этой нерешимости я прибегнул к мудрости моего доверенного советника, и вот его ответ: «Следующий вопрос был предложен однажды четвертому халифу Али (преисполни его Бог славой и милостью!): если бы твердь небесная была луком, тетивой которого была бы земля, если бы козни были стрелами, имеющими целью детей Адама, а сам Бог, Величайший и Высочайший, был стрелком, то где несчастные смертные могли бы найти убежище? Именно возле самого Бога люди должны были бы укрыться, отвечал халиф. Так и тебе нужно сейчас же идти и отыскать Тоглук-Тимура и заставить его выронить из рук лук и стрелы».

Получение этого письма укрепило мое сердце; я отправился в путь и явился к хану. Но во всех делах, требовавших обсуждения, я извлекал из Корана предзнаменование, руководившее моим поведением. Прежде чем подчиниться приказаниям Тоглук-Тимура, я открыл священную книгу, и мне выпала глава об Иосифе (да будет Бог милостив к нему!). Я поступил тогда согласно с указанием Корана.

Первый план

Вот первый план, внушенный мне свиданием, которое я имел с Тоглук-Тимуром. Я хорошо знал, что этот хан послал три армии, предводимые Бикчеком, Ходжи-Бекем из племени Арканат и Олугток-Тимуром из племени Карит, с другими эмирами Джетта, разорить царство Трансоксании. Эти предводители расположились лагерем близ Хизара; я решил пойти к ним и предложить им суммы, достаточные для того, чтобы прельстить их и отсрочить разорение и опустошение этого царства до моего прихода к Тоглук-Тимуру.

Мое могущество ослепило эмиров; они приняли меня с уважением и почтением; их сердца смирились, их глаза были ослеплены, и когда великолепие моих подарков довершило их подкуп, они перестали опустошать царство.

Тогда я не замедлил явиться перед ханом, который принял приход мой за счастливое предзнаменование: он часто советовался со мной и всегда следовал моим советам.

Между тем ему донесли, что эмиры трех армий вынуждают с жителей Трансоксании вещественные подарки и денежные суммы; он принуждает их возратить эти суммы и назначает особых сборщиков для наблюдения за таковым возвратом. В то же время он воспрещает этим начальникам вход в Трансоксанию и лишает их предводительства, возлагая таковое на Ходжи-Берляса, Махмуд-шаха из племени Елур.

Уведомленные об этом распоряжении, эмиры удаляются и поднимают знамя восстания; в то же время они встречают Оглан-Ходжу, начальника дивана и первого советника хана; привлеки его на свою сторону, они вместе направляются к Джиттеху.

В то же время Тоглук-Тимур узнал, что его эмиры сделали нападение на деревню Капчак.

По моему совету возмущенный государь направил свой путь к

государству Джиттеха. Он вручил мне управление Трансоксанией с полномочиями и необходимыми доверительными письмами; он присоединил к этому еще десятитысячный корпус, которым начальствовал в этом царстве эмир Карочар-Кувиян; таким образом вся эта страна до вод Джихуна (Оксус) стала мне подвластною. Таково было намерение, которое я принял и исполнил еще в самом начале моего возвышения; и опыт убедил меня, что хорошо обдуманый план несравненно действительнее стотысячного отряда воинов.

Второй план

Вот второй план, составившийся у меня в начале моих успехов. Когда Тоглук-Тимур, вопреки своим обязательствам, снова привел армию в Трансоксанию, он отнял у меня управление этим царством, чтобы отдать его в руки своего сына Элиас-Ходжи, а меня поставил главнокомандующим и советником молодого князя, указывая мне на договор, состоявшийся между Каджули и Кабул-ханом, его и моими предками. Из уважения к этому договору я принял начальствование армией.

Когда узбеки начали совершать в Трансоксании величайшие жестокости и невыносимые притеснения (ибо уже семьдесят Сеидов или сыновей Сеидов были брошены в оковы). Элиас-Ходжа, потерявший всякую власть, не был в состоянии прогнать этих разбойников и остановить их неистовства. Что касается до меня, то я, стремясь приобрести доверие, стремительно ринулся на узбеков и освободил притесняемых из рук притеснителей. Эта экспедиция была причиной возмущения военачальников Элиас-Ходжи и самих узбеков. Тоглук-Тимур написали, что я поднял знамя восстания; хан, будучи слишком доверчив, послал приказание умертвить меня, но это последнее попало в мои руки. Видя всю громадность опасности, я собрал вокруг себя храбрую молодежь из племени Берляс, которую я привлек на свою сторону. Первым, принесшим мне клятву повиноваться, был Ику-Тимур, вторым эмир Джаку-Берляс. Затем и другие храбрецы, побуждаемые движением своего сердца, добровольно стали под моим знаменем. Когда жители Трансоксании узнали, что я решил напасть на узбеков, вельможи и народ не замедлили покинуть их ряды и присоединиться ко мне. Ученые и высшее духовенство

издали постановление, утверждавшее изгнание и ниспровержение узбеков.

Многие начальники орд и племен присоединились еще ко мне в этом предприятии. Это постановление и это воззвание, данные письменно, были выражены в следующих словах: «Следуя поведению и примеру законных халифов (будь Бог милостив к ним!), воины, и народ, и духовенство из уважения к великим достоинствам Тимура, полярной звезды могущества, возвели этого эмира на царство. Они обещают не щадить своего состояния и своей жизни на то, чтобы истребить, изгнать, победить и уничтожить партию узбеков, этих ненавистных притеснителей, которые простерли свои жадные руки не только на движимость, на имущества и владения, но даже на честь и законы мусульман. Мы клянемся соблюдать условия этого договора. Если когда-нибудь мы нарушим лгу клятву, то пусть мы потеряем покровительство Бога и подпадем из-под его власти во власть Сатаны!» При виде этого постановления я возгорел желанием начать войну и сечу и двинуть войска на узбеков, чтобы несчастные отомстили своим тиранам; но изменники, узнав о моей тайне, разоблачили ее.

— Я заметил, что если бы сам я остался в Самарканде, начав войну с узбеками, то жители Трансоксании могли бы нарушить свое слово. Итак, я решил оставить город и ждать в горах, пока союзники присоединятся ко мне, чтобы с значительными силами выступить на врага.

Уезжая из Самарканда, я имел не более шестидесяти всадников в своей свите, и я убедился тогда, как благоразумно я поступил. Целая неделя уже протекла, а никто еще не являлся. Я решил идти к Бадахшану, чтобы заключить союз с князьями этого города. По пути я приветствовал благочестивого пустычника Эмира Колала, который благоволил лично предписать мне образ действий, коему я должен был следовать; он рекомендовал мне обратить особое внимание на Хорасмию, а я обещал годичный ему доход с Самарканда, если мне посчастливится победить узбеков. Этот почтенный человек произнес молитву о победе и отпустил меня.

Когда я оставлял Эмира Колала, всё мое прикрытие состояло еще только из шестидесяти всадников. Извещенный о моем прибытии в Хорасмию Элиас-Ходжа, государь Трансоксании, предписал Текель-Бегадеру, правителю Киуку, напасть на меня и уничтожить.

Текель выступил в поход с тысячей всадников. Я имел тогда на своей

стороне Эмира Хусейна, который, встретив меня на пути, присоединился ко мне. Я осмелился со своим маленьким отрядом стать против врага. Дело началось, и я сражался так храбро и с такою яростью, что из 1000 всадников Текеля уцелело только 50, а из своих 60 я сохранил только 10, но счастье было на моей стороне. Узнав о моих успехах, Элиас-Ходжа и эмиры Джаттеха говорили про себя: «Тимур удивительный человек; Всемогущий Бог и счастье на его стороне». Эта победа была для меня счастливым предзнаменованием, и узбеки затрепетали при виде моих успехов.

Третий план

В плачевных обстоятельствах, когда, по-видимому, мое счастье было расшатано до основания, когда около меня оставалось только десять воинов (7 всадников и 3 пехотинца), не отказавшихся разделить мои несчастья, я не падал духом. Я посадил с собой на лошадь свою жену, сестру эмира Хусейна, и мы, поблуждав по пустыне Хоразми, однажды ночью остановились наконец возле колодца. Три вероломных хорасанца, воспользовавшись темнотою ночи, убежали с тремя из наших лошадей, и на семь человек, не покинувших меня, осталось только четыре лошади. Мое мужество возрастало с несчастьями; не давая заметить своей ошибки, я только старался поправить ее. Лишь только я снова отправился в путь, как Али-Бек-Чун-Гарбани, напав и захватив нас, бросил меня в темницу, полную гадюк. Стража бдительно охраняла двери этой отвратительной тюрьмы, в которой я пробыл 62 дня. Обдумав средства к побегу, я с помощью Всемогущего, одушевленный храбростью отчаяния, вырываю меч у одного из стражей, бросаюсь на них, и эти телохранители бегут, покинул свой пост. Тотчас же я отправляюсь к Али-Беку; он, пристыженный своим бесчестным поступком по отношению ко мне, смущается и просит у меня извинения. Он мне возвращает моих лошадей и оружие и присоединяет к ним чахлую клячу и никуда не годного верблюда, прося меня принять их. Его брат Мухаммед-Бек прислал мне несколько подарков. Али-Бек, в котором эти подарки возбудили алчность, взял часть их себе и отпустил меня. Я углубился в пустыню, сопровождаемый 12 всадниками. На второй день пути мы встретили жилище и остановились там на отдых. Лишь только я укрылся в одном из домов, как толпа туркоманов с криком осадила его. Моей первой заботой было

спасти жену. Я запер ее в доме, и сам отталкивал эту толпу. Вдруг один туркоман узнал меня и закричал: «Это Тимур». Тотчас же он остановил сражавшихся и бросился к моим ногам: я принял его с радостью и возложил ему на голову свою чалму; и с этого момента он и его братья навсегда остались беззаветно мне преданными.

Четвертый план,

составленный в первое время моих успехов. Когда я увидел себя во главе 60 всадников, я стал опасаться, чтобы мое пребывание в этом округе не подвергло меня вероломству народа и чтобы кто-нибудь не уведомил узбеков о положении моих дел. Я думал, что будет более безопасно уйти оттуда и стать лагерем в пустыне, вдали от всякого жилья, в ожидании, пока успело собраться войско, которое служит основанием могущества.

Оставив эту страну, я отправился к Хорасану и на пути встретил Мобарек-шаха, правителя Мокхана. Он присоединился ко мне с сотней всадников и дал мне много отличных лошадей. Кроме того, ко мне прибывали потомки Пророка и другие туземцы. Наконец я собрал в этой пустыне отряд из 200 человек, как всадников, так и пехотинцев. В это время Сеид Гассан, Мобарек-шах и Сеид Зияэддин сделали мне следующее предложение: «Остаться в этой стране значило бы дожждаться того, как наш маленький отряд станет разбежаться. Завладеем какой-нибудь областью и утвердим там свое местопребывание».

Подумав обстоятельно над этим, я отвечал: «Вот мой план: Двинуться к Самарканду; вас я размещу по соседним с Бухарой городам, а сам, объезжая окрестности Самарканда, войду в сношение с народом разных племен и постараюсь расположить их к себе. Когда же соберу войско, то позову вас, и мы вместе произведем нападение на окрестности Джиттеха, на их правителя Элиас-Ходжу и покорим Трансоксанию». Мой ответ был едино-ДУШно одобрен, и по прочтении первой главы Корана для божественного покровительства, я занялся исполнением моего плана.

Я начал с того, что разместил моих 200 человек в окрестностях Бухары, где я укрыл свою жену, сестру эмира Хусейна, а сам затем отправился в Самарканд Тему-Кучун, попавшийся мне на пути с 15 всадниками, пожелал присоединиться ко мне. Я сообщил ему свои планы и послал

его к Мобарек-шаху. Вошедши в сношения с племенами, я привлек на свою сторону 2000 человек, готовых следовать за мной, как только я подниму в Самарканде знамя могущества. Проникнув в этот город, благодаря темноте ночи, я укрылся у Котлуг-Турган-Ата, моей старшей сестры. Дни и ночи проводил я, обдумывая и размышляя. В течение 18 дней я оставался неузнанным, но один из жителей города, узнав о моем возвращении, задумал открыть меня. Опасность была крайняя, и я ночью бежал с 50 всадниками. При выходе из Самарканды, я в сопровождении толпы пехотинцев направился в Хоразмин. Мы встретили по дороге табун лошадей, принадлежавший туркоманам; я захватил их, чтобы посадить на них своих воинов. Прибыв в Аччигчи, я расположился лагерем по склону холма, возле реки Амуйэх. Здесь произошло свидание с моей семьей, Мобарек-шахом, Сеид-Гассаном и со всеми теми, кого я разместил в окрестностях Бухары. Тимур-Ходжа-Оглан и Берляс Джелаир, прибывшие со своими отрядами, также вступили к нам в союз. Увидев, что мой отряд возрос до тысячи всадников, я подумал о средствах употребить его в дело, и повел к Бакшер-Земину и Кандагару, которые и подчинил своей власти.

Пятый план

На пути к Кандагару и Бакшер-Земину, мы стали лагерем на берегу Гирмена. Там я построил себе жилище и поселился в нем, чтобы дать время воинам отдохнуть. В то время как я находился на берегах этой реки, явились жители и воины области Кермессир. Около тысячи тюрков и туземцев также пришли с предложением своих услуг, и область Кермессир приняла мои законы. Между тем я решил вторгнуться в Систан. Узнав о моем замысле, правитель этой области прислал мне значительные подарки, прося моей помощи. «Я, говорил он, подавлен своими врагами. Они захватили мою страну и взяли уже семь крепостей. Если вы исторгнете из их рук, я выплачу вашим воинам шестимесячное жалованье».

Я понимал, насколько было бы выгодно для меня обратить свое внимание на Систан. Из 7 крепостей, бывших в области врагов, я возвратил уже 5. Когда ужас овладел душой правителя, то он заключил дружественный союз с собственными врагами, они пришли к следующему заключению: «Если эмир Тимур будет находиться в этой стране, то Систан перейдет из наших рук к нему». Собрав воинов и

народ всей этой области, они напали на меня.

Нарушением своего слова этот правитель поставил меня в ужасное положение: Однако я вышел навстречу и дал сражение. В деле одна стрела пронзила мне руку, другая ногу; в конце однако победа осталась за мной.

Заметив, что климат этой страны вредно действует на мое здоровье, я отправился в Кермессир, где и пробыл 2 месяца пока не излечился от ран.

Пожив в Кермессире и излечившись от ран, я составил проект поселиться в горах области Балха и снарядить армию для завоевания Трансоксании. Увлеченный этой мыслью, я слез с коня и отправился в сопровождении только сорока всадников, но зато все знатных детей старейшин и эмиров. Я возблагодарил Всемогущего за то, что несмотря на мои несчастья, лишенный денег и припасов, я однако имел в своем распоряжении таких храбрых воинов. Я говорил себе тогда: «Всевышний покровительствует моему делу, если подчиняет мне людей, равных со мной по рождению».

Я достиг подошвы горы и встретил Садык-Берласа, искавшего меня. Он привел мне 15 всадников, и я принял его за счастливое предзнаменование.

Первые дни после нашего соединения были посвящены охоте, а затем мы продолжали путь. Я заметил на вершине одной горы отряд войска, который увеличивался с каждым мгновением. Я тотчас остановился и послал гонцов собрать верные известия. Они вмешались в толпу и, возвратившись, сказали мне: «Это Каранчи-Бегадер, старый слуга эмира (Тимура). Он оставил Джетскую армию с двумястами всадников и теперь ищет своего господина» Восхищенный этим событием, я простерся на земле, чтобы возблагодарить Всевышнего, и велел позвать этого верного слугу. Он тотчас же явился, бросился к моим ногам и целовал их; я благосклонно поднял его, возложил на его голову свою чалму и мы пошли вместе с ним к долине Арзоф.

Прибыв туда, мы поставили пикеты; на следующий объехал долину верхом. На середине ее находилась возвышенность на которой воздух был превосходный; я расположился а все воины раскинули свои палатки вокруг.

Следующая ночь была ночь молитвы, и я провел её, не смежая век. На рассвете я начал читать молитву. Окончив её, я с мольбой воздел руки к небу и умилился до слез, всемогущего о помощи и избавлении меня от

несчастий. Не успел я кончить еще своего воззвания, как заметил вдали отряд, проходивший мимо холма. Я сел на лошадь и приблизился достаточно близко, чтобы хорошо рассмотреть его. Это был отряд конницы из 70 человек. «Воины, спросил я, куда держите путь?» Они отвечали мне: «Мы слуги эмира Тимура. Мы ищем Година, но, увы! не можем найти его». «Я также слуга этого эмира, сказал я им. Я буду вашим проводником и сведу вас к нему». Один из них, пришпорив коня, поспешил уведомить об этом своих начальников. «Мы нашли, вскричал он, проводника, который предлагает привести нас к эмиру Тимуру». Эти последние поворотили своих коней и приказали привести меня к себе. Отряд состоял из трех частей, первой начальствовал Тоглук-Хаджа-Берляс, второй Сейфэддин, третья Тубак-Бегадер. Увидев меня, эти начальники, пораженные, слезли с коней, упали на колени и целовали мое стремя. Я также сошел и простер над ними свои руки. Я возложил свою чалму на голову Хаджи опоясал своим поясом, драгоценным по отделке и золоту, эмира Сейфэддина и накрыл халатом своим Тубак-Бегадера. Все мы были тронуты. Мы совершили в обычный час обычную молитву. Затем я сел на лошадь и поехал в свой лагерь, где я созвал общее собрание и устроил пир. На следующий день прибыл Шир-Бахрам, который оставил меня из прихоти, будучи не в состоянии противиться желанию пойти в Индостан. Я принял его извинения и обошелся с ним так ласково, что он перестал стесняться.

Шестой план

Моя армия, которой я сделал смотр, простиралась до 313 человек конницы, и я решил овладеть какой-нибудь крепостью, которая служила бы мне опорой и убежищем. Я решился овладеть крепостью Аладжу, где был начальником в то время Монгали-Сельдуз, из партии Элиас-Хаджи; мне нужно было сделать там склад багажа, съестных припасов и провианта.

Когда я приближался к этой крепости, Шир-Бехрам, который был связан старинной дружбой с комендантом, обещал мне привлечь его на свою сторону, если я позволю ему вступить с ним в переговоры. Однако вскоре по прибытии к стенам Аладжу, Бехрам известил меня через гонца, что Мангали-Бугха сделал ему следующие возражения: «Эта крепость, сказал он, доверена мне Элиас-Ходжой. Открыть ворота эмиру Тимуру значило бы разом изменить храбрости и верности». Он

окончательно отказался сдать крепость.

Но судьбе было угодно, чтобы при тревожных слухах о моих силах и походе страх охватил его душу, так что он оставил свой пост и обратился в бегство. 300 воинов из Джауна, которые защищали крепость и раньше были мне совершенно преданы, опять поступили в мою службу. Когда я прибыл в долину Суф, то Алимс, грабивший окрестности Балха, узнав о моем приходе, присоединился ко мне с двумястами всадников; любезный прием оказанный ему мною, ободрил его.

Отсюда я послал Темуке-Бегадера и трех всадников в другую сторону реки Термези, чтобы навести справки об армии Джиттеха и разведать о его намерениях. Темуке, возвратившись через 4 дня, уведомил меня, что эта армия, заняв область Термеза, совершила там всевозможные грабежи и жестокости. Получив эти известия, я укрылся в ущелье Коз, выжидая удобного случая для нападения на врага. Приготовившись вступить в это ущелье, я расположился лагерем на равнине Илчи-Бугха на берегу Дэмгуна. Лишь только Элиас-Ходжа узнал об этом, как тотчас же направил против меня свои войска. Между тем я узнал, что пятеро эмиров, составлявших часть военных сил Джиттеха, отложились от начальников этой армии и удалились в старый Термез со своими отрядами.

Тулан-Бугха, уполномоченный ими, явился ко мне с предложением союза, говоря, что эти эмиры приведут ко мне 100 всадников, готовых служить под моими знаменами.

Я смотрел на их приход, как на счастливое предзнаменование. Эмиры советовали мне ночью напасть на армию Джетта. Я сел уже на лошадь, когда мне возвестили, что она приближается. Я тотчас же построил свои войска в боевой порядок, приготовившись хорошо встретить нападающих, от которых меня отделяла река.

Лучшее, что я мог тогда сделать, было начать с ними переговоры, чтобы утишить их ярость и привлечь их на свою сторону. Я обратился с речью к предводителю; он одобрил мои доводы, но прочие офицеры, не разделявшие его мнения, подали голос за сражение; это привело меня в негодование, и я построил свои войска.

VII. План поражения армии Джетта

Ясказал себе: нужно опасаться, чтобы многочисленные враги не

сглазили моих воинов. Но в то же время во мне заговорило самолюбие. «Так как ты, кричало оно мне, вступил на путь к завоеванию могущества, то ты не имеешь теперь другого средства, кроме оружия. Тебе остается только выбор между победой и смертью».

Когда я принимал это решение, то заметил, что враги, разделившись на три отряда, стремились начать сражение. Я тотчас же разделил свое войско на 7 частей, чтобы постепенно вводить их в атаку. Когда пламя разрушения свирепствовало во всей своей силе, я приказал передовому отряду пустить град стрел.

Я приказал воинам, составлявшим фронт моего правого и левого крыла, выдвинуться вперед, и сам поддерживал их, находясь во главе задних шеренг их обоих. При первой и второй атаке я смял отряд эмира Абу-Сеида, главнокомандующего Джетта. В то же время Гидер-Андакхуди и Монгали-Бугха бросились в свалку; я поспешил против них и первым же чатиском рассеял их отряды. Наконец все враги были опрокинуты и обращены в бегство.

VIII. План приобрести себе авторитет

После этой победы в Туране разнесся слух, что самолюбивое стремление к царской власти составляет единственную причину моих подвигов. Чтобы укрепить за собой власть, я повсюду расточал благодеяния и выказал свою щедрость тем, что разделил воинам сокровища, скопленные мною и заключавшиеся столько же в деньгах, сколько и в ценных вещах.

Так как мое войско было в изобилии снабжено провиантом, то я построил его в боевой порядок, и мы пошли к берегам Джихуна, через который переправились у Термеза. Я пробыл здесь несколько дней в ожидании гонцов, посланных мною в окрестности форта Кахалке, который намерен был захватить.

Элиас-Ходжа, услышав о моем походе, послал против меня Алчун-Бегадера с громадным войском; мои разведчики по небрежности заснули, враги, пройдя мимо них, сделали несколько ночных переходов и, благоприятствуемые темнотою ночи, захватили нас врасплох.

Место, где я стал лагерем, представляло полуостров, с трех сторон омываемый (морями) водами реки. Однако много палаток было раскинуто там и сям на полуострове; они-то и подверглись первой ярости нападающих. Но солдаты поспешили оставить, чтобы спастись в

лагере.

Я быстро оправился настолько, что мог вступить в сражение, и расположился при входе на полуостров. Противники, пораженные ужасом, не стремились вступить в сражение. Я охранял этот пост целых 10 дней и отступил только для того, чтобы разбить палатки на берегу реки, где я оставался целый месяц в виду врагов. Когда, наконец, страх принудил их отступить, я перешел реку и расположился в лагере, только что покинутом ими, в то же время я позаботился послать отряды для преследования беглецов.

IX. План утвердить свою власть

Победитель армии Джетта, я признал своевременным направиться в область Бадакшана, чтобы завладеть ею и расширить таким образом свои владения. Приняв такое решение, я покинул берега Джихуна и отправился расположиться лагерем под стенами Хилема в Тухаристане. Мой шурин эмир Хусейн приехал ко мне, и мы устроили ряд празднеств, чтобы ознаменовать его счастливое и желанное прибытие. После того я окончательно решил повернуть в сторону Бадакшана.

Прибыв в Кондоз, мы пробыли там до тех пор, пока племена Юрельдая, собравшись, не присоединились к нам. Затем я роздал почетные одежды, чтобы воодушевить всех этих воинов.

Извещенные о расположении моих отрядов князь Бадакшана начали готовиться к войне, но я решил подавить их, прежде чем они успеют соединить свои отряды; форсированным маршем я достиг города Тальхана.

Мое приближение принудило князей обратиться к мирной политике; они явились просить союза со мною, и я был очень доволен своею проницательностью, видя успех мер, которые я принял. Наконец, мое владычество распространилось на область Бадакшан, и большая часть войска этой страны добровольно стала под мои знамена.

X. План распространять мою власть

Подчинив своей власти князей Бадакшана, я направил свой путь в сторону Котталана. Я уже вступил в нее, как вдруг узнал, что Булад-Бугха и Шир-Бехрам отложились от меня; оскорбленные поведением эмира Хусейна, который нехорошо обошелся с ними, они возвратились

в свои владения.

Я остановился на некоторое время на пастбищах равнины Кулок: оттуда я послал лазутчиков разузнать что-нибудь достоверное об армии Джетта и об Элиас-Ходже.

По истечении 10 дней мои лазутчики донесли мне, что эмиры этой армии во главе 20000 всадников расположены лагерем, который простирается от Калата до моста Селкин.

Они отправили ко мне посла с поручением хорошенько исследовать мою позицию и состояние моей армии; я приказал своему войску два раза пройти перед ними церемониальным маршем и отпустил его.

Я очень желал последовать за этим послом, но мои войска отказались исполнить мое желание. Чтобы побудить их к этому, я прибегнул к средствам, которые мне внушало благоразумие. С одними я обошелся ласково и хорошо, других я подкупил деньгами, а чтобы склонить их всех, я не жалел речей, просьб, убеждений и обещаний.

Между тем разнесся слух, что двое из моих прежних слуг идут против меня во главе 6000 всадников Джетта. Эта новость, дойдя до слуха моих воинов, вселила страх в их души, и они впали в уныние. Однако четыре эмира, недоступные страху, остались возле меня.

XI. План, как вселить единодушие в сердца моей армии

Внимательно разведав образ мыслей четырех эмиров, о которых я только что говорил, я убедился в их верности; затем я увлек их обещанием, что они разделят со мною все выгоды успеха, так что они стали точно исполнять все мои приказания.

Потом я обратился к тем, которые упорно отказывались выступить в поход; я говорил с ними с каждым отдельно: людей, в которых я замечал склонность к скупости, я осыпал щедрыми подарками и жаловал управление завоеванными областями тем, которые помогались почестей.

Но чтобы постоянно держать их между страхом и надеждой, я назначил каждому преемника или наместника.

Провианта и одежды было достаточно для того, чтобы поднять дух войска; ласковые речи и открытый вид окончательно склонили его на мою сторону; высокое значение, которое я по-видимому придавал его услугам, доставило ему столько удовольствия, что все возмущившиеся, так же как и покорные, присоединились ко мне, клянясь в безусловном

повиновении и преданности во всех испытаниях.

Уладив затруднения, причиненные мне разногласием армии, я решил сразиться с Элиас-Ходжой. Я не предпринял никаких других мер, кроме форсированного марша, чтобы подавить его, прежде чем он успеет узнать что-нибудь о моих движениях.

Ободренный этим счастливым знаменем, я выстроил свою армию; я разделил ее на семь отрядов, и мы немедленно выступили в поход. Утром мы встретили двух моих прежних служителей, которые шли против меня и которые составляли авангард вражеского войска. После второй нашей атаки они обратились в бегство, и я преследовал их до моста Селкин, где расположился Элиас-Ходжа.

Ночь, захватившая нас, заставила меня раскинуть палатки. Однако пока поле битвы еще не остыло, я решился тотчас же напасть на князя Элиас-Ходжу, находившегося в окрестностях с 30000-й армией. Выжидая более долгое время, я подвергал себя опасности быть вынужденным искать посторонней помощи; хотя лагерь эмира Хусейна и находился недалеко позади меня, я однако не хотел прибегать к нему. Разумность моих мер была достаточна для того, чтобы обратить в бегство армию Элиас-Ходжи.

ХII. План рассеять войско Джетта и Элиас-Ходжи

Я решился окружить армию Элиас-Ходжи одним отрядом и сделать все его усилия бесполезными. С этой целью я поместил 2000 всадников, предводимых тремя офицерами, около моста напротив Элиас-Ходжи. Сам же я, переправившись через реку с 5000 отрядом конницы, занял высоты, которые господствовали над позицией врагов, и ночью приказал зажечь громадный костер.

Вид пламени, присутствие грозной армии, расположенной при входе на мост Селкин, всё это так устало воинов Джетта, что они всю эту ночь бодрствовали, не смея прилечь для отдыха. Что до меня, то я провел ее на холме, простершись ниц перед троном Создателя миров и призывая с тысячей благословений память Пророка, его потомков и его сподвижников. В забытьи я услышал чей-то голос, произнесший: «Тимур, победа и торжество останутся за тобой».

На заре я со всем отрядом совершил молебствие. В то же время я увидел, что Элиас-Ходжа и его эмиры на конях отступают повзводно. Мои полководцы и воины стали просить позволения немедленно их

преследовать, но я предпочел выждать, узнать, не было ли какого-либо замысла в этом обращении в бегство.

Они отошли на расстояние 4-х миль и затем остановились. Я ясно понял, что они хотели завлечь меня в равнину и там завязать сражение. Эмиры авангарда, которых я обратил в бегство, получили строгий выговор от своего господина Элиас-Ходжи.

Неприятели, видя, что я не двигаюсь с занимаемых мною высот, не сомневались более, что я проник в их намерение, и возвратились, чтобы атаковать меня. Я тотчас выстроил свое войско у подошвы горы, чтобы иметь возможность дать битву, но, подступив к скалам возвышенности, войско Джетта остановилось. Я тотчас приказал своим стрелкам пустить град стрел, а это произвело сильное действие. Так как наступила ночь, то враги, не имея времени предпринять что-либо, стали лагерем у подошвы холма, надеясь блокировать меня. В течение ночи я предложил своим полководцам разделить войско на три отряда с тем, что я сам поведу их в битву. Мое предложение было одобрено всеми. Перед рассветом я сел на коня, и мы сделали нападение с четырех сторон.

Воины Джетта были рассеяны, прежде чем успели соединиться; с той и другой стороны было убито несколько человек. В неприятельской армии слышались крики: «бежит», и она тотчас же обратила тыл. Так как я очутился близ Элиас-Ходжи, то крикнул ему несколько слов. Звук моего голоса возбудил в князе ярость; он собрал свои рассеянные полки и снова повел их в атаку.

Сражение длилось до восхода солнца. Колчаны опустели. Наши противники отступили и в величайшем беспорядке возвратились в свой лагерь, находившийся в 4-х милях. Не желая больше преследовать их, мы остались на том же месте, где и были. Устрашенная таким образом, армия не осмелилась уже завязать второе сражение; мои воины рассыпались вокруг лагеря Элиас-Ходжи, а я сам так сильно беспокоил и утомлял его, что он был принужден перейти воды Ходжента. Тогда я перестал преследовать его и возвратился в Трансоксанию, чтобы воспользоваться своею победою. Я думал, что первое, чем я должен был заняться, было увериться в покорности и верности эмиров, хорошо сознававших свои силы и могущество и весьма склонных считать себя выше равных себе.

Я объявил участником своего успеха эмира Хусейна, моего шурина, который только что поднял знамя владычества в Трансоксании.

Я относился к нему с большим вниманием, но несмотря на изъявления дружбы, которые выказал мне этот князь, он всегда сохранял ко мне чувство зависти и злобы.

Он пламенно желал, чтобы я возвел его на трон Трасоксании. Так как я не имел к нему никакого доверия, то привел его на могилу досточтимого Шамсэдина. Там мы обещали друг другу взаимную дружбу; он уверял меня, что никогда не нарушит своих обязанностей. Три раза клялся он священной книгой (Коран). Впоследствии он нарушил свою клятву, и его клятвопреступление предало его мне. Шейх-Мухаммед считал себя могущественным властителем; я достиг того, что привлек его на свою сторону, так же, как и семь родов (семь камун), признавших его власть; я дал области в управление эмирам этих родов.

Шир-Бехрам, покинувший меня, продолжал жить независимо среди своего племени. Тем не менее уступая выгодным предложениям, которые я ему сделал, он возвратился в мое подданство со всем своим племенем. Вступив в число моих слуг, этот эмир также получил область. Эмир Хусейн, приходившийся мне родственником, никак не мог быть моим искренним другом, несмотря на всё расположение, которое я ему выказывал. Он осмелился захватить у меня силою области Басеха и Гиссар Шадамана. Из уважения к его сестре, моей жене, я всё не хотел платить ему злом, и мое поведение произвело такое впечатление на неприятельских военачальников, что они добровольно перешли на мою сторону. Но эмир Хусейн, неуклонно стремясь к своей гибели, истощал все свои хитрости на то, чтобы строить мне козни; наконец я решил оружием усмирить его.

Я покорил Туран и освободил Трансоксанию от грабительства узбеков; однако многие военачальники племен не признавали еще моей власти; каждый из них хвастался независимостью перед своими вассалами, некоторые из подчинившихся мне говорили, что «так как все они имеют одинаковые права на управление, то было бы справедливо разделить между ними власть и преимущества». Но эти речи не охладили во мне стремления к верховной власти.

«Так как Бог только один, говорил я сам себе, а не имеет себе товарищей, то и правитель государства должен быть также один». В эту самую минуту Баба-Али-Шах, подошедши ко мне, сказал: «Тимур! Всевышний объявил, что если бы на небесах или на земле было два Бога, то порядок Вселенной нарушился бы». Слова этого святого

укрепили меня в моем решении. Я потребовал почерпнуть предсказание в священной Книге, и мне выпал следующий стих: «Мы сделаем тебя своим наместником на земле». По прочтении этого места, которое я считал для себя весьма благоприятным, я обратил все свои усилия на то, чтобы смирить эмиров, выражавших притязания на разделение со мною славы и могущества.

Я начал с того, что отправился к эмиру Ходжа-Берласу, которого я скоро склонил на свою сторону. Что до эмира Шейх-Мухаммеда, он всегда предавался пьянству и от этого умер.

После его смерти его область перешла в мою власть. Я послал предостережение эмиру Баязет Джелаиру, правившему областью Ходжента, но он не обратил на него внимания. Немного спустя его племя взбунтовалось против него, и он был приведен ко мне в оковах. Ласки, которыми я его осыпал, заставили его краснеть (за свое прежнее поведение).

Ильчи-Бугха-Селдуз поднял знамя независимости в Балхе; я удовольствовался тем, что противопоставил ему эмира Хусейна, провозглашавшего, что этот город - столица его предка Кархана. Мухаммед-Ходжа-Ирди из племени Тайман, захватив область Ширджан, объявил себя моим врагом, а я, дав ему другую область, сделал его своим верным слугой.

Князья Бадакшана, правившие этой страной, объявили мне войну. Я употребил по отношению каждого из них такую тонкую политику, что они рассорились, напали друг на друга и кончили тем, что возвратились в мое подчинение. Ки-Хосру и Альджету-Барди завладели областью Каталак и городом Археик. Я послал подкрепление Ки-Хосру, чтобы он мог захватить владения своего противника, который тотчас же прибегнул к моему покровительству.

Эмир Кезр-Ессурийский, подкрепляемый своим племенем, завоевал область Ташкента. Я постарался тогда восстановить согласие между Альджету-Барди и Ки-Хосру (о котором я только что говорил); я дал им военные отряды для того, чтобы разбить племя Ессуров. Их начальник, растерянный, пришел просить у меня защиты.

Спокойствие, водворенное мною в Трансоксании, бывшей до того добычей опустошения, увеличило значение моей армии. Племя Берляс (в котором родился Тимур) приобрело славу, а мои подвиги доставили известность войску царства Джагатая. Я предписывал законы всем коленам, воинам и народам Трансоксании; только несколько

крепостей, подчиненных эмиру Хусейну, не признавали еще моей власти. Мое величие и могущество возбуждали зависть в этом мире. Он осмелился объявить мне войну, Упреки самым священным своим клятвам. Он начал уже неприятельские действия; тем не менее я сделал попытки к примирению; он не удостоил их никакого ответа, и под видом притворного добродетельства, захватил у меня крепость Карши; некоторые из моих эмиров советовали мне открыто освободить ее, но я боялся, чтобы войска мои не были отброшены, и предпочел лучше до времени отказаться от осады, чей подвергнул себя опасностям, которые были с ней неразлучны... Я счел за лучшее поворотить в Хорасан, чтобы таким обрезом внушить гарнизону крепости убеждение в совершенной безопасности, а потом я намерен был осторожно возвратиться и произвести ночное нападение. Таким образом мы снялись с лагеря и ушли. Когда я переправился через Амуйэх, я встретил караван, шедший из Хорасана в Карши. Начальник его предложил мне подарки; я расспрашивал его о положении князей Хорасана и сказал, что иду в эту область. После этого я его отпустил, но предварительно принял предосторожность, приказав шпиону вмешаться в толпу, составляющую караван; я ожидал его на берегу реки. Возвратясь, он донес мне, что обо мне сказали эмиру Мусе: «Мы встретили на берегу Амуйэха эмира Тимура; ой идет в Хорасан». Это известие наполнило радостью сердце Муст и воинов эмира Хусейна. Они поставили пикет и разостлали пиршественные ковры. При этом известии я снарядил 243 отборных воина, столь же опытных, столько и храбрых, и во главе их переправился обратно через реку; форсированным маршем я достиг Ширкенда, где провел один день и одну ночь; двинувшись оттуда, я расположился лагерем в расстоянии одной мили от крепости Карши. Я отдал приказ приготовить лестницы, связанные веревками. Между тем эмир Джаку, преклонив колени, сделал мне следующее представление: «так как большая часть наших воинов осталась позади, то следовало бы обождать их прихода». Я последовал этому совету и решил употребить время, оставшееся до прибытия остальных отрядов, на исследование крепости. В сопровождении сорока всадников я направился к крепости, и, как только Она показалась, мы остановились; взявши с собой только Мобашара и Абдаллу, служителей, родившихся и выросших в моем доме, я отправился к самой крепости. Подойдя к крепостному рву, я увидел, что он наполнен водою. Поверх рва был проведен деревянный

желоб, пересекавший его поперек и доставлявший в крепость воду. Я передал коня одному из моих спутников и, перешедши ров по желобу, подошел к подножию крепости. Я отыскал ворота и постучал; так как никто не откликнулся, то я убедился, что стража заснула. Враги имели предосторожность засыпать ворота землей. Не будучи в состоянии войти, я обошел крепость кругом, чтобы найти удобное место для подстановки лестницы, затем я сел на лошадь и возвратился к своим воинам. Отряд, оставленный позади, был снабжен всякими орудиями, и я лично привел его ко рву, который мы перешли по желобу; когда лестницы были укреплены у основания стены, то воины быстро стали влезать на нее: 40 храбрецов вошли в крепость, а я следовал за ними; затрубили в трубы, и я, благодаря Всемогущего, овладел крепостью. Эмир Хусейн, чтобы вознаградить только что понесенную потерю, прибегнул к хитрости и притворству; он хотел под личиной искренности и дружбы завлечь меня в свои сети. Чтобы избежать козней этого изменника, который не пренебрегал ничем, лишь бы овладеть моей особой, я прибегнул к таким же средствам.

Он прислал мне Коран, на котором дал клятву «Теперь мое сердце не будет питать к тебе никаких других чувств, кроме дружбы и братской любви». Он прибавил еще: «Если мои чувства не соответствуют моим словам, если, презрев свои клятвы, я осмелюсь нарушить свои обещания, то пусть Божественная Книга накажет меня!» Я знал, что он мусульманин, и поверил его словам. Затем прибыл гонец и от его имени просил у меня свидания в долине Чекчек, чтобы возобновить наш прежний союз. Его намерением было захватить меня изменой. Я хорошо знал, как мало следовало ему доверять, но из уважения к священной Книге я решил ехать на свидание.

Однако я принял предосторожности и скрыл отряд смелых воинов поблизости ущелья, куда я отправился с другим отрядом.

Я спросил тех из моих друзей, которые служили под знаменем эмира Хусейна, уведомить меня о намерениях господина; Шир-Бехрам, бывший в числе их, оказал мне эту услугу. Хусейн, узнав об этом, приказал его умертвить и затем направился навстречу мне с 1000 всадников.

Я спускался в долину, когда узнал о его намерениях. Не медля долее, я построил свой отряд в боевой порядок. В то же время заметили неприятельских гонцов, и мои караульные посты донесли мне, что «это армия эмира Хусейна, но его самого нет. Когда он узнал, что ты один, то

ограничился посылкой отряда, чтобы захватить тебя». Я был готов так же, как и мои 200 воинов, но, выжидая, пока отряд Хусейна вступит в ущелье, я приказал воинам, посланным вперед, отрезать им выходы к отступлению. Затем я напал на врагов, и так как они не находили никакого выхода, то я взял множество пленных; собрав всех воинов, я возвратился в Карши. Тогда я убедился, что друг полезен во всех случаях жизни.

Я написал Хусейну следующие стихи на тюркском языке: «Зефир, скажи этой красавице, раскинувшей сети коварства, скажи ей, не замечала ли она когда-нибудь, что коварство обрушивается на голову человека, задумавшего это коварство?»

Получив это письмо, эмир Хусейн покраснел и понял всю глубину своего позора. Он извинялся передо мною, но он уже потерял мое доверие, а его речи не могли больше внушить мне его. Вот каковы были мои распоряжения, чтобы очистить Туран от последних узбеков, пощаженных оружием.

Когда Джеттская армия и Элиас-Ходжи очистила Трансоксанию, как только я прогнал ее за реку Ходжента, многочисленные отряды узбеков утвердились в фортах этого государства. Я бы конечно послал против них войско, но побоялся, что эта война слишком затянется.

Узнав, что узбеки заперлись в своих укреплениях, я понял, что было бы неразумно открыто напасть на них, и я употребил хитрость.

От имени их начальника Элиас-Ходжи я написал им приказание выступить и письмо поручил одному узбеку, дав ему в сопровождение отряд. Эти воины должны были поднять большое облако пыли, чтобы быть лучше замеченными.

Враги, прочитав приказ Элиас-Ходжи, который отзывал их, и видя облако пыли, поднятое отрядом, покинули укрепления, но из предосторожности выступили под покровом ночи. Таким образом освободилась Трансоксания от притеснителей, которые клялись погубить меня; и это царство совершенно покорилось мне. Из уважения к узам кровного родства я отдал эмиру Хусейну город Балх и Гиссар Шадаман. Этот князь, нечувствительный к моему великодушию, думал только о том, чтобы погубить меня, и этим принудил меня стараться погубить его самого.

Блеск моих побед и торжеств раажег его зависть. Не было неприятности, которую он не постарался бы причинить своей сестре, жене моей. Этот ожесточенный враг ничего не забывал, лишь бы

только погубить меня. Много раз дело доходило до столкновений, и столько же раз он терпел неудачу. Я уже не мог больше выносить его крайней жестокости и его неприязненности, когда, возмущенные его поведением военачальники его, также недовольные им, как и я, покинули его. Он умертвил брата правителя Коттолана, и этот последний возмутился.

Его эмиры давно уже были его самыми заклятыми врагами, так что он не мог уже рассчитывать на их дружбу. Все еще полный замыслов, направленных к моей гибели, он перенес свое местопребывание в местность, лежащую вне пределов Балха. После этого я хорошо понял, что для меня настало время напасть на него, прежде чем он успеет сделать какое-либо новое передвижение. Собрав всех воинов, какие только были около меня, я выступил с ними в поход. На пути к Балху я видел, как со всех сторон ко мне спешили мои непобедимые полки; мы стали лагерем близ этого города. Хусейн выступил навстречу, но все усилия были тщетны; вынужденный удалиться в цитадель, он подвергся участи, которая была ему предназначена.

Все те, которые старались вредить мне, теперь не без основания опасались меня, ибо, бросив взгляд на свое прежнее поведение, они не могли надеяться на мое снисхождение. Тем не менее вот как я обошелся с ними.

Когда эмир Хусейн попал в мои руки, его слуги и военачальники боялись, чтобы я их не осудил на смерть. Это и было сначала моим намерением, но так как они все умели владеть оружием, то я предпочел пощадить их и зачислил в свои полки.

Главнокомандующий Хусейна, правивший Бадакшаном, много раз поднимал против меня оружие, но узнав о смерти своего господина, он побоялся моего лицемерия и собрал свои войска. Он не стоил того, чтобы я двинул на него всю армию.

Я показывал вид, что забыл о нем, а между тем старался хвалить его на собраниях, среди моих друзей. Я превозносил его мужество в самых восторженных выражениях, так что друзья его написали ему; «Тимур расположен простить тебя и примет тебя благосклонно». Изъявив мне покорность, этот правитель, вполне доверяя моему благородству, просил меня принять его в число своих приближенных.

План, которому я следовал, чтобы занять Герат, столицу Хорасана

Язавоевал области Балха, Гиссар-Шадамана и Бадакшана. Эмир Хусейн был только что умерщвлен. При слухе об этих событиях Гейазэддин, владетель Хорасана, стал опасаться за свою столицу. Он собрал армию и принял оборонительное положение.

Благоразумие присоветовало мне усыпить бдительность хорасанцев кажущуюся безопасностью. Я сделал вид, что всё внимание свое я устремил на Самарканд, и вскоре был уведомлен письмом моего доверенного советника, что Гейазэддин предался тиранству и совершает невероятные жестокости.

Известие о моем возвращении в Самарканд совершенно успокоило Гейазэдина; тогда я сказал себе: «Воспользуюсь моментом, когда хорасанцы не думают обо мне, и сделаю на них нападение».

Покинув окрестности Балха с значительным гарнизоном, который я оставил в городе, я с величайшей осторожностью достиг Ерата, гдея захватил врасплох Гейазэдина. Этот князь, лишенный всякой помощи, вышел из города и предложил мне свои сокровища, свои владения и царство. Хорасан был покорен, и эмиры области перешли в мое подданство.

За завоеванием Хорасана последовало покорение Систана, Кандагара и Афганистана. Я расскажу, как покорены эти страны.

По завоевании Хорасана мои военачальники советовали мне послать военные отряды в эти три царства.

Я отвечал им: «Если бы мои войска нашли эти экспедиции слишком для себя обременительными, то мне самому необходимо было бы заняться ими, а я теперь обременен делами».

Поэтому я счел за лучшее написать правителям этих областей пригласительные письма следующего содержания: «Если вы идете ко мне, то продолжайте путь, а если желаете оставаться, делайте, что вам нравится».

Исход соответствовал моим ожиданиям. По прочтении этого письма они действительно положили покорное чело на порог повиновения. Бот мои распоряжения для того, чтобы победить Уруз-хана и завоевать великую Татарию. Когда Тохтамыш, разбитый Уруз-ханом, прибегнул к моему покровительству, я долго обдумывал, верить ли ему войско или идти мимо.

Между тем прибыл посол от Уруз-хана; я решил обойтись с ним благосклонно и также отпустить его. Однако мои воины обложили все дороги в великую Татарию, а один отряд пошел по следам этого посла,

ибо я решил сделать неожиданное нападение на Уруз-хана на следующий же день после того, как посол, уверенный в полной безопасности, должен был возвратиться к своему господину, тоже не предвидевшему никакой опасности.

План удался, как я и надеялся; посол делал сообщение своему господину, и в это время мои отряды напали на Уруз-хана с стремительностью неожиданного удара бичом; они не встретили никакого сопротивления, враги обратились в бегство, и великая Татария мне покорилась.

Вот каковы были мои планы для завоевания царств Килана, Джарджана и Мазендерана, Азербайджана, Ширвана, Фарса и Ирака

На жалобы, с которыми обратился ко мне народ Ирака против тирании Мазаффаров (их правителей) и других князей страны, я ответил походом в эту страну.

Следовало опасаться, чтобы государи этой страны не заключили против меня союза; я по крайней мере должен был приостановиться встретить их. Мои военачальники посоветовали мне, прежде чем выступить в поход, запастись всеми военными припасами.

Я принял твердое намерение покорить эти области одну за другой и сурово покарать тех, которые осмелились бы мне сопротивляться.

Первый, кто попросил моего покровительства, был эмир Али, правитель Мазендерана. Он прислал мне подарки и присоединил к ним следующее письмо: «Мы, потомки Али, всегда довольствовались этою областью. Завладев ею, Вы выкажете свое могущество, но если Вы пощадите ее, то ваше поведение будет более согласовываться с милосердием».

Покорность князя Мазендерана была для меня счастливым предзнаменованием. Я обратился затем на царство Килан и Джарджан. Правители отказали мне в покорности, и я послал против них свои победоносные полки и лично повел армию на Ирак. Я овладел Испаганью и из доверия к жителям возвратил им цитадель, но они, возмущившись, зарезали правителя, поставленного там мною, и 3000 моих солдат. Я тотчас же приказал истребить всё население.

Вот каков был мой план для завоевания (уже во второй раз) Ширази, столицы Фарса, и остальной части Ирака

Я отдал этот город потомкам Мазаффара и оставил в Испагани гарнизон в 3000 человек. Когда я хотел уже вести армию в великую Татарию, чтобы усмирить Тохтамыша, я узнал, что жители Испагани казнили моего правителя, а жители Ширази сошли с пути повиновения. Эти происшествия побудили меня во второй раз объявить войну (Ширазу) Ираку. Я собрал 80000 человек. Но опасение найти место, которое бы могло содержать столь многочисленную армию, принудило меня ввести ее в страну несколькими отрядами.

Поэтому я разделил свою армию на три армии, которые я послал вперед. Разные отряды, собравшиеся в Ирак, были рассеяны, и я повел армию в Шираз. Правитель этой столицы Шах-Мансур осмелился бороться со мной и получил кару, которую заслуживал.

Меры к поражению Тохтамыш-хана

Занятые преследованием этого князя по пустыням великой Татарии в течение целых 6-ти месяцев, мои утомленные войска начали сильно страдать от сильного голода; уже много дней они не получали другой пищи, кроме той, какую могла им доставить охота и яйца птиц пустыни. Тохтамыш, узнав о состоянии моих воинов, решил, что более удобного случая ему уже не представится, а потому напал на меня с армией столь же многочисленной, как саранча или муравьи.

Мои воины были усталы и голодны, его - напротив, - свежи. Мои полководцы и военачальники совсем, казалось, не были расположены сражаться, пока мои сыновья и внуки, преклонив колени, не поклялись мне в совершенной преданности. Я подкупил неприятельского знаменосца; он обещал мне повергнуть свое знамя, когда обе армии вступят в бой.

Когда мои военачальники узнали, что мои сыновья и внуки преклонили предо мной колени, их мужество пробудилось, и они дышали только битвой.

В авангард я поместил внука своего Мирзу-Абубекра с 8000 всадниками, и в самом разгаре схватки приказал им раскинуть палатки и приняться за приготовление еды. В ту же минуту знамя Тохтамыша было повергнуто, этот князь, растерянный, обратился в бегство,

предоставив свою армию всем ужасам уничтожения.

Завоевание Багдада - Дома Мира и Ирак-Араби

Когда я покорил Ирак-Аджеми и Фарс, мой доверенный советник написал мне следующее письмо: «Бог, властитель Ирак-Араби и Ирак-Аджеми (покоривший даже тебе одну из этих областей), отдает тебе и другую». Я послал посла к султану Ахмед-Джелаиру, князю Багдада. Мне необходимы были точные сведения о его действиях, храбрости и силе его армии. По прибытии из Багдада, мой посол написал мне: «Султан Ахмед-Джелаир - живой кусок мяса, имеющий два глаза». Я положился на Всемогущего и форсированным маршем внезапно подступил к Багдаду. Султан, обратившись в бегство, укрылся в доме Кербана, а Дом Мира покорился мне.

План поражения Тохтамыш-хана

Побежденный Тохтамыш, счастливый тем, что не попал в мои руки, послал грозную армию в царство Азербайджана и возбудил там смуты и беспорядки. Я же, только что окончивший завоевание обоих Ираков, принял для примирения его не иную какую-либо меру, а лично повел армию в великую Татарию по Дербентской дороге.

Я сделал смотр своей армии, которая, построившись в боевой порядок, занимала пространство в четыре фарасанга (4 мили). 3 апреля я воздал благодарение Богу.

Перешедши реку Семур, я написал следующее воззвание к народу и племенам великой Татари: «Всякий, кто идет ко мне, может продолжать свой путь, кто хочет оставаться, волен и в этом».

В 797 году я вступил в великую Татарию и проник до крайних пределов северных стран. Народы этих стран, осмелившиеся мне сопротивляться, были рассеяны и уничтожены. Области, орды и крепости пятого и шестого климатов были покорены, и я возвратился победителем.

Поход в Индостан

Моей первой заботой было увериться в намерениях моих сыновей и эмиров.

Мирза Пир-Мухаммед-Джиганкир сказал мне: «Когда мы завладеем Индией, то золото этой страны сделает нас властителями мира». Мирза Мухаммед-Султан сказал мне: «Следовало бы завоевать Индостан, но страна эта имеет много оград: во-первых, моря, во-вторых - леса и пустыни, наконец, воины, вооруженные всякими снарядами, и слоны, давящие людей». Мирза Султан-Хусейн сказал мне: «Завоевание Индии подчинит нашему владычеству четыре климата». Мирза Шах-Рах сказал мне: «Я читал в Тюркских летописях, что существует пять великих царей, которых настоящих имен они однако не приводят из уважения в их могуществу. Царь Индии называется Дари (Дарий), царь Анатолии - Кисер (Цезарь), Китая - Фагфур, Туркестана - Какан (великий царь), государь Персии и Трансоксании (Ирана и Турана) имеет титул Шахиншаха (Царя царей). С незапамятных времен власть этого последнего признается в Индии, и так как мы завладеем Персией и Трансоксанией, то мы не можем отказаться от присоединения Индостана».

Мои эмиры в свою очередь говорили мне в следующих словах: «раз мы сделаемся владетелями Индостана и оснуем там свое пребывание, то мы погубим своих потомков; наши дети и внуки вырождаются, смешаются с туземцами, от которых они переймут даже язык».

Я так сильно желал завоевания Индии, что ничто уже не могло меня отвлечь от этого замысла. Я удовольствовался тем, что дал эмирам такой ответ: «Я обращаюсь в Всемогущему, сказал я им; Коран даст мне предзнаменование войны, и я хочу знать волю Бога, чтобы сообразоваться с нею». Эмиры одобрили мою мысль. Открыв священную Книгу, я напал на следующий стих: «Пророк веди войну с небрежными и беззаконными».

Ученые объяснили смысл этого стиха эмирам. Но последние, опустив голову, не произнесли ничего; их молчание сжало мое сердце.

Сначала я хотел лишить должностей всех тех, которые не одобрили завоевания Индии, и отдать их полки и их отряды их заместителям. Но так как они способствовали моему возвышению, то я не мог решиться погубить их; я сделал им только выговор, и хотя они растерзали мое сердце, но как только они приняли мой план, всё было забыто.

После нового совещания я приказал двинуть свои шатры в сторону Индостана и произнести молитву о победе.

Моим намерением было вести войска к столице этой страны. Мирза Пир-Мухаммед-Джиганкир находился в Кабуле с 30000 всадников,

составлявших левое крыло армии. Я приказал ему направиться к горам Солимана, перейти Зенд и приступом овладеть Мултаном. Султан Мухаммед-хан и Мирза Рустем с другими эмирами, предводившие 30 000 всадников моего правого крыла, также получили приказание перейти Зенд и сделать вторжение в провинцию Лагор, следуя вдоль гор Кашмира. Я сам двинулся с 32000 всадников составляя центр армии.

Моя соединенная армия простиралась до 92 000 всадников. Это число равно и совершенно соответственно числу имен Мухаммеда, посланника Всевышнего. (Пошли ему Бог мир и милость так же, как и его потомству.) Это совпадение было для меня счастливым предзнаменованием.

Я сел на лошадь и остановился лагерем только у Эндероба, на границах Бадакшана, покорив неверных Кетуерских гор, я исключительно занялся священной войной с Индостаном.

Вот меры, которые я принял к тому, чтобы очищать дорогу в Индию от Уганисов, узнав о разбоях, которые они там совершали. Муса-Угхан, начальник колена Керкес, был во главе их. Он напал на Лашкер-Шах-Угхана, одного из вернейших моих военачальников, которому Мирза Пир-Мухаммед-Джиган~ кир не затруднился доверить охрану крепости Ираб; убив его, он захватил всё, что нашел у него.

Тотчас Малек-Мухаммед, брат этого несчастного, поднял крик и известил меня о том, что жестокость Мусы лишила меня слуги наиболее мне преданного.

Я приказал арестовать Малека, объявив, что верность Мусы мне хорошо известна. Мои эмиры много говорили об этом несправедливом поступке. Взятие Малека под стражу и слова, сказанные мною при этом, внушили столько доверия Мусе, что он, как только прочитал мое предписание, без всяких подозрений тотчас же сдал мне крепость.

Когда я прогуливался вокруг крепости, один вражеский воин пустил в меня стрелу, и Муса вскоре получил вознаграждение, которого заслуживал; после того путь в Индостан был мне открыт.

Мои распоряжения для победы над Махмудом, правителем Дели, и Малуханом

Махмуд, правитель Дели, и Малухан, его главнокомандующий, тотчас позаботились о безопасности этой столицы Индии и приготовились

вести со мною войну. Они имели армию в 50000 человек пехоты и конницы со 120-ю слонами.

Вместо того, чтобы заняться осадой Дели, что очень затянуло бы войну, я предпочел уверить Махмуда, что мои войска слабы и робки, дабы он, увлеченный самоуверенностью, сам завязал сражение. Я приказал вырыть вокруг лагеря моей армии ров и укрепился в этих окопах, а часть войска послал атаковать врагов. Мои солдаты получили приказание выказать как можно больше слабости и трусости, чтобы внушить смелость моим противникам.

Гордые своими победами, эти последние пустились в равнину Я и с презрением отнеслись к моим непобедимым полкам. Султан Махмуд завязал сражение, но вскоре отброшенный с уроном принужден был отступить к горам. Огромные богатства этого правителя, состоявшие столько же из денег, сколько из имущества, сделались добычею воинов. Менее чем в год я завоевал столицу Индии, а к концу того же года я возвратился в свой царственный Самарканд.

Завоевание царства Грузии

Я не отдохнул еще от трудов моего последнего похода, как уже получил донесение правителей обоих Ираков, жаловавшихся на то, что «неверные жители Грузии преступили границы (долга)». Я всегда был убежден, что занятие, наиболее достойное князя, это - поддерживать священные войны, бить неверных и стараться завоевать мир. Известие о вторжении вероломных грузинцев заставило меня опасаться, чтобы слишком большая медлительность (в наказании их) не дала времени мятежникам разжечь возмущение, а потому я поспешил усмирить их. Воинам, участвовавшим в Индостанской экспедиции, было предоставлено оставаться дома или сопровождать меня. Я отдал приказ войскам Хорасана, Кандагара, Систана, Кермана, Табаристана, Килана, Мазендерана и Фарса приготовиться к походу и двинуться к стенам Испагани, чтобы соединиться с моими победоносными полками. Моим всадникам правилом было стараться рассеять мятежников во всех странах, поэтому я послал в Туран мятежников Хорасана и Фарса и достиг того, что очистил от них эти две страны.

Затем всё свое внимание я направил на завоевание Грузии и точно следовал плану, одобренному моими воинами. Со стальным шлемом на голове, с грудью, покрытой панцирем Давида, с египетским мечом на

бедре я взошел на трон войны.

Я двинул воинов Турана, храбрецов Хорасана и героев Мазендерана и Килана. Мы взяли крепость Сиваса и укрепления Грузии; все найденные там жители были преданы мечу; мои победные полки разделили добычу; я жестоко наказал мятежников Азербайджана. Тотчас после этого похода я пошел к крепости Малатиох (Меллипель), которая вскоре была покорена, так же, как и ее окрестности. Освободившись от этой заботы, я перенес свое внимание на Алеп и Эмес. Завоевание этих стран стоило мне очень мало и, не теряя времени, я решил присоединить к ним Египет и Сирию.

Завоевание Египта и Сирии

Баязет хорошо знал о моей силе и могуществе, но когда он узнал, что я овладел крепостями Себаем и Милетом и землями им принадлежащими, а также что я разбил и рассеял войска, которые он содержал в этих крепостях, то не мог сдержать своего негодования, и наконец, уступая подстрекательству Юсуфа, Гуркоманского князя, который, избегая меня, укрылся у него, Решил объявить мне войну. Этот государь был близок к своей гибели; Юсуф убедил вести против меня войско. Он выступил в поход с огромной армией, а кроме того, получил еще подкрепление из Египта и Сирии. Я полагал, что мне будет более выгодно разделить свои войска на три отряда, но так как победа и поражение равно скрыты под покровом Рока, то я спросил многих своих эмиров, и они дали мне совет чисто военный: «пойдем в битву», сказали они мне.

Но я хотел сначала умерить пыл Баязета. Поэтому я написал ему письмо следующего содержания: «Хвала Богу, Властителю неба и земли, покорившему моей власти большую часть 7 климатов и допустившему, чтобы владетели и повелители мира склонили выю под мое ярмо. Да будет милостив Господь к смиренному рабу, который знает пределы, предписанные ему, а не преступает их дерзкою стопою. Все знают о твоём происхождении, и неприлично человеку твоей крови выдвигать впредь надменную ногу, ибо ты мог бы низвергнуться в бездну скорби и несчастья; не поддавайся наущению тех несчастных, которые ищут тебя, чтобы преследовать свои личные цели и которые исторгнули разрушение из сна, в который оно было погружено. Берегись отворять разорению и несчастью врата твоего царства. Пришли ко мне тотчас

Кара-Юсуфа, в противном случае при столкновении наших армий всё, что скрыто под покровом Рока, откроется тебе». Знатные послы отдали это письмо Баязету. Я составил сейчас же план похода в столицу Сирии. Я пошел по дороге в Эмес и Алей. Когда я прибыл в этот последний, то мне сказали, что царь Ферадж при слухе о моем походе выехал из Египта в Дамаск.

Я не мог, при всём старании, воспрепятствовать соединению войск Сирии и Египта, ибо этот султан обогнал меня, вошел в Дамаск, но и пришедши после него, я не оставил намерения овладеть этим городом.

Завоевание городов Рума (Анатолии) и поражение Баязета

Сирия была покорена; царь Фарадж обратился в бегство, уклоняясь от сражения, между тем как мой посол, возвратившись из Рума с непристойным ответом Баязета-молниеносца, донес мне, что при известии о поражении сирийской и египетской армии этот князь казался изумленным и пораженным и, по-видимому, даже оставил свои планы военных действий.

Когда Дамаск и другие города Сирии покорились мне, я сначала двинулся было по дороге в Мусул, чтобы идти к Багдаду, но затем я счел за более благоразумное поворотить в Азербайджан, чтобы точно узнать, остается ли Баязет всё при тех же планах.

На пути к Тавризу, столице Азербайджана, я послал вперед к Багдаду несколько мирз с грозным войском. Султан Ахмед-Джелаир вверил одному из своих слуг по имени Фараку охрану города и крепости, оставив ему войско и необходимые припасы.

Мирзы, обложив город, повели превильную осаду и послали мне уведомление о ней.

Реши покорить этот город и его цитадель, я быстро оставил дорогу в Тавриз, чтобы идти по дороге в Багдад, немедленно отысканной мною. Благоразумие, подкрепляемое упорною храбростью, отстранило предо мною все препятствия; наконец после осады, продолжавшейся месяц с несколькими днями, я совершил свое победоносное вступление в город и цитадель. Фарак, его бывший правитель, утонул в Тигре. Всех мятежников я предал казни и приказал разрушить дома и крепости этого города.

Из Багдада я пришел в Азербайджан, где и пробыл несколько времени. Тогда Баязет приказал войскам пробраться к Алепу, Эмесу и

Диарбекиру. Между тем подлый туркоман Кара-Юсуф занимался грабежом караванов двух священных городов, и ко мне собралась толпа просителей, умолявших меня о защите против этого разбойника. Я счел себя обязанным усмирить Кара и разбудить Баязета от сна беспечности.

С этой целью я потребовал отрядов от городов и колен. Получив их, я вышел из Азербайджана в месяце Реджеб, в 804 году от Гиджры, чтобы вести войну с Кисаром.

Я отрядил различные части моей армии, одну в поход на царство Рума, другие - охранять посты, воду и провиант. Сам я двинулся по дороге в Аякуриах (Ансир); Баязет во главе 100 тысяч воинов, наполовину всадников, наполовину пехоты, вышел мне навстречу. Завязалось сражение, и я его выиграл. Баязет был побежден, взят в плен и приведен ко мне. Наконец после семилетней войны я возвратился победителем в Самарканд.

Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию ⁵ ПРЕДИСЛОВИЕ

Во имя Аллаха милостивого, милосердного, к которому обращаемся за помощью!

Хвала государю мира, - да возвеличится его имя и да прославится упоминание его! - который в это счастливое время ввел шар земли в могущественный чауган полного величия обладателя счастья эмира Тимура, хвала ему, небо достоинства которого, как достоинство неба, не подлежит никаким сомнениям, который сделал поверхность земли ареной для прогулок чистокровного коня счастья хаканского, превознесенного до неба. Хвала тому, который степень величия своего, выходящего из пределов, постигаемых умами, и бразды правления делами мира вложил в могущественные руки миродержца эмира Тимура, который на ристалище насаждения правосудия и распространения справедливости обогнал всех властителей мира в назидание всем сожигателям мира великим завоевателям, развязав пояс отваги у самого Марса. Хвала тому, который вложил во властные

⁵ * Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию. М, 1958.

руки обладателя счастья эмира Тимура ключ покорения и победы, сокрушающий удар которого поражает грудь ночи в раннее утро, а от удара его меча разящий кинжал солнца прячется в ножны мрака. О непорочный Аллах, ты такой государь, который своим всеобъемлющим совершенством вручил восток и запад мира такому великому человеку как эмир Тимур, поскольку его счастливое рвение ограничено благоденствием твоих рабов, и который подчинил все страны и земли Ирана и Турана своему мирозавоевательному знамени, ибо его благородная мысль преизобильна и беспредельна в отношении безопасности и постоянного спокойствия сих стран. Ты такой творец, который своим превосходным созиданием связал благоденствие земнородных с своим самодовлеющим бесподобным бытием, что служит проявлением твоей милости и гнева как творца. Хвала тебе, который освободил тварей мира, блеском счастья и светом правления могущественного, как небо, хакана, из мрака тирании и от темноты невежества.

Коловратность времени и неподвижность полюса произошли от тебя. Сад бытия и вода жизни созданы тобой.

Боже, каким языком мы воздадим тебе благодарность за эти великие благоденствия, осязаемые результаты которых видны во всех странах мира, как свет блистающего солнца? Какими словами нам благодарить тебя за эти великие дары и бесконечные милости, всё полезное от которых сверкает во всей вселенной подобно сиянию освещающего мир солнца?

По этой волнующей реке и безбрежному морю, сочащиеся капли вод которых попадают в страны и большие города, мы судим об обилии твоей всеобъемлющей милости. Через этот блестящий солнечный свет и это яркое солнце - кои да пребудут до пределов возможности постоянны! - мы в поисках твоего милосердного лица увеличиваем свет нашего зрения.

Он царь владения - познание его составляет потребность души; упоминание о нем успокаивает дух; нахождение его - вечная собственность; служение ему лучше, чем блаженная жизнь в загробном мире; одно дыхание с ним лучше всего, что есть на земле и на небе; все твари суть проявление его могущества; властители мира взлелеяны его милостью; шеи упрямых гордецов - в аркане его величия и гнева, а сердца его друзей - в саду его прелести и благорасположения. Славословящие вышний мир перед чертогом его славы, опоясавшись

поясами устранения внушаемого им ужаса и уважения, внемлют его повелению, созерцают все его деяния и постигают все капли моря его величия и славы. Вследствие этого я славлю того, который всемогущ, в море величия которого заблудились умы и возвратился вспять разум, не постигнув его могущества.

Да пребудут многочисленные благословения в жертву священного духа, сущности существующего, господину всего сущего, лучшему из творений и свету очей людей созерцательной жизни пророку Мухаммаду!

Он посол, который является солнцем, украшающим мир, ибо свет на его благословенном челе. Он стал царем планет, как роза, увеличивающая задушевную близость, вследствие обожания ее людьми, стала царицей всех душистых трав. Из его беспредельных добродетелей воссияла тысяча солнц объяснений, и в каждой пылинке их лучей много таких изъяснений добродетелей пророка. Из бесчисленных восхвалений его возникли тысячи свечей для каждого кружащегося вокруг них мотылька.

В темную ночь, когда луна показывает свое лицо, мир становится освещенным, а небо озаренным, во мраке судного Дня, когда печать молчания будет на языках всех и все люди падут от ужаса на колени и от страха перед днем всеобщего восстания мертвых и перед предстоящим великим отчетом их печени мучительно сожмутся, а глаза наполнятся слезами, - тогда внезапно появится на горизонте божественной мудрости лупа украшающей сердце красоты, жемчужина избранного моря и блестящая звезда на столь же избранном небе и у людей истинной веры возникнет свет очей надежды на спасение и блеск предвидения вечного блаженства. Необходимо знать, что это уподобление вызывается причиною уразумения умами значения Мухаммада в день страшного суда, а иначе красота и совершенство пророка последнего времени и наилучшего из творений земли и неба превыше того, чтобы сравнивать их с красотой полной луны или уподоблять солнцу.

Достоинство его величия есть феникс, обитающий на Кафе почета. Птице, выставляемой им в качестве приманки, не делается объяснений охоты никаким вразумлением и никаким воображением. Его чистое сердце есть перл, происшедший из глубины моря величия; predeterminedенные ему свойства невозможно взвесить на весах сравнения. Первая добыча, которая попала в сет бытия, было его

бесподобное существо, а первый цвет фруктовых деревьев, который стал распускаться в саду творения, была его драгоценная душа. Сказал посол Аллаха: «да благословит его Аллах и да приветствует!» - «Я был пророком и человеком, чтобы быть брошенным между водою и глиною».

Ноги воображения и руки мысленного представления далеки от сфер!» его величия и от подножия его высокого положения; высота его степени заставила сесть на наименее почетные места небесные звезды; небесный мир находится в подчинении его выдающихся помыслов; высокая точка двух ярких звезд Фаркадайна - подножие достоинства неба его могущества; его великодушная мысль осведомлена о тайнах неба и о секретах судьбы; блеск его благословенного лица есть зеркало божественного искусства.

Перед его пророка высокою энергией всё иное, кроме Аллаха, есть фантастическая точка и ничего не стоящий атом. Перед солнцем его величия и по сравнению с высотой его нравственных принципов государь планет в положении высокого Алькора, этот продукт двух миров, - ничтожен. Оба мира по отношению к накрытым столам его благодеяний и милостей являются тем, что бог послал.

Во время его пророческой миссии проявились разные чудеса, вроде того, что луна раскололась надвое, заговорило дерево и, двинувшись со всеми своими корнями, приблизилось к нему, а затем по его приказанию возвратилось опять на свое место; произнесли хвалу Аллаху мелкие камни, бывшие в его руке; вода вышла из его благословенных пальцев в таком количестве, что тысяча пятьсот человек его сподвижников совершили ею омовение, насытились ею досыта; напоили четвероногих и удовлетворили свои прочие нужды; он насытил незначительным количеством пищи «людей рва» в доме Джабира, сына Абдаллаха Днсари; посмотрел на Сурака, сына Малика, и разверзлась земля и поглотила его с конем. Он обратил в бегство многочисленное войско, бросив в него одну горсть песку. Как сказал всевышний творец: «Не вы убивали их, Аллах убивал их, не ты бросал песок, когда бросал его, но Аллах бросал его и поражал». Сухой колодец в местности Худайбийя от остатка его омовения и путем погружения в него копыта пророка стал полон воды; заплакал столб во время перемещения кафедры мечети; заговорила шкура отравленного барана: «Не ешь моего мяса, ибо я отравлен!» Имеются и другие предания о событиях и деяниях его, например, о том, что все сокровища

персидских царей и римских кесарей растрачиваются на пути к всевышнему истинному госуду, что Йемен, Сирия и Ирак оказываются покоренными пророком. Вообще чудеса посланника - да благословит его Аллах и да приветствует! - неопишуты и неизяснимы. Наиболее великое из всех чудес - преславный Коран, благородная книга и великое творение, озарение сердец людей, знакомых с исламом, и зеркало души познавших его, светильник в груди исповедующих единство божие, и успокоение страдальцев, целительный пластырь для болящих, и весна души друзей предвечной истины, предписание для царей и пример, достойный подражания для всех счастливых мира, указание и доказательство для высокодостоинных имамов и ученых теологов. Каждая буква преславного Корана есть светоч, возженный от величайшего света, он есть солнце, взошедшее с востока хакиката и поднимающееся в своем движении по небу величия. Всё, что является качествами созданий и огорчениями рода человеческого, закрывается тем светом Корана, и пока это его покрывало находится па месте, преступно стремиться к устранению его света.

Из всех чудес посланника людей и духов - да почуют на нем благословения Аллаха и его приветствие! - одно проявлено в наше время по предыдущим словам о помощи роду человеческого: дарованы знамена правой вере наличием существования солнцеподобного, могущественного, как небесная сфера, и победоносного государя, который просторы мира ввел в сферу своей власти и прочно заделал усилиями своих воззрений ту щель, которая обнаружилась в руководящих правилах мусульманства вследствие злополучных новшеств разных философов. Будучи ошастливлен божественною помощью, он поднял до вершины кипариса значение мусульманской церкви, благословением божественного блеска возжег лицо веры избранника Мухаммада, которое уподобилось напоенному красному тюльпану. Он обласкал и взлелеял людей истинной веры и увеличил беды, потери, Унижения и ничтожество еретиков и богоотступников. Тысячи приветствий да будут чистому духу и живому телу главы пророков, а вместе с тем и всем чистейшим суфиям, ибо благословением его молитвенных призывов перо их писаний соделалось цветущим и необычайно свежим. Частица солнца и капля моря его достохвальных качеств вошли в нить повествования об их подвигах, и подол надежды мистиков оказался наполненным отборным жемчугом. Да будут бесчисленны восхваления семейству посла Аллаха

и его друзьям; из этих восхвалений исходит зефир искреннего расположения к нему, и из воссоздания этих похвал возникает аромат верности их заповедям, потому что благодаря письменным памятникам, в которых сохранились решения членов дома пророка и его сподвижников, благодаря шагам их правдивости и их благочестию украсились пределы божественного закона и разума, а двор со скамьею чистоты людей мистического пути и сад верности их своим обетам получил убранство и отменную ценность.

После сего так говорит составитель этой истории Али ибн Джамал ал-Ислам, - да соделает Аллах правдивым его отношение к ней и да простит его и прочих мусульман, которым высшая истина - да будет она прославлена и возвеличена! - говорит в преславном Коране языком друга господина Ибрахима, - да почиют благословения Аллаха на пророке нашем и на нем! - который вознес такое моление святейшему величию господина: «Соделай мне язык правды для последующих поколений и поставь меня в числе наследников блаженств райского сада». Этими словами Ибрахим просил у самого милостивого из милостивых - да будет он прославлен и возвеличен! - две вещи: одна из них - доброе имя, которое есть вечная жизнь и второе существование, и другая - вечный рай и вечное царство, которые всегда пребуд неувядаемыми и никакой ущерб их не коснется; обитатели всегда живут, потому что никогда не умирают и телом все! здоровы, ибо не болеют; они молоды, потому что всегда юны; они богаты, ибо не испытали бедности; они добрые соседи, чувствующие друг к другу зависти; они являются искренними друзьями, на лицо дружбы их не садится пыль разногласия. Из этого стиха Корана со всею ясностью следует, что обитателям сего тленного мира и временного обиталища ничего не останется, кроме благих молитвенных обращений к божеству, прекрасных хадисов пророка и похвальных ему слов.

О мудрые счастливые друзья и понятливые разумные люди из мира святости доходит до ушей ума, что доброе имя, как и плохое, прочно запечатлевается на скрижалях времени. Блаженствующие счастливы и рассудительные баловни судьбы в точности знают, что польза, извлекаемая из драгоценной человеческой жизни, заключается в добром имени и луч, который засветит от света жизни и навсегда останется на земле, есть луч постоянного понимания отошедшего человека добром.

От доблестей прежних государей не осталось никаких следов, кроме

интересных сообщений, написанных учеными в лучезарнокрасноречивых фразах; от высших степеней прежних султанов, скрывшихся в мрачной земле могил, ничего не осталось, кроме их жизнеописаний, сохранившихся в исторических книгах. От того количества замков, которые настроили римские императоры, ничего не осталось, кроме результатов, к которым пришло перо ученых; от райских дворцов персидских царей, которые они построили на берегах реки небытия, ничего не видно, кроме столь приятных описаний, что за них можно бы пожертвовать жизнью.

Да, здание, возведенное на фундаменте добродетели, зубцами своего айвана касается небесной выси; основание, покоящееся на принципе благодеяний, даже если пройдут века, избегнет разрушения. На основании этого предисловия необходимо возложить ответственность на ученых мира, которые записывают известия и достопамятности государей мира и властителей разных стран и излагают биографические черты добродетельных царей и высокодостоинных султанов, кои суть главный источник вечного счастья и даров предвечного, чтобы как современники, так и грядущие поколения сада природы, готовящиеся вступить в сферу своего бытия, сделались бы соучастниками историков в упоминании о войнах и сражениях за веру всех таких владык и чтобы проникательные люди из чтения хроник о жизненных обстоятельствах таких государей прониклись к ним уважением, а когда бы они услышали об их недостойных поступках, происшедших от их тирании, то избавились бы от таковых. Если же найдут в таких исторических хрониках тот или иной хороший обычай и одобряемое постановление того или другого государя, то пусть подражают ему.

Так как в дневнике утреннего рассвета засвидетельствовано, что с самого начала вращения мира, поскольку небесная сфера, как известно, кружится во вселенной, ни один монарх на поприще покорения мира не уразумел даже праха августейшего кортежа служения его величеству, убежищу государства, величайшему хакану, великому государю царств арабских и неарабских, непорочной тени господя, сути элементов и основ проявления милости всемилосердного бога, вспомоществуемому поддержкой Аллаха, благодеющего царя, полюсу истины сего мира и веры, эмиру Тимуру Гургану - да продлит всевышний Аллах навечно на востоке и на западе его царство и власть и да изошьет он на восток и на запад его справедливость и благодеяния! - поскольку во всех областях

царствования никакая мысль не достигла истоков его действительности, а молния его лица подобна молниеносному мечу завоевателя, солнце его мысли подобно мысли мироукрасительного солнца Александра достоинства, поскольку он по ярости и мести Сатурн, по достоинству Джамшид по милости Юпитер, по могуществу и стремительности Марс по натиску и по преследуемым им целям Дарий Великий, по могуществу таков, что Солнце является его рабом, - поскольку он усилиями своего мирозавоевательного меча подчинил своей власти большую часть государств мира и излил из огня наносимых им ударов на недругов своих сжигающую мир молнию, - поскольку он как пронизывающий ветер, низвергающий горы, извлек дым из гумна своих врагов и с момента восхода солнца своей власти на востоке божественной помощи он так много сокрушил гордецов вселенной, что рассказ о каждом его подвиге изглаживает из памяти рассказ о Рустаме и Исфандийаре и затмевает повествование о Дарий Кодомане и Александре Македонском, - поскольку ужас перед яростью гнева его на сердца врагов производит такое же действие, как огонь на внутренность камня, а огонь его проливающего кровь меча сжигает нить жизни врагов, как язык пламени горящей свечи, - поскольку одним ударом из волны его моря, которая срывала с головы небесной сферы шапку тирании, вышла успокаивающая рябь на море крови, - поскольку те, которые от высокомерия не ступали по земле ногами, теперь стали испачканными землею от копыт его коней, - поскольку всюду, куда ни устремлял он свои победные знамена, его встречали одвуконь победа и триумф, - поскольку он суровым ветром капризов судьбы пустил на ветер дома и достояние своих врагов и бросался на полях кровопролитных войн и на арены охоты за жизнями, так что солнце от поднимаемой им массы пыли пряталось за ее завесой, а звезды от молниеносного сверкания его копья приходили в содрогание, то глашатай государства тысячею языков кричит, чтобы как можно скорей в сферу рабов, подвластных его величеству, вошли все области Египта, Сирии и отдаленных стран запада и чтобы - бог даст! - осуществилось заветное желание великого ума эмира Тимура и искреннее влечение его лучезарного сердца совершить паломничество к священному храму в Мекке.

Вне всякого сомнения божественная помощь и господне покровительство соединены со знаменем убежища ислама эмира Тимура и действия его власти упорядочены мастерской божественной

милости. Несмотря на многочисленность его войска, которое и счесть невозможно, победителем у него является мысль тех, кои суть правители пределов святости и цари страны руководства и являются войсками в духовном смысле, кои суть соучастники в напитке Хизра - да почиет над ними мир! - и следуют наравне с августейшим знаменем и являются неперменными членами счастливого Тимурова кортежа. Несомненно, что мир незыблемо существует лишь при наличии одной группы существ.

Книгой предопределения были назначены под покровительство высокой личности Тимура войска в таком количестве, что конца и края им не было видно. Из-за завесы невидимости, протяженье которой явно нельзя постичь и определить ни в один век вращения всех девяти небес и движения семи планет в этом шестистороннем мире, образованном из совокупности четырех стихий, не проявлялось подобного завоевателя-государя, как эмир Тимур, и на небе блестящего государства ослепительная, как солнце, справедливость до сих пор не снимала покрывала с своего мироукрасительного чела, который по указанию неусыпного счастья постоянно проявляет покорность и поклонение творцу и с помощью милости господ-питателя способствует укреплению закона избранного пророка Мухаммеда. Главы ученых мира преклонили ухо разума на край августейшего ковра, чтобы украсить свои уши драгоценными перлами полезности вдохновенных слов его ума, кои суть чудесная чаша, показывающая мир и солнце, украшающее вселенную. Венценосцы земной поверхности простерли руки готовности служить у порога убежища царственной власти эмира Тимура с тем, чтобы всё время пребывать на службе у него. Во всяком случае целью и стремлением истины у преданных слуг является то, чтобы все стадии жизни убежища мира эмира Тимура до наступления дня всеобщего воскрешения остались бы навечно в содержании тетрадей истории. Его энергия и щедрость на войне и на пирах могут быть выражены лишь фразами, определяемыми гениальностью красноречивых людей времени.

Когда обиталище поклонения божеству, город Йезд, удостоился высокого посещения одного из приближенных его величества и искренних слуг эмира Тимура, то пишущий эти строки, написав два трактата, один по-арабски, а другой по-персидски, для подношения, предстал пред его благостные взоры и поверг эти трактаты к подножию высочайшего престола. Впоследствии вышел приказ, чтобы

автор этих трактатов описал для истории некоторые войны, случившиеся при участии его величества, покорителя мира, в форме предисловия на персидском языке, изложив вкратце в отдельном разделе последовавшие победы его величества, которые дарованы ему были еще с начала его эпохи, а затем, приступив к составлению дневника священных войн с Индостаном, уже в подробностях изложил бы языком, далеким от витийства и близким к пониманию, самые описания упомянутых войн. Хотя автор этой книги большую часть своей жизни был погружен в море религиозных наук и меньше вникал в оставление вещей повествовательно-исторического характера, он тем не менее во исполнение высочайших инструкций приступил к прохождению этого большого этапа на своем жизненном пути. Несомненно, что столь полезный труд, вполне достойный быть связанным с умственным огорчением и сердечным расстройством, есть безусловно только луч, отраженный сияниями светозарного сердца служения его хаканскому величеству эмиру Тимуру. Признаком несовершенности этого сочинения служат, к огорчению и беспокойству автора, недостатки и недосмотры. Надеюсь, что над всем этим будет поставлен знак прощения.

Остроумие и тонкость в том заключаются, чтобы основание предисловия к этой книге покоилось на священном стихе Корана и на молитве Ибраhима, друга божия - да будет над ним мир! - потому что смыслом стиха Корана является правда и мощь и в соответствии с благословенною печатью и отличительным августейшим знаком язык искренности указывает на правду, наследование же райского блаженства указывает на спасение души. Подумай же, дальновидный и пронизательный человек, каким образом возникла в соответствии с божественным велением блещущая солнцем и возбуждающая любовь печать его величества эмира Тимура с таким девизом и отсюда дай себе в этом отчет по предвечному слову Аллаха: «Возьмите это в назидание себе, одаренные зоркостью ума!»

О Государь! Пока тень сопутствует солнцу и зелень луга возникает из благодатного дождя облаков, покуда существует возникающий огонь и вода вместе с землею, да будет вечен в зените власти и покорения стран солнечный свет твоего счастья, сияющий над всеми странами мира! И да будет он блистающим солнцем на пиршестве даров и милосердия и во дворце милостей и благодеяний благодетеля, оказывающего внимание ничтожной пылинке, покровителя бедняков,

Аллаха, милостью господина рода человеческого и молосердного ходатая в день страшного суда!

ГЛАВА, СОДЕРЖАЩАЯ В КРАТКОЙ ФОРМЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПОБЕД ЕГО ХАКАНСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

Сказал посол Аллаха: «да благословит его Аллах и да приветствует!» - «Рай находится под тенью мечей». Иначе говоря, рай вечности господь предоставил временно под сень лица государей ислама и открыл высокие райские врата перед правоверными при посредстве меча покорителя мира, шествующего по заповедям закона князя посланников Аллаха, Мухаммада, - да почуют над ним благословения и мир! У ветви же великого преуспeyания зелень зависит от острия блестящей сабли и свеча государства возжигается от пламени огненного меча. Человек извлекает пользу лишь от такого большого дела, когда он не размышляет об опасности для своей жизни при осуществлении этого дела. Таким путем осуществляется высочайшее хаканское служение эмира Тимура, который ради помощи вере Мухаммада - да почуют на пророке нашем наилучшие благословения! - сделал свою драгоценную жизнь мишенью всевозможных опасностей, чтобы заполучить в свои объятия невесту владычества над миром. В дни злобы и войны, во время славы и бесславия, когда блеск меча облекся в одежды стали, когда солнце избрало своими спутниками кинжал и копье, чтобы неусыпное счастье и прочное благоденствие крепко опоясали Тимура, чтобы утвердилось за ним господство над всеми странами земли и государствами вселенной, в течение тридцати одного года головы глав государств и народов склонялись на черту повиновения ему ц шеи всех гордых земли оказались в ошейнике повиновения и покорности ему. Августейшее новолуние этого со дня на день увеличивающегося государства и начало жизненных обстоятельств его государя земной поверхности таковы, что все отмеченные счастьем достопамятности и этапы его жизни были ясны и очевидны для каждого, а указания на его великие завоевания и миродержание видны во всех его движениях и на всех стоянках. Знак же цветущего луга счастья, подобно яркому свету, сияет из его августейшего чела и, как солнце величия и власти, блистает от восхода луны его фигуры...

Первым делом он решил двинуться на столичный город Самарканд,

который является резиденцией султанов, местопребыванием хаканов, жилищем святых, родиной чистейших суфиев и сборищем ученых. В книге «Маджама ал-Булдан» отличительные свойства сего великого города подробно объяснены, равно приведено и изречение князя посланников Мухаммеда, - да благословит Аллах его и их всех! - касающееся благородства и превосходства этого чистого города. Рассказывают, что Тимур выступил туда со своей могущественной свитой; направившись со всеми великими эмирами и бесчисленным войском, со множеством не отважных храбрецов, но сплоченных воедино воинов, с армией, одетой не в железные доспехи, но сокрушающей железо, он ввел в ту область свои победоносные знамена. Своим светлым умом, правильными распоряжками и усилиями своего мирозавоевательного меча он покори́л и освободил из-под власти другого столь большую область; он ввел в сферу своей власти все страны Мавераннахра. Каждым из высокопоставленных, благородных и важных лиц его времени руководило счастье, каждый из них вступил шагом нелицеприятия в круг служения ему; привязал руки своих надежд к торокам седла его вечного господства и достиг высоких степеней и превосходного служебного и общественного положения. А каждый, кто сбился с пути правого и избрал путь возмущения против него, зажег светильник на пути сильного ветра, заложил фундамент здания на стремнине реки. Он, Тимур, молнией своего покорящего мир меча сжег гумно бытия такого человека. С возникновением такого положения появление утра правосудия и справедливости стало зримо во всех странах и во всех обширных частях мира, лучи солнца законности заблестали над головами его подданных и подчиненных, озарения благополучия в мыслях и в суждениях появились на страницах веры и государства и следы прекрасных действий его меча и кинжала обнаружались на лице его государства и религии. Весть об этой блестящей победе эмира Тимура и великое счастливое известие распространились по всему миру; осуществилось благоденствие народа, и знать, и чернь успокоились под благодным и милостивым хаканским покровительством, найдя освобождение из когтей случайностей в убежище безопасности и мира.

Его хаканское величество, поскольку это является похвальным постановлением, воздал благодарность творцу за осуществление всяческого своего стремления, раздал милостыню нуждающимся. Эту полную победу, которую недалёковидные люди рассматривали как

конечную цель его завоеваний, он считал лишь началом, а создание этого значительного государства, считавшееся простаками завершением дела, эмир Тимур рассматривал как начинание в осуществлении своих замыслов. Так как его мироукрасительная мысль покончила с приведением в порядок дел в Мавераннахре и в нем не осталось места смятениям, кроме тех, что возникают под обаянием очей красавцев, и растерянности, кроме той, что порождается прелестью локонов возлюбленных, то Тимур решил выступить походом против Моголистана, занимающего территорию в тысячу квадратных фарсангов от вилаета Йанги-Таласа до границ Хытая и от Кашгара до пределов Чина. Моголы имеют многочисленное войско, воины которого склонны к кровопролитию и возбуждению смуты; каждый воображает себе Рустамом, а Афрасийаба признает своим безотлучным провожатым. Ежегодно моголы шли войной на области Туркстана и Мавераннахра, разоряли и грабили их, уводили в плен мусульман и ни одной страны не оставалось, основание которой не потрясло бы от этого неожиданно обрушившегося на него губительного потока. Естественно, что фонтан хаканского гнева начал кипеть и языки пламени царственного раздражения поднялись вверх. Эмир Тимур извлек меч победы, поднял знамя государства и с войсками, численность и вооружение которых не уместились бы в мастерской воображения и никакой художник не в силах был бы представить черную массу той армии, двинулся к границам Моголистана.

Под впечатлением блеска и пышности хаканского величия Тимура страх и трепет овладели сердцами врагов веры; ужас и испуг посетили двор их. Несмотря на то что они гордились многочисленностью разнообразного вооружения и своею храбростью, что занимали своим множеством большое число гор и степей и что скромность была не в их характере, от ударов грядущего царственного раздражения они перепугались насмерть.

Тем не менее моголы внешне проявили смелость и прилагали бесплодные усилия к отражению Тимура. Столько с ними произошло у него сражении, пока в конце концов моголы не избрали правильный путь и не заняли пост рабского служения и выражения покорности эмиру Тимуру. Склонившись до земли лицом самоунижения, они сказали полуслабым: «Мы все твои рабы, а ты повелитель!» Кому не сопутствовало счастье и кто не обрел удовольствия повиновения,

страницу жизни того перо судьбы перечеркнуло чертою погибели, и стрела небытия, пущенная с тетивы большим пальцем предопределения, избрала мишенью его душу. Когда все земли и владения моголов оказались прочно закрепленными под властью и повелением государя - завоевателя мира, когда все моголы пришли в состояние покорности, приняв условия служения победителю, тогда только пришло полное освобождение от тех забот, которые вызывались поведением моголов, и его величество возвратился в свою столицу, город Самарканд, с многочисленной добычей и с неисчислимыми трофеями. Неоднократно поддерживаемый божественною помощью в этих битвах с моголами и победоносный, он опять вернулся в резиденцию своей монархии, в заповедное место своего могущества.

Когда сопутствуемое блеском луны августейшего знамени солнце его султаната двинулось в свою сферу и достигло там апогея счастья в точке благородства, он, эмир Тимур, по силе возможности воздал благодарность бесподобному и достойному поклонения благодетелю господу, - да прославится и да возвеличится он! - который есть причина увеличения милостей.

До высочайшего слуха эмира Тимура всё время доходило, что правитель Хорезма Хусайн Суфи отказывает в правосудии своим подданным, кои суть вещи, отданные ему на хранение святейшим творцом, и что он разостлал им ковры насилия и беззаконий. Вследствие этого эмир Тимур подобрал поводья своего Царственного намерения, соединенного с велениями судьбы и предопределения, безотлучно сопутствуемого победою и одолением, чтобы выступить походом на то государство. Он остановился в виду города. У Суфи не было того счастья, чтобы, подобно суфию, избрать отречение от мира и отшельничество и, предоставив свои драгоценности и казну Тимуру, включиться в толпу свиты царского двора его величества.

Однако Хусайн Суфи заложил уши разума ватюю беспечности, советов полезных он не послушал и оказался осажденным в своем городе. В течение некоторого времени он выдерживая осаду, а когда во второй раз случилось подвергнуться осаде, то у Йусуфа Суфи из-за внушающей страх августейшей короны пришло в сотрясение и дрожь всё существо и крайне трудное положение довело его до болезни, так что рука опытных врачей оказалась короткою, чтобы достать до подола лечения. Под натиском сильного ветра смерти дерево его жизни упало с

луга начальствования, знамя его миродержания рухнуло. Да, рану, причиненную жалом смерти, не исцелит никакое заклинание, никакая уловка не принесет пользы в попытке отстранить небесный рок и никакое живое существо не осведомлено о тайнах сокровенного мира путем собственного размышления!

Когда взошло солнце победы и торжества с востока божественной помощи и государство Хорезма со всеми районами и крепостями упрочилось под властью слуг его величества, территория сего государства очистилась от скверны бытия мятежников. Люди же, достойные высочайшего милосердия, были осчастливлены прощением и забвением их проступков, стали участниками питья напитка безвинности и благодеяния и пользования источником милостей и всяческих даров. Основные положения и устои государства и религии получили надлежащее укрепление.

Его хаканское величество в воздаяние за ниспосланные ему божественные милости вознес все выражения благодарности и соблюл все условия признательности творцу. Когда его почтенная мысль освободилась от приведения в порядок важнейших дел Хорезмской страны и положение последней достигло благосостояния, эмир Тимур направил свои победные знамена в столичный город Самарканд. Высоковзлетающий сокол его счастья, покорный желаниям судьбы, и ведомый под уздцы конь божественной помощи отовсюду подавали надежду на новые радостные вести, а небо посылало такое приятное известие: «Божественною силою и помощью неба серп луны счастливого хаканского знамени вознесется превыше апогея, а его величественный шатер поднимется своим куполом до небесной выси!». Действительно, желание покорить купол ислама, Герат, вонзило свои когти в подол его высокой энергии, но уважение к владению Хусанна, который среди государей ислама был выдающимся по совершенству в мусульманском смысле и по своему богопочитанию, а в прошлом с ним Тимур имел дружбу и приязнь, заставило Тимура отложить осуществление этого желания до тех пор, пока звезда сферы царствования того добронравного государя не перешла из счастливого знака зодиака и пока он не лишил этот переходящий мир украшения своего бытия.

Когда Герат перешел к его сыну Гийасаддину, последний устроил пир и поднял знамя наслаждения. Постоянно играя благовонными локонами красавиц, целуя их сладкие уста, созерцая движение чаши,

наполненной вином, и внимая речам прелестниц с амбровыми мушками, он был беспечен и не понимал того, что в наслаждениях дворца этого мира не бывает розы без шипов и вина без опьянения, как невозможна в вожделии к храмине вселенной радость без печали и спокойствие без болезни

Великие люди Герата принесли в письменной форме на Гийасаддина жалобы и попросили, чтобы его величество бросил тень своего благорасположения на это владение. Тимур, сопутствуемый своей счастливой звездой, приказал двинуться на ту страну веселья, положивши под седло оружие доблести для удовлетворительного разрешения сего серьезного дела. Неожиданно победоносное войско Тимура обложило город Герат, и Гийасаддин заперся в крепости. В силу необходимости ему пришлось в конце концов выйти из крепости и склониться во прахе в благороднейшей ставке эмира Тимура. В воскресенье восемнадцатого мухаррама, соответствующего четвертому числу месяца урдибихишта 782 года (24 апреля 1380 г.), Гийасаддин сдал крепость слугам его величества. А вслед за этим оказались покоренными и сдавшимися и все города Хорасана, в том числе и недоступные крепости, твердыни которых возвышались подобно высоким неприступным и непоколебимым горам, а окружавшие их рвы казались широчайшим и беспредельным океаном. Они были укреплены, как крепости Бавард и Туршиш. Когда Тимур привел в порядок дела и интересы сих областей посредством своего светлого ума и кровожадного меча, он при неусыпном счастье и незыблемом благополучии вернулся в местопребывание своего царственного трона Самарканд.

Хакан лика земли после этих славных побед прибыл для отдохновения в столицу Самарканд, чтобы дать на несколько дней передышку своим слугам и всегда пребывающим при нем лицам. Подобно тому как небо в движении обрело покой и как звезда видит спокойное состояние в совершаемом ею пути, так и благословенная природа Тимура в противоположность привычкам прежних государей не пренебрегает никакими трудностями ради спокойствия народа и не считается со своим положением, ради всеобщего блага делает свою августейшую особу мишенью трудов и лишений.

И эмир Тимур отдал приказ, чтобы мореподобное войско выступило в поход, направившись в Систан; и территория той страны вплотную приблизилась к храбрецам эпохи и славным борцам армии Тимура. Шах

Систана, который всегда дышал службою и покорностью его величеству, пожелал как можно скорее удостоиться лобызания праха арены величия, осеняемой блеском счастливых очей эмира Тимура. Систанские же глупцы без дозволения шаха повели себя вызывающе по отношению к его величеству и ввязались в войну с ним. Они, злосчастные, не знали, что Александрова несокрушимая стена не пробивается Ратями Гога и Магога и слугам Сулаймана нашего времени не может противиться даже и многочисленная армия муравьев, поэтому немедленно против них выступил один из полков победоносного войска и завязал с ними бой. Тотчас же головы тех глупцов стали поражать подобные метеорам копья бахадуров, стрелы лучников начали пить из источников жизни тех невежд п узколицые без покрывал мечи взошли на мимбары их стремян. В том песчаном месте, которое, ты сказал бы, жаждало крови, текли ее потоки и горы песку от крови убитых сделались влажными. Несомненно, что каждый, кто служил при высочайшем дворе, подобно циркулю, не стоял на темени головы и кто в рабском повиновении сему небоподобному по величию государю не стоял твердо, как ось земли, в конце концов падал, сраженный мечом гнева государя. Что касается систанского шаха, то у него при виде такого положения, возникшего не по его желанию, душа в теле затрепетала, как ивовый лист. Наконец, в целях заступничества перед Тимуром он послал к нему великих людей города, чтобы его величество зачеркнул чертою прощения страницу их преступления. Сам шах выехал из города, облобызал землю служения его величеству и потерял лбом покорности о прах порога высочайших дверей. Он удостоился пожалования почетным халатом, был обласкан и зачислен в свиту. Систан с его крепостями и районами вошел в полное государево подчинение и распоряжение. Когда победоносное солнце показалось на горизонте счастья, а невеста желания вышла из-за завесы наружу, его величество направил поводья своего царственного намерения в обратный путь.

Из всех побед невеста завоевания особенно прелестна, когда ни один из претендентов не касался рукою подола ее невинности. Такою невестою для Тимура было покорение владения Мазан-дерана, Амоля и Сари, которых ни один из пришлых государей завоевателей не обходил и никакой могущественный монарх через них не проходил. В лесных чащах этих областей сучья деревьев так переплелись, что ветер среди них оставался, как птица в клетке, и солнечные лучи не падали через

массу листвы на землю. В пятницу шестого зу-л-хиджжа, соответствующего восемнадцатому числу (староперсидского) месяца абана 784 года (10 февраля 1383 г.), все районы и места того владения были очищены от сопротивлявшихся и в них была введена хутба с чеканкою монеты с августейшим именем и титулами. Лелеемый же сокол гордости правителя Мазандерана и других начальников, который доселе парил в воздухе высокомерия, теперь попал в сеть унижения. Страница жизни их всех закончилась, и мир опустел от беспокойства, причинявшегося их существованием.

Ясномыслящими учеными и мудрыми умами доказано, что все намерения его хаканского величества были осуществлены согласно коранского стиха: «Поистине они помогли тебе победить ясною победой». Нужды сего государя, этого Фаридуна справедливости и правосудия, удовлетворились по слову Корана: «По истине они победоносны и подлинно наши воинства для них победители». Знай, как истинную правду, умный человек, полный совершенства, что всё это дело божеское, а не земное, хозяйское; все эти дела совершаются через божественное покровительство, а не с помощью царствования. Уже давно как государи сделались владыками, ушедши от самих себя и предавшись господу, внешне трезвые, а мысленно опьяненные, потягивая вино смысла; «Не есть ли я господь ваш?!» - взывают к сему государю мировой державы.

И опять блеском подобное солнцу знамя бросило тень над богоспасаемым Самаркандом, в котором находится центр божественной помощи и поддержки. После нескольких раз, когда владыка круговращения небес переходил от одной торжественной встречи к другой, эмир Тимур принял твердое решение осуществить покорение областей Азербайджана, и опоры земли скоро сотряслись от тяжести оружия и пришедших в движение войск.

Когда он соизволил остановиться в тех округах, эмиры и знатные лица Тебриза все вышли навстречу ему с выражением готовности служить, и ключи сего обширного государства оказались крепко захваченными дланью могущества его величества. Территория районов Азербайджана очистилась от существования на ней противящихся его воле и водворились выражения признательности его величеству за наступившее спокойствие. Благодаря всевышнего Аллаха, его хаканское величество рассчитывает лишь на помощь господ-питателя, но не на бесчисленное войско, он возлагает упование на мудрость

творца, а не на многочисленность военных припасов и снаряжения. Во всяком случае лицо его желания сверкает счастьем исполнения и образ всех намерений не остается в состоянии задержки.

Теперь, когда обман и признаки его обнаружили в поступках Сару Адила, и сколько бы он ни делал притязаний на нелицеприятную службу его величеству, сколько бы ни хвалился своей рабской покорностью, его неправда и скверность его сердца не укрылись от наблюдательности завоевателя мира, которая есть проявление мирового разума и зеркало потустороннего мира, и Тимур ясно читал то, что было написано на поганой внутренности Сару Адила.

Его хаканское величество каждое каверзное письмо, которое было написано врагом на его сердце, смывая водою своего мирозавоевательного меча, увлажнив его сверкание кровью вражеского сердца и последователей врага.

После решения дел и приведения в порядок народных интересов под тень божественного покровительства и под осенение господнего милосердия его величество направился к центру Убежища своего господства, в Самарканд. Все районы той области осветились светом его августейшего кортежа. До покорения Азербайджана султаном Махмудом Гази, который около четырехсот лет назад отправился с этой аллегорической остановки и из этого временного обиталища в хоромы вечной жизни и на четвертое небо, ни один завоеватель мира не стал покорителем Азербайджана и в эти области ни один счастливый монарх не приходил победителем. А теперь весь Азербайджан покорен его хаканским величеством, письменные указы завоевателя мира произвели там соответствующее влияние. Как прекрасно твое расширение царственной власти в странах, завоеванных султаном Махмудом Гази, где Азербайджан есть часть его империи. Как прекрасно возвышение могущества государя, ибо доблестные деяния такого монарха, отмеченного знаками, свойственными Фаридуну, являются присущими ему знаками величия и талантливости!

Одним из результатов правосудия могущественного владыки земной поверхности было следующее. До этого от злодеяний воров и разбойников страдали все области царства, прямые пути были закрыты для всех прохожих; заняв большие дороги, предназначенные для путешественников, грабители воровским образом уносили перл с обнаженного меча и путем жульничества стаскивали платье с ветвей дерева. Дороги стали столь непроходимыми, что даже зефир не мог их

посещать; смятение в степях и даже в городах достигло такой степени, что даже свирепый лев предпочел избрать убежище в лесной чаще, чем в степи. Ныне же, вследствие преуспевания, правосудия и милостей хаканского величества, каждый, у кого есть запас золота и серебра, без страха и опасения держит его на блюде признательности государю; или тот, у которого целый подол полон магребинского золота, сидит теперь открыто на любом месте, лишь соблюдая условия умеренности в употреблении своего богатства. Благодаря же стараниям и усилиям добронравных и честных начальников провинций во всех городах, особенно в «обители поклонения» господу, в Йезде, купцы совершенно безопасно и спокойно приезжают и уезжают. Губительный самум смут и восстаний сменился зефиром тишины и покоя. От употребления спиртных напитков, разных запрещенных вещей, от разврата и безнравственности не осталось ни следов, ни признаков. По этой причине влечение ко всему этому посадили на корову и возят на посмешище по всему миру, так что получается веселое зрелище. У самой дочери винограда, у вина, разорвали покрывало и сравнивали ее с уличным прахом. Кажется непостижимым для разума, что теперь барашек подле львицы сосет молоко и куропатка делает себе гнездо в гнезде сокола. Великие и малые люди одинаково участвуют в исполнении того, что им полагается, и у благородного, и у простолюдина нет разницы в отношении правосудия.

Истина в том, чтобы можно было облечь славу в одежду правосудия так, чтобы ее рукав до конца мира служил знаменем доброго имени. Следует гордиться добрыми нравами, потому что солнце их отменных качеств будет сиять в зените величия до утра страшного суда, если даже девять миров придут в состояние упадка, близкое к окончательной гибели, когда тень не будет давать покоя и когда исчезнут обольщения всякими химерами и блеск молнии озарит последний день человечества.

В толковании преславного Корана рассказывают, что военный лагерь Сулаймана - да будет ему мир! - занимал сто квадратных фарсангов, что у него было двадцать пять человек, двадцать пять пери, двадцать пять птиц, двадцать пять диких животных, что он имел тысячу домов и волшебное зеркало, прикрепленное к щиту. В домах он имел триста жен и семьсот наложниц. Пери для него соткали ковер из золота и шелка мерою в один квадратный фарсанг, посредине этого ковра поставили сделанный из золота и серебра трон, и Сулайман - да будет

ему мир! - сел на этот трон. Вокруг последнего было шестьсот тысяч сидений, сделанных из золота и серебра. Пророки сели на золотые табуреты, а ученые на серебряные. Прочие люди, входя, окружали их всех; кроме того, позади становились пери; птицы, простерши крылья над головою Сулаймана, реяли в воздухе, чтобы лучи солнца не падали на царя. Сильный ветер по приказанию Сулаймана поднимал ковер на воздух и зефиры несли его; за одни сутки он совершал путь одного месяца. Однажды этот чудесный ковер со всею пышностью и величием летел между небом и землею; всевышний творец послал ему такое откровение: «Я увеличиваю твое могущество и потому знай, что каждое слово, которое скажет человек, ветер донесет до твоих ушей». Один землепашец взрывал однажды лопатою землю и вдруг увидел тот гигантский ковер, который летел между небом и землею, и землепашец сказал: «Большое могущество дано дому Давуда!» Ветер немедленно донес эти слова до благородного слуха святейшего Сулаймана, и тот приказал ветру опустить ковер на землю. Когда ковер опустился вниз, Сулайман отправился пешком к тому землепашцу и, подойдя к нему, сказал: «Я пришел к тебе по той причине, чтобы ты не завидовал дому Давуда - ради правды творца тварей, ибо произнести один раз: - Славлю Аллаха достойною его хвалю!» лучше тысячи видов владений семейства Давуда, так как это словоечно, а владычество мирское непостоянно и преходяще». И другое рассказывают. Муравей спросил Сулаймана: «Знаешь ли ты, почему тебе подчинили ветер?» Сулайман сразу не нашелся, что ответить на это, и муравей сказал: «Для того, чтобы ты знал, что это твое царство пустится на ветер». Сулайман - да будет ему мир! - при этих словах изменился в лице. Муравей продолжал: «О пророк Аллаха! Очень часто великий муж ставится в известность устами малого». Ценность сказанного заключается в том, что положение видимой власти и обладание такое же, которое указано в рассказе о Сулаймане, а вечное царство, вечная жизнь и благоволение царя царей - да будет он прославлен и возвеличен! - тесно связаны с тем, чтобы курочка царева сердца добывала зерна божественных даров и ради спокойствия народа подвергала опасности свою драгоценную жизнь в священной войне с неверными. Пыль войны оттого поднимают, чтобы усеялся прах смуты, кинжал злобы потому обнажают, чтобы вложить в ножны меч тирании. Хвала всевышнему Аллаху, все цели, все основные намерения его хаканского величества, связанные со всеми его движениями, покоем и

намерениями, в этом смысле и передаются в народе!
Аминь, господин миров! Да починут молитвы и благословения над лучшими из его творений, над Мухаммедом и над всем его родом!

О ПРИБЫТИИ ЕГО ХАКАНСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА К ГОРОДУ ИСФАХАНУ

В месяцы 789/1387 года его величество выступил походом против Исфохана. Он остановился в виду города. Великие люди и малые той области прибыли к нему с выражением покорности, полагающиеся правила которой они и засвидетельствовали перед ним. Один отряд из победоносного войска подошел к городу. В вечернюю пору, когда величайшее светило спрятало свою голову за горизонтом запада и светозарный образ солнца зарылся в темноте кудрей ночи, в городе жажущие крови убийцы и подстрекующие к беспорядкам подонки общества совершили вероломство. Они перебили отряд войска его величества, что был вне города, крепко заперли ворота, высунули руки из рукава бунта, а ноги поставили на арену сопротивления его величеству. Счастье ж отвернулось от них, иначе какой здравомыслящий человек поднял бы меч против солнца и пошел на смерть? Ведь, иначе говоря, как может капля противостоять морю? Когда весть об этом достигла до высочайшего слуха, его величество немедленно сел на коня, отдав приказ охватить город со всех сторон. В стенах были сделаны проломы, и с первого же нападения, с первого удара город оказался открытым, и его хаканское величество вступил в Исфохан. Пламя сжигающего мир царственного гнева языками взвилось кверху, и в воскресенье пятого зу-л-ка да 789 года последовал приказ, коему повинуются вселенная, предать население города мечу мести, следуя смыслу божественного корейского слова: «Бойтесь смуты, она постигает не только тех, которые из вашей среды действуют незаконно». Солдаты, как воды, гонимые сильным ветром злобы, пришли в волнение и, обнажив свои, подобные гиждане, сабли, стали, как гиндану, срезать головы, а своими блестящими, как алмазы, кинжалами стали тащить жемчуг жизни этих дурных людей в петлю смерти. Столько пролилось крови, что воды реки Зиндаруда, на которой стоит Исфохан, вышли из берегов. Из тучи сабель столько шло дождя крови, что потоки ее запрудили улицы. Поверхность воды блистала от крови отраженным красным цветом, как заря в небе, похожая на чистое красное вино в зеркальной чаше. В городе из трупов

нагромоздили целые горы, а за городом сложили из голов убитых высокие башни, которые превосходили высотой большие здания. После того как корень бунта и нечестия был вырван в Исфахане и государь освободился от приведения в порядок той страны, его высочайшее стремя со всем окружением двинулось на Шираз. В четверг тридцатого зу-л-ка да вышеупомянутого 789 года воздух Фарса от пыли, поднятой кортежем измерителя вселенной, стал черным, а небо почувствовало ревность к земле, оттого что она целует копыта коня августейшего государя.

Имея в виду такое положение, сардары династии Мухаммад Музаффар направились из Кермана, Йезда, Снрджана и других районов к чертогу убежища вселенной, удостоились лобызания его праха ног и обрели почет и благоволение.

Его хаканское величество в течение двух месяцев изволил пребывать в Ширазе; когда же устроил важнейшие тамошние дела, завершил всё нужное и утвердил Музаффаридов в званиях правителей разных мест Фарса и Арабского Ирака, он направил свое мирозавоевательное знамя в постоянное местопребывание своего могущества и величия, в город Самарканд.

ГЛАВА О ПОХОДЕ ПРОТИВ ТУКТАМЫШ-ХАНА И ШАХА МАНСУРА

После сего центром внимания высокого взора государя стало покорение областей Дашт-и Кипчака, которыми владел Туктамыш-хан. Дело в том, что Туктамыш был творением воспитания и питомцем милостей его хаканского величества; он, как растение, был взращен от облака бесконечных даров и под тенью непоколебимого могущества его величества, достигнув степени обладания верховной властью и достоинства миродержавия. Мироукрастительному взгляду, который является чудесной чашей, показывающей победу и сокровенные тайны было представлено то, что Туктамыш по бесстыдству своему забыл оказанные ему милости и вынул голову из ярма покорности, а шею - из ошейника подчинения его величеству. Когда известие об этом дошло до августейшего слуха, эмир Тимур в канонах могущества своего не увидел блага в том, чтобы отнестись к этому благодушно, и по закону миродержавия признал за истинное потребовать посредниками между собою и Туктамышем сверкающий меч и мирозавоевательную саблю. Поэтому последовал высочайший приказ, чтобы многочисленные, как

звезды, войска выступили походом в направлении Дашт-и Кипчака и гороподобная армия пришла бы в движение.

Когда распространяющие правосудие знамена достигли Дашт-и Кипчака, государь соблюл обычаи угроз и предупреждения в отношении Туктамыша, чтобы он познал от того и другого страх и надежду, чтобы различил степень довольства благодетеля от степени ярости монарха мира, познал бы истинный путь своего благополучия и увидел бы очами проницательности дорогу своего истинного поведения.

Однако никакой пользы от таких увещаний не получилось, и всё закончилось войною и сражениями. Оба войска сблизилась и выступили друг против друга в боевой готовности.

Тотчас после начала сражения хризолит мечей принял цвет блестящего рубина, а изумруд сабель омыл свою поверхность йеменским сердоликом. Головы врагов заплясали под пенье копий, а сердца их начали рвать рубище своего бытия, и добрая весть победы и одоления стала реять над победоносными знаменами эмира Тимура. От солнца божественной помощи рассеялся мрак битвы. Туктамыш с полком из своего войска вцепился рукою слабости в подол бегства и, будучи страшно взволнован ужасом расправы блестящего меча его величества, начал быстро мерить ковер земли. Другие его соратники стали пищею людоедов - копий. Много периликих турчанок, как будто срисованных с лика красоты, много луноликих красавиц, которые свои кокетливые взгляды направляли на кровь своих возлюбленных, теперь попали в силки плена и на берегу страсти обрели утешение.

Из казны и скота было столько взято, что и сосчитать невозможно, и сам счетчик воображения оказался бы слаб представить численность захваченной добычи.

Когда произошла эта великая победа и молва о ней распространилась по всем восточным странам, когда сторонники победоносной державы вознесли благодарение за божественную помощь в этом деле и за беспредельные милости Аллаха, его хаканское величество, властелин, сопутствуемый исполнением своего желанья, вернулся в свою резиденцию. Опекуны царства обрадовались, а враги оказались угнетенными.

В это время, когда сияющая ярким солнцем мысль ея величества была занята делами огромной важности, шах Мансур поднял восстание; он собрал войско с полным военным снаряжением и допустил в свой мозг

развращенную мысль о самостоятельности управления и независимой власти. От чрезмерной гордости сделав сердце обиталищем демонов, он захватил в свои руки Шираз и Исфахан и дважды ходил осаждать Йезд, не подумав о тех бедствиях, которым подвергались несчастные обитатели Йезда, и нисколько не считаясь с рассказом о шейхе Абу Исхаке, который постарался разрушить Йезд.

Каждый, кому свойствен мало-мальски проницательный ум, знает, что сколько бы он ни вытягивал веревку насилия, ее прохождение получит огласку, и сколько бы он ни проводил черты несправедливости по разным сторонам и окрестностям, она в конце концов явится, как вращающийся круг.

Зеркало счастья шаха Мансура покрылось ржавчиной и не отразило образа ожидающего его правосудия, ухо же души его, будучи поражено злополучием, не слушало ни советов, ни наставлений.

Его хаканское величество в счастье и в благополучии двинул победоносные войска с зимовки в Мазандеране, направившись на Рей. После того как крепость Султанийа и ее окрестности оказались взятыми, была сделана остановка в районе Хамадана. В лагерь убежища мира прибыл Байазид Фаррайи со своими нукерами. Его величество отправил из Хамадана с правого фланга в Курдистан наследника владыки людей Султан Мухаммад-бахадур с эмирами и войсками, отдавши приказ, чтобы в районах Хавиза и Дизпуля он присоединился к мирозавоевательным знаменам. Счастливого молодого господина принца Омар Шайха его величество послал с левого фланга дорогою на Кум и Авах в области Малого и Большого Лура, приказав ему присоединиться к августейшему кортежу в пределах Дизпуля и Тустара. Когда его величество достиг Вуруджирда, то Малик Иззаддин и его сын, услышав известие о хаканском намерении захватить Луристан, оказались в расстроенном состоянии, и Малый Лур полностью был захвачен его величеством; отсюда эмир Тимур выступил походом на Тустар. Али Кутвал и Исфандийар Нами, которые в крепости Шуштар были представителями власти шаха Мансура, выехали из города навстречу его величеству, и крепость и город таким образом сдались ему.

В первые месяцы 795 года его величество отдал приказ идти дорогою на Бихбихан по направлению к Ширазу. Когда достигли Калаии Сафид, кутвал запер крепостные ворота и приготовился к войне. Крепость же эта принадлежит к известным крепостям, она чрезвычайно сильная и

прекрасно укрепленная, так что жадность к овладению ею у прежних государей была отрезана и рука неожиданного бедствия для этой крепости оставалась короткой. На второй день по высочайшему распоряжению войска оставались в районе крепости и с одной атаки взошли на гору ворвались в крепость. У коменданта не оказалось возможности оказывать дальнейшее сопротивление, и крепость с божественною помощью была взята. Начальники крепости и их нукеры были посечены мечом. Благодаря господнему покровительству слугам высочайшей ставки не было причинено ни малейшего вреда. Когда закончилась разведка по выяснению положения шаха Мансура, обнаружилось, что у него проворные ноги и что он убегает. По этой причине его не приняли в расчет и большая часть войска и высочайшая ставка были оставлены в окрестностях Шуштара, а его хаканское величество с небольшою армией выступил на Шираз. Предположение было такое, что когда караулы шаха Мансура увидят победоносное войско, они, по всей вероятности, известят его об этом и он, несомненно, обратится в бегство. В действительности вышло наоборот. В трех фарсангах от Шираза против войска его величества вышло в боевом порядке около трех тысяч всадников-копьемосцев в полном вооружении. Его величество, убежище хаканского достоинства, опираясь на помощь питателя творца, - да возвысится его достоинство! - выстроив в боевой порядок бывшее с ним войско, сам своею благословенною особою стал в середине верной своей армии; принц жителей мира Мухаммад Султан-бахадур был поставлен командовать на левом фланге, а принц Пир Мухаммад-бахадур - на правом. Принц же Шахрух-бахадур, у которого на счастливом челе и в августейшей внешности светятся царственные сияния, а на его благословенном лице и в светозарном его взоре определены и ясны признаки властвования, во главе специального отряда войска мужественно и умело выступил против врагов. Шах Мансур и его войско храбро вступили в бой. Вытянутый в прямую линию левый фланг армии убежища вселенной эмира Тимура хорошо повел атаку. Осыпая неприятеля градом стрел, войска его величества оттеснили правый фланг шаха Мансура за центр его армии. Правый фланг армии Тимура тоже хорошо постарался, зайдя в тыл левого фланга войска шаха Мансура. Что касается последнего, то после того как оба его фланга были разбиты, сколько ни давал ему советов здравый смысл, который разбивает оковы сомнения и показывает истинный путь, однако, как

мотылек, влюбленный в свечу, он не прекратил боя и, подобно разъяренному льву, ударил на части, состоявшие из джарасунов, и тотчас опрокинул их, но они не обратились в бегство, а обрушились на те верные его хаканскому величеству войска, которые были в той же его армии. В конце концов с его величеством, убежищем вселенной, осталось не больше пяти человек. Шах Мансур, приблизительно с пятьюстами хорошо вооруженных всадников, подвязанными колчанами, с саблями, копьями и булавами в руках, как обреченный на смерть, бросился на верное его величеству войско.

Шах Мансур пытался трижды ударить мечом его хаканское величество, но Хумари «есаул» и Таваккул «баварчи» бросились между ними и отвратили эти удары. Один удар шаха Мансура пришелся по Хумари и немного ранил его. Так как милость творца охраняла хакана земной поверхности и помогала ему, то никакой вред не был причинен его благословенной особе. Когда шах Мансур прорвался из окружения его левым флангом сего победоносного войска и ушел, он затем ударил по центру армии Тимура и туда, где был бунчук последнего. Войско же убежища мира сплотилось, и битва вторично закипела такая, что и описать невозможно. Так как отборные его величества нукеры собрались под тенью высочайшего знамени, то шах Мансур не мог прорвать центр с бунчуком Тимура, который стоял непоколебимо. Шах Мансур повернул назад и пробился через левый фланг. Но так как милость творца была соединена со временем августейшего, то победоносные войска центра и левого фланга окружили неприятеля и разорвали цепь их соединения; они рассеялись, а около десяти человек с шахом Мансуром остались в окружении, а затем три человека и, наконец, он один продолжал сражаться. Никто его не опознал. Одна стрела попала ему в шею, а другая - в плечо, он был ранен саблей в лицо и тем не менее, имея в руке саблю, продолжал драться. Один из слуг его величества потащил его, Мансура, с коня; земля в этом месте была покатая, и шах Мансур, свалившись с коня, оказался на земле; его шлем упал. Нукеры бросились, чтобы взять его шлем и снять кольчугу, еще не зная, что это шах Мансур. Тогда он сказал: «Я тот, кого вы ищете. Я шах Мансур. Дайте мне напиться и отведите живым к его величеству, потому что я Мансур - «победоносный». Но нукеры не обратили внимания на эти слова, ударили саблей по обнаженной голове и убили его.

Словом, битва произошла такая, что и объяснить совсем невозможно.

Шах Мансур запечатлел ее такими подвигами воительства и героизма, что заставил забыть историю Рустама, сына Дастана, но поскольку его настигла predetermined ему смерть, этим самым закончилась страница его жизни.

Словом, все области Фарса и все сопредельные с ним районы со всеми его подданными были покорены. Большая часть сардаров и приближенных шаха Мансура либо попала в плен, либо была перебита. Принцы, родственники и эмиры Тимура все благополучно вернулись с поля битвы. Что может быть яснее указания на божественную помощь его величеству в такое время, когда с ним осталось не больше пяти человек, а против них выступил храбрый неприятель с пятьюстами бедуинами в полном вооружении, и победа и одоление тем не менее сопутствовали ему, а счастье стало его собеседником? Каким образом можно дать удовлетворительное объяснение тому, что государь, для которого благополучие мира связано с благополучием собственной бесподобной особы, выходит на столь кровопролитную арену боя, что монарх, на конце каждого волоска которого висят тысячи дорогих жизней, погружается в столь опасное место без помощников и сподвижников? Я, впрочем, ошибся, говоря так. Со всех сторон великодушные ангелы ударили на ряды неприятелей и души великих шейхов восстали на помощь и содействие его величеству, эмиру Тимуру.

Его величество изволил остановиться на несколько дней в Ширазе, чтобы прибыли к чертогу убежища мира Султан Ахмад, правитель Кермана, шах Йахиа, правитель Йезда с сыновьями Султан Мухаммадом и Султан Джахангиром, правитель Сирджана, Султан Абу Исхак, атабаки Большого Лура, наместники и сардары Исфахана. Все они вступили в ряды ближайших людей свиты его величества. По приведении в порядок государственных дел Фарса его величество направился в Исфахан. Вен группа поименованных лиц сопровождала его в окрестности селения Кумиша. Когда носимый над головою убежища мира зонт достиг высоты месяца, благо государства потребовало, чтобы правители из династии Музаффаридов и исфаханские военачальники были преданы смерти в той равнине Кумиша. Хвала тому, царство которого не перестает существовать! На ткацком станке неожиданных происшествий не соткали такого платья, которое бы не уничтожила рука превратностей судьбы, и по весне жизни никакая роза не расцвела без того, чтобы листопад бедствий не сделал ее завядшей.

После того как его величество полностью упрочил дела областей Фарса и Арабского Ирака и привел в порядок их интересы, он соизволил направиться в обитель мира, Багдад. Когда веревки, поднимающие завесы царской ставки, возвысились в этой земле до ореола Луны и до знака Рыб, Султан Ахмад, правитель Багдада, при наличии всякого военного снаряжения и войска, казны и сильных крепостей, страшно испугался царственной доблести его величества и душа в его теле затрепетала, как отражение солнечного света на воде.

Подготовив план вывоза своего имущества, домашних и семью, он со всем этим направился в Аравийскую пустыню. Багдад и его районы были завоеваны знаменами покорителя мира. Все области Ирана от Алеппо и границ Сирии, города Малой Азии и крепости тех стран, через нижайшие точки которых не проникал блеск зрения и до вершин коих не достигало самое пылкое воображение, - все они вошли в сферу власти его величества, головы же их начальников стали шарами на ристалище войны и пучками волос на копьях. Казнохранилища и драгоценности мира вручили специальному казначею. Высота его копий орошена водным потоком победы. Почему бы дереву его счастья не приносить плодов и его мирозавоевательному мечу не орошаться источником безмерно развитой распорядительности, почему бы ему самому не быть веселым, когда исполнилось осуществление его цели? В это время поступили сведения, что Туктамыш-хан после удаления высокославного стремени его величества позволяет себе ходить по ковру возмущения и дерзкою рукою открывать двери неблагодарности за оказание ему милости.

Его хаканское величество, уподобляясь искусному наезднику звезд вложил ногу в покровительствующее миру стремя, взял в руки поводья решимости и дорогою через Ширван, Шимаху и Дарбанд направился в Дашт-и Кипчак. По существующему похвальному обычаю его величество послал Туктамышу увещательные и смешанные с любезностью вести ради необходимости отговорить его от таких опасных шагов, которыми он идет, и устранить поводы к извинению в будущем.

Однако Туктамыш имел пред собою уже проторенный путь дерзости и упрямства. То, что составляет исполнение долга - идти стопами искренности по большой дороге повиновения его величеству, он не исполнил. Он прислал известие, изложенное языком стрелы и меча. Его хаканское величество с группой своих сподвижников, которым кровь

сражений доставляет такое же удовольствие, как для других луг, усеянный тюльпанами, и которые признают опьянение лишь чашей вина от вкушающего кровь меча, выстроил войска в боевой порядок. С другой стороны и Туктамыш-хан выставил против Тимура большое войско, по численности подобное муравьям и саранче. И с обеих сторон были построены ряды, как железные горы.

Смелчаки, бросающие вызов, и храбрецы войска убежища вселенной, как копья, протянули руки к перлу жизни врага и, как стрелы, устремились ногами в дома погибели противников; подобно арканам, они закинули за плечи неприятелей руки желания; как сабли, весело сверкающие при дневном солнце, они разили и убивали; каждый их блестящий кинжал ежесекундно сбрасывал на землю по одной голове, а каждый их горящий меч все время пускал на ветер смерти по одной человеческой жизни, пока враги не обратились в бегство. Туктамыш-хан с большим трудом спас свою жизнь из этого водоворота битвы; вырвавши из его центра несчастье, он заключил его в объятия и стал побежденным и обращенным в бегство. Всякая тварь, которая выходит с дороги повиновения его хаканскому величеству, ничего не имеет своим уделом, кроме отчаяния и гибели. Жребий каждого, кто отвертывается лицом от этого средоточия счастья эмира Тимура, не что иное, как несчастье и отверженность.

Хвала всевышнему Аллаху, второй раз возвещающие победу и одоление коранские стихи соединились с августейшими знаменами. Серп луны высочайшего, касающегося купола ясного неба, пришел вместе с солнцем счастья и победы на стоянку встречи. Последовал приказ отправиться на границы Дашт-и Кипчака и в другие области Туктамыш-хана от Сарая и Астрахани до Крыма и земель франков. И вся эта беспредельная страна была очищена от сопротивления противников его величества и освобождена от смуты его недругов. Из огромной добычи, захваченной у Туктамыша, было столько луноликих рабов и с мускусными волосами рабынь, что и счету им не было; из них несметное количество стало рабами его величества, убежища вселенной, и слугами его слуг. Каждый из них, открыв яхонтовым ключом ларчик с редкостной жемчужиной и сложив вынутые из источника наслаждения жемчужины на блюдо искренней признательности, представил на высочайшее благовоззрение освещающие ночь перлы, вынутые из жемчужной раковины. По сути дела не нуждаются в пояснениях извещения о победе, которые

были написаны в стихах и прозе сыплющими перлы перьями специальных, личных его величества секретарей и ученых века, рабом объяснений которых и слугою пальцев коих достойно было само древнее небо. Они сверлили алмазом размышления жемчужины своих мыслей, а окрашенными в черное перьями, кои суть соловьи сада красноречия, излагали красивые метафоры и изящные фразы, подобные тем, что создаются ослепительно блестящей рукой. Так что на этом основании невозможно недостаточными по своей невыразительности фразами слабых людей извлечь из источника их скудоумной природы достойный сего словесный жемчуг.

ГЛАВА О ПОХОДЕ НА ИНДИЮ

По высочайшему указанию аромат сих подобных реляций прежде всего ощутило это счастливое сочинение. Целью его составления является описание покорения стран и крепостей Индостана, что ниже будет изложено и подробно описано. Внешне дело обстояло так. Когда прошел тридцать один год со времени владычества и царствования над государствами всех поясов земли и над областями стран мира его величества, счастливого монарха, и он изволил возвратиться в резиденцию своего могущества и счастья, когда тиран-небо положило на плечи концы попоны служения и повиновения ему, когда злобное время опоясалось поясом любви к государю, заботящемуся о своих рабах, а жестокий рок продел себе в ухо кольцо верности повелителю земной поверхности, - тогда последний пожелал предоставить каждое владение, бывшее до сего в обладании того или иного государя, назначенному им принцу из числа могущественных, как небо, принцев своего дома, кои суть драгоценности счастливого царственного ларчика и звезды в зодиаке могущества его величества. Из всех государств владение султана Махмуда Гази - да освятит Аллах его гробницу! - его величество препоручил отпрыску владыке людей, принцу Пир Мухаммаду, - да длится его правление! Тот счастливый молодой султан отправился в отведенные ему пределы и водрузил там свои счастливые знамена.

До августейшего слуха его величества, счастливого монарха, дошло затем, что то новолуние Пир Мухаммад в повседневных затеях владычества над вселенной осадил крепость Мултан, бывшую одним из больших городов Синда. В этой же области преобладают гебры

огнепоклонники, язычники и разные еретики. Уместно было бы объявить «священную войну» им и постараться, чтобы возобладала среди них мусульманская религия. Его величество счастливый монарх, ради возвеличения славы высшей истины и возвышения знамени ислама выступил походом против тех стран. Ради уважения к вехе Мухаммадовой - да починут над ним, пророком, благословения и приветствия Аллаха! - он много испытал трудностей и перенес бесчисленные лишения. До оногo места было по несколько горных перевалов, так что мнение было такое, что много счастливых людей пожертвуют своею жизнью на вершине их и много драгоценных душ покинут свои тела у подножия этих гор. Таким образом, со времен Сулаймана пророка - да благословит его Аллах и да приветствует! - ни один государь не достигал тех пределов.

Его величество с божьей помощью остановился в том опасном месте, которое называют Китвар, в рамазане 800 года (май - июнь 1398 г.) и с твердостью и непоколебимостью распорядился, чтобы осуществились победа и преуспевание. Одни из неприятелей были перебиты, другие захвачены в плен; от последовавшего грабежа и расхищения дым поднялся из домов с имуществом китварцев, и знамя неверия и многобожия было ниспровергнуто, как это говорится в предвечном слове: «И потому народ, предававшийся нечестию, был истреблен до последнего человека. Хвала Аллаху, господа миров».

«Поистине сердца царей - сокровища Аллаха на его земле». Смысл этого хадиса тот, что как лик солнца сияет из-за завесы, так и сердца государей на земле являются сокровищницей божественных тайн; сокровенные мысли государей мира суть проявления бесконечных милостей. Как движется перо предвечной воли, исполняя то или иное божественное приказание из ряда других предначертаний, так в высоком уме счастливого монарха выявляется некое твердое намерение, которое он решает осуществить силою. Подобно тому, как калам божественной воли направляется для выявления того или иного большого дела и великого общего решения, так и в глубине светозарного сердца нового Александра нашего времени и Фаридуна эпохи возникает нечто такое, из-за чего он старается приступить к делу. Чистая внутренность и бодрствующее сердце могущественного, как небеса, государя есть разведыватели сокровенных тайн и чаша, показывающая мир, а его бдительный разум, призираемый милостивым взором творца, - свеча, разгоняющая мрак, и солнце,

украшающее мир.

Цель составления настоящего предисловия та, что так как всегда до слуха величия достигает то, что в областях Синда и Инда множество гебров, язычников и разного рода еретиков упорствуют в своем уклонении от истины и в заблуждении, то благороднейшая и высочайшая мысль его величества обратила внимание на это обстоятельство с тем, чтобы в тех районах поднять пыль своим походом, дабы там улеглась пыль смуты и неверия, и обнажить меч злобы для того, чтобы вложить в ножны саблю тирании и многобожия. С этой целью его величество принял решение объявить священную войну против упомянутых выше неверных и опоясался поясом рвения ради прославления славы Аллаха, возвышения знамени ислама и ниспровержения знамени неверия. С войском, многочисленным, как пылинки, сверкающие в солнечных лучах, и подобным неисчислимым каплям дождя, он выступил в поход из столичного города Самарканда, являющегося центром его могущества, величия и восхода солнца его вечного совершенства.

С этим твердым решением его величество совершил переход в первый день месяца зу-л-хиджжа 800 года (15 августа 1398 г.) со времени бегства господина всего сущего и сущности существующего, Мухаммада-избранника, - да благословит его Аллах и да приветствует! - и остановился в месте сияния двух лучей, в Кабуле, который является пограничным городом с Индостаном. Неусыпное счастье было вождем августейшего знамени, а несокрушимое могущество безотлучно находилось при счастливом высочайшем кортеже. В этом походе благодаря удаче принца людей, султана Пир Мухаммеда, луч солнца справедливости и благодеяний послужил основанием зданий могущества и величия.

Особенно отличился благодаря покровительству Аллаха, всевышнего владыки, принц Халил Султан-бахадур, - да длится его господство! - в благословенной внешности которого светятся око мира и взор вселенной, а не его благородном челе безотлучно были видны и запечатлены знаки доказательства его миродержавия. И как это будет ниже объяснено, он целиком погрузился в кровопролитие сражения и в водовороты смерти. В одном из сражений, где был выстроен ряд могучих, огромных и страшных, как море, слонов, спешивших на арену боя подобно огню и ветру, Халил Султан, повернувшись лицом к неприятелю, бросился с саблей на одного из слонов, горообразного,

свирепого, сущего дьявола по качествам и демона с виду, хобот которого, действуя, как чауган, подхватывающий шары, хватал и уносил людские головы. Из истории неизвестно, чтобы в какую-либо эпоху тот или иной принц в расцвете юности и в пору молодости, в возрасте пятнадцати лет, так бы выступил и таким образом вписал в книгу времени свое славное имя и честь! Да, Абу ан-Назр Утби - да смилуется над ним Аллах! - в книге «Китаб-и Йамини» рассказывает, что султан Махмуд Гази - да озарит Аллах его гробницу! - был в, возрасте пятнадцати лет, когда его отец, эмир Насираддин Сабуктеген - да будет ему мир! - препоручил ему командование войском и его построением. Утби приводит по этому случаю такое арабское четверостишие.

Смысл этого тот, что он, султан Махмуд, в возрасте пятнадцати лет уже вел войска, тогда как его ровесники были заняты играми; их незрелый ум находился еще в стадии слабости и недоразвитости, а у него царственный разум, царская отвага и храбрость достигли высшей степени. Однако между водительство войска, между разгромом врага и управлением в войне слонами существует большая разница. От предводительства войсками до риска своею жизнью расстояние весьма большое. Из тонкостей божественного промысла и день ото дня увеличивающегося счастья, каковы чудесно проявлены над его хаканским величеством, следует отметить те, кои украсили его царственное семейство и его державную династию блеском и величием его мужественных детей. Что же касается его царственной могучей руки и его величия, то они придали их драгоценному бытию силу и крепость. Секта пророка, кои суть цари избранной страны, просили у всемогущего господа достойное дитя, а касты пророков, кои восседают на избранных тронах, требовали у божественного порога благородное потомство. Сказал в Коране Аллах благословенный и всевышний: «Господи, даруй мне по благодати своей хорошее потомство. Поистине ты слышишь мою мольбу!» Отсюда следует, что нет более благородного дара свыше, как счастливое дитя, нет никакого подарка, противопоставляемого преуспевающим потомкам. Прямой смысл небесного откровения категорически указывает на это: «Господи наш, даруй нам отраду очей в женах наших и детях наших и соделай нас вождами благочестивых!» Ибо высокодостойные дети - свет счастливых дней своих могущественных отцов, что ясно подтверждается словами Корана: «Мы дали Давуду Сулаймана, какой

он был прекрасный наш раб! Поистине он постоянно каялся перед нами» Блистательный довод в пользу того, что счастливые дети бывают результатом прибежища родителей к святейшему творцу мира и плодами их устремления и обращения к чертогу милостей и благодеяний господи-питателя. Хвала всевышнему Аллаху, вид непоколебимо существующего государства украсил с прелестью мироукрасительной грации именитых потомков его величестве ибо море, рассыпающее перлы их природных качеств, есть сокровищница божественных тайн. Величием же подобный небу внушительный высочайший двор осветился светом жизни царственных потомков, потому что их высокая энергия есть фокус бесконечного счастья, особенно тем светом в зрачке государства, светом в саду убежища веры, который осеняется тенью феникса счастья Халил Султана.

Применительно к арабской пословице: «Львенок еще учится», он, подобно льву, способен возвыситься до степени миродержавия. Высоко парящий над его головою сокол счастья извещает его, что он достигнет осуществления великих целей и высоких стремлений. Из горы его храбрости будет сверкать, как солнце, рубин власти; из моря его энергии будет блистать, как светлый день, перл царского достоинства. Солнце - в апогее его счастья, которое светит с самых первых дней его жизни, а новая луна на небе - начало его господствования, которое увеличивается раз от раза в стадиях совершенства. От четырех опор его слов и действий слышится, что власть пять раз стучит перед дверью его покоя и с шести сторон мира слышится голос, что под сенью милостей его могущественного, как небесная сфера, деда, его счастливого отца он добьется осуществления своих желаний. По существующему арабскому выражению: «Он пойдет стопами счастья по широкой дороге безопасности». Язык фактов говорит о его врожденных качествах и свойствах словами последующих стихов, правдиво выражающих смысл сего...

Так как убежище шариата, наш господин, величайший верховный судья в мире Насир ал-Хакк ва-ш-Шариат ва-д-Дин Омар, - да продлит Аллах над ним тень своего покровительства! - достиг высоких степеней совершенства в извлечении пользы из очагов знания и в распространении мудрости, и поскольку в нем гармонично сочетались превосходство в храбрости и мужество с красноречием и ученостью, то уместно заметить, что он является и брачным покоем благородных нравственных качеств. Опередивши в них великих людей, обладателей

нравственных доблестей, он и в опасных сражениях, где отказывались принимать участие ученые мужи и люди, подобные им, опередил храбрейших людей прежнего времени. На поприще искренней преданности и доброжелательного отношения к сему высокому дому убежища вселенной, - тень благостей которого дома да будет Распростерта над головами людей до крайних пределов мира! - названный выше Насираддин Омар опоясался поясом ведения священной войны и самоотверженности, несмотря на то, что в этом походе всё время безотлучно находился при его величестве и ни при каких обстоятельствах не отлучался от высочайшего стремени и мирозавоевательного кортежа.

Так как своим проницательным взором и знакомством с истинным положением вещей он понимал, насколько глубоки милость и сочувствие его величества, убежища халифского достоинства, к сему первому плоду из сада его царствования и государства, то по желанию его хаканского величества он украсил предисловие к сей августейшей истории и счастливой книге всяческого преуспевания высоким именем этой молодой ветви из сада величья и могущества Халил Султана, который в рядах войск, участвующих в сражении, в битвах и стычках, со всем пылом юности, как свирепый лев, и страшный тигр, представил доказательства своей военной опытности.

Несомненно, что упоминание государей в исторических текстах является причиною увековечения их имен, а упоминание красивого молодого человека, как Халил Султан, по этой же причине навсегда останется на страницах дня и ночи. Иным способом не запечатлеть в памяти людей высокую степень и большое состояние великих людей, и никакой из даров не может заменить этого...

Теперь мы опять перейдем к изложению обстоятельств, сопровождавших каждую остановку, упоминаний о стоянках и войне за веру его величества, счастливого монарха, подробно остановившись на движении и покое победоносного его знамени в районах Индостана. В этом походе были участниками высокая колыбель, Балкис своей эпохи и своего времени, убежище и пристанище всех госпожу мира Сарай Мулк-ханым - да умножится ее величие и да будет вечным ее целомудрие! - и победоносный принц человеческого рода, блеск господ, царственный именной перстень и рубин из копей бесконечного счастья, принц Улугбек-бахадур - да длится его правление! В тот же день последовало разрешение, чтобы они во

избежание трудностей похода в благополучии и под счастливую звезду направились в столичный город Самарканд, что объяснялось любовью его величества к сему красивому, благонравному и похвальных качеств принцу, у которого на благословенном челе ясны и видны, как солнечный свет, сияния зрелости и миродержавия и признаки божественного блеска как при движении его, так и в спокойном состоянии. Всё это было - выражено в такой степени, что без вида его счастливого лика и без августейшей с ним встречи меньше всего чувствовалось спокойствие сердца и душевное удовольствие, а не видя его дорогие черты, трудно было быть веселым.

Как ни хотелось его величеству, чтобы они находились при нем неотлучно, чтобы не расставаться ему со светом своих очей и с плодом сердца, но он подумал, что не дай бог, если жара Индостана дурно повлияет на благословенное здоровье Улугбека. Если разлука с тем дорогим его сердцу принцем создавала затруднительное положение для его величества, тем не менее высшие побуждения религиозного порядка его величества явились причиной того, что он предпочел разлуку с этим любимым ребенком. Правда, любовь, составляющая потребность человеческой природы, не давала разрешения хотя бы на один час разлучиться с принцем, но поскольку его величеству, счастливому монарху, свойственны избранные постановления и одобряемый законом образ действий, то религиозные соображения одержали верх над чувствами любви к Улугбеку. Страсть же к войне с неверными, гебрами и тиранами крепко вцепилась в подол августейшей энергии. Как бы сам принц тварей мира Улугбек-бахадур внешне ни был далек от всегдашнего присутствия при хаканском дворе и от ковра монаршего благоволения, всё же он всем своим существом, всем сердцем и душою всегда присутствовал на пространстве высочайшего двора, подобно тому, как солнце небес пророческой миссии и луна неба величия, глава послов и пророков, Мухаммад-избранник, - да благословит его Аллах и да приветствует! - когда в некоторых ведшихся им священных войнах его сподвижники - да будет над всеми ними благоволение Аллаха! - по необходимости не принимали в них участия и лишались общения с пророком и служения ему; говаривал: «Ни на одной остановке, ни в одной долине не случалось перехода без того, чтобы они не были в общении с нами и в созерцании нас, иначе говоря, перед нашими духовными очами они были неотделимы от безотлучного при нас пребывания». Сказал посол

Аллаха: «да благословит его Аллах и да приветствует!» - «Поистине Аллах не смотрит на образ ваш и дела ваши, но он взирает на сердца ваши и на ваши намерения». Художник предвечности, - да будет он могущественным и великим! - создав всякий цвет, заключил в него определенное значение, кроме которого обширный ум ничего другого не признает. Извечный мастер, выводя из-за завесы потустороннего мира на равнины всеобщего обнаружения каждый образ, заключает в него определенное качество, которое святой дух, кроме него, другому не отвешивает.

Его хаканское величество также на всех станциях и переходах хранил в памяти дорогой образ своего внука и уделял воображаемому созерцанию его потаенный уголок в своем сердце.

Словом, мирозавоевательная мысль его величества приняла решение отправиться «священной войною» на неверных и приложить всяческие усилия, чтобы устранить тиранию и злоумышления разбойных элементов и даровать мусульманам освобождение от всего этого, чтобы купцы и все приходящие и уходящие могли посещать эти страны в полной безопасности, а мусульмане *Со* спокойною душою могли бы жить под покровительством справедливости и хорошего обращения. Государь рода человеческого, султан султанов мира, наиболее достойный из царей суши и океана, есть Гийас ал-Хакк ва-д-Дин султан Махмуд-хан, высота происхождения и величие дома которого возвышаются над эфировым сводом, над вершиною солнца и блестящего месяца, превосходство военных достоинств которого признает его хаканское величество. Исходя из нужд миродержавия, его величество всячески заботится об укреплении его могущества на престоле государства и во всякой стране ислама, которая оказалась захваченной его величеством, он хутбу и монеты украшает его августейшим именем и титулами, так что молва о благородстве сего потомка великого рода Чингис-хана охватила весь мир, а упоминание о его правлении, о его достоинстве, как венценосца, и о его царственном господстве с быстротою ветра распространилось по разным странам мира, будучи написано пером Меркурия на страницах Солнца и Луны. Этот славный султан Махмуд-хан соизволил отправиться из вышеназванной остановки из Кабула; с ним выехали сопровождавшие его на правах служения ему именитые принцы и великие эмиры, кои суть свет очей святых, огонь, прожигающий вражескую грудь, и крепкая мышца царства и нации, вроде принцев Султан Хусайн-

бахадур, Рустам-бахадур и Джахашнах-баха-дур, Гийасадин «тархана», Хамза Тугайбуга «барласа», эмира Шайх Арслана, Сунджик-бахадур и прочих эмиров.

Девятого числа месяца зу-л-хиджжа явились послы от Тимура Кутлуг-углана, от эмира Идику и Хизр Хаджа-углана. Удостоившись облобызать высочайшую подстилку, они сделались полными соучастниками вкушения вина царской милости. Они были обласканы его величеством, в честь их было устроено пиршество; на них были надеты великолепные халаты; их просьбы были удовлетворены в форме писаного высочайшего победоносного указа, и они получили разрешение вернуться обратно. Смысл посольской миссии каждого и содержание привезенного каждым послом письма, поскольку послы были приняты, как высокочтимые начальники, были такие: «Мы все выкормлены милостью его величества, счастливого государя; введенные в чертог убежища вселенной и допущенные к его небоподобному двору мы в течение некоторого времени по наущению сатаны и под влиянием наших дурных страстей вышли из пределов служения и из сферы повиновения ему и, подобно смущенным и растерянными ворами, скитались в пустынях без пристанища. Теперь же вследствие направления руководящего ума и правильного образа мышления мы снова обрели правильный путь и настоящую дорогу, открывшуюся нам от очей мудрости, овладели опять пониманием необходимости подчиняться ему, которое до сего вышло было из рук содействия нам. Несколько времени мы шли, повинувшись влечению своих страстей и не зная, какого отчета от нас потребует жизнь. Мы раскаиваемся теперь перед этим великим государем и надеемся, что оттуда, где содержатся хаканские милости, он прикроет наши прегрешения подолом поблажки и снисхождения, зачеркнет чертою прощения страницы наших грехов и проступков, чтобы после сего мы были на большой дороге повиновения и подчинения ему непоколебимыми и стойкими. И мы - те же самые рабы и слуги его, как и все; слуги и подчиненные, какими мы были...

Его хаканское величество благосклонно принял их извинения, удовлетворил их просьбы и нужды, пожаловал им указы, украшенные прощением и укрепленные высочайшею печатью милостей, и послал вместе с ними достойные подарки его царственного благоволения. Веселые, довольные, счастливые и в спокойном состоянии они вернулись восвояси. Роза радостного настроения выставила лицо из

бутона достигнутой цели: запах удовольствия с луга удовлетворения желания донесся до обоняния сердец. Получив полную долю из сокровищницы его беспредельных милостей, взяв обильную часть из казны его бесценных благодеяний, счастливые и умудренные люди со всех концов мира с надеждою стремятся к тому, чтобы занять благородное место у этого порога, касающегося райских садов.

Благосклонно принятые и удостоенные высокомилоственного взора, они ожидают и надеются, что достигнут у сего небоподобного по могуществу порога благоприятного для себя случая.

В тот же день было и то, что эмирский сын Шайх Нураддин Мухаммад, сын эмира Сарыкбуга, который, принадлежа к знати и приближенным высочайшего двора, достиг при дворе убежища вселенной, счастливого монарха, высоких степеней и цветущего положения и был утверждён его величеством в должности даруга в области Фарса, с захваченной добычею, счастливый и радостный, прибыл в августейший лагерь.

Прояснив свои счастливые глаза прахом благоприятствующего высочайшего кортежа, он доставил в этот юрт, в ставку его величества, солидные подношения: охотничьи птицы, вереницы верблюдов, мулов и арабских коней, обитые золотом седла, дорогие конские уздечки, превосходные щиты и другое оружие, разные редкие вещи, традиционные девятки платьев и одеяний, драгоценные камни и золотые и серебряные приборы. Всё это ошеломляло зрителя, пальцы же счетовода от подсчета подношений приходили в утомление. В течение трех дней секретари дивана последовательно записывали всё это на приход. Приготовив в надлежащем порядке тетради, они и великие эмиры представили их на высочайшее благовоззрение.

Все эмиры в этот день собрались и представили доставленное на могущественное обозрение счастливого монарха. С самого появления утра на подковообразном горизонте, когда небо положило, как подарок на блюдо, золотой диск солнца, почти до полудня он пропускал перед высочайшими глазами эти подношения Шайх Нураддин Мухаммада. В тот день на этом собрании присутствовали послы, посланники, высокие представители войска окрестных областей вроде Тайзи-углана, прибывшего с посольством из Китая, и послов Тимур Кутлуга. Все они смотрели на эти драгоценные вещи и на все эти бесподобные формы выражения услуг и удивлялись тому, что один из рабов его величества вроде этого эмирского сына смог представить такого рода подарки на высочайшее благовоззрение. Его величество изволил пожаловать всем

посланникам и представителям от военачальников разнообразные предметы из этих превосходных подарков, сделав их издольщиками в представленных ему редкостных вещах. Старания эмирского сына Шайх Нураддина удостоились чести получить высочайшее одобрение и похвалу, и он был по-царски обласкан. Вследствие этого его голова от гордости поднялась до небес, и он языком фактов говорил: «Могу ли я не быть обязанным его величеству за такую милость, от которой глаз моей надежды осветился светом счастливого лица и августейшим его хаканского величества видом, а площадь моего желания превратилась в цветник от дуновения зефира счастья, выпавшего на мою долю», На этой же остановке многие из подданных и народа области Ирийаб принесли жалобу на притеснения и несправедливости, испытываемые ими от разбойников-афганцев, племя которых называлось вазказни. Они говорили: «Этот сбившийся с пути народ предал на поток и разграбление наше достояние, захватил наши земли и имущество, напал ночью на эмира нашей тысячи, который был из числа рабов вашего величества, убежища халифского достоинства, и в ночной резне убил его. Теперь этот вилайет захвачен афганцами, которые засели у начала путей, и ни одно существо не сможет по ним благополучно пройти и проехать от чинимых ими обид».

Когда его величество услышал об этом, в нем загорелся огонь заботы о благе подданных и поднялся кверху небывалым языками; его благословенное лицо изменилось, и знаки злорадия показались в складках его бровей и августейшего лба. Оставив вследствие этого путь на Газнин, он избрал путь на Ирийа Он шел, сопровождаемый со дня на день увеличивающимся счастьем в степени постоянного согласия с его желаниями и благоприятствующей удачей в местах, где он требовал подчинения и сдачи себе, когда, наконец, его мирозавоевательное знамя достигло подступов к крепости Ирийаба и в ее окрестности натянулись веревки шатра величия и счастья. Крепость та была известна; она была так обширна, что посреди помещались соборная мечеть, другие большие мечети, дома и разные высокие здания, но афганцы опустошили эту крепость и сильно ее разрушили. Его величество прежде всего решил восстановить здание основ религии, которая была в поле зрения августейшего внимания, и поставил целью своего высокого ума восстановить благосостояние мусульманской страны, что всегда являлось неразлучной спутницей его светозарной мысли. Ради народа и обитателей той области, ради безопасности

путей и благополучия будущего и настоящего положения последовал письменный мирозавоевательный указ, чтобы ту крепость Ирийаб опять восстановили. Всё сословие ремесленников и подмастерьев, собравшись, столь большую крепость в течение четырнадцати дней восстановило и привело в благоустроенный вид; дома, бывшие внутри крепости, были заново отстроены. Окончание восстановления и отделки соборной мечети, расположенной посреди крепости, было возложено на эмира Шах Малика и величие ислама. Всех разбойников, которых называют вазказни, привели в августейший лагерь, где они внешне выразили покорность и явно положили головы на черту рабского служения его величеству, а ноги поставили в круг повиновения и подчинения ему. Два-три дня они исполняли условия службы и, находясь в составе высочайшего кортежа, медь, покрытую золотом лицемерия, выдали за наличные чистые деньги верности. В конце концов мерзость их сердец, уловки и коварство воочию обнаружили, и их воровской характер, который глубоко пустил корни в их природу, вырвали с головою.

В ночь на пятницу шестнадцатого числа зу-л-хиджжа афганцы попытались убежать и уйти из крепости. Но так как слуги его величества держали под своим наблюдением крепостные ворота и охраняли их, афганцы не могли пробраться из крепости наружу. На утренней заре, когда Джамшид-солнце был еще далек от горизонта восхода и царственные планеты собрались за скрывавшей их завесой, афганцы, воровски подкравшись, бросились на караулы и ранили некоторых из рабов высочайшего. На следующий день, когда блестящее утро подняло с лица вселенной черное покрывало ночи и сверкающий, как алмаз, меч сорвал с солнечного лица щит, солнце украшающей мысли его величества узнало о коварстве афганцев и осветило тьму этого положения. В пятницу, в полуденное время, последовало повеление высочайшего, которому повинуются мир, чтобы взяли задержанных изменников и окрасили кровью этих злодеев блеск кинжала и закалом огнеподобного меча бросили на землю унижения тела этих злополучных люден, кои подняли взор бунта. Двести этих воров было перебито, их души были вручены владыке ада, и зло, причиненное этими злонамеренными людьми Мусульманам, было в корне пресечено. Жены, дети и имущество их были переданы тем обиженным жителям области Ирийаб, которые испытали от рук этих людей бесчисленные притеснения и насилия, родственники же их были

перебиты. Большую часть этого афганского племени и большинство захваченных в плен главарей разбойников отдали старейшинам крепости Ирйаб и наследникам убитых разбойниками людей, чтобы эти наследники осуществили полагающуюся по непреложному шариату кровную месть, отомстив тем самым за насильственную смерть близких своих.

Всякий, являющийся началом зла и беззакония, попадает в конце концов в шестистворчатый круг бед, во власть несчастья и тяжелого положения и испивает чашу своей преступной развращенности и несправедливости.

Сословие истинных господ и людей, шествующих путем веры, чтущих бога и отшельников и путешествующих по миру, каким языком могут воздать благодарность за дарованное благо этому счастливому монарху, величием подобному Александру Великому, в августейшую эпоху которого открылся день базара безопасности и спокойствия, темная ночь мятежей обратила тыл, огонь отнял руку угнетения от края легко загорающейся ваты и вода благодаря соседству с камнем прекратила крики о помощи? Естественно, что каждое сословие людей всеми способами молитвенно поднимает руки и просит долгой жизни его величеству у святейшего царя царей - да будет он прославлен и возвеличен! Безмятежность личного покоя и спокойствие своего времени они умоляют продлить над его могущественной державою, ибо спокойствие народа под его сенью.

Когда закончилось устройство дел области Ирйаб и тамошние дела упрочились, семнадцатого числа месяца зу-л-хиджжа его величество изволил выступить оттуда, направив свое победоносное знамя в страну шинвариюв. По прибытии туда он изволил находиться в пределах этой страны в течение двух дней. Случилось так, что по высочайшему приказу был выделен отряд войска в несколько тысяч всадников, чтобы они отправились к крепости Н. г. р., а принц рода человеческого, Халил Султан-бахадур, на благословенном челе которого светилось, как сияющее солнце, раннее утро счастья, с группой великих эмиров пошел бы дорогою через Кабчигай, в местность Бану. Перед этим в Кабуле был издан приказ, которому повинуются вселенная, чтобы принц Сулайман-шах выступил с хорасанскими войсками для постройки крепости Н. г. р. Девятнадцатого числа упомянутого месяца зу-л-хиджжа победоносные войска достигли укрепления Н. г. р. Принц Сулайман-шах и эмиры, прежде его выступившие в эти пределы, уже построили крепость Н. г. р.

Приложив все усердие к тому чтобы крепость была прочна и крепка, Сулайман-шах и эмиры в ожидании соединения с находящимися в пути могущественными, как небо, знаменами главных сил Тимура довели до августейшего сведения, что племя парнийани, которому был дан письменный приказ завоевателя мира, чтобы оно пришло со своим войском в лагерь убежища победы и опоясалось поясов службы его величеству и безотлучного при нем пребывания, не выказало повиновения и не прислало войска. Как прекрасно, что злонравие народа на пути обмана такого государя, который осведомлен о тайнах неба, проявляется лишь внешне и не соответствует внутреннему настроению! Как отрадно, что заблуждение того или иного племени, которому пришла в голову мысль о неповиновении, выйдет лишь на один кончик волоса из границ рабского служения его величеству! В тот же день его величество сел на быстроходного коня, объезжающего вселенную, быстрый ветер от которого в день битвы не видел и зефир, облетающий мир, а поднимаемую им густую пыль не пронизывал и пронзительный северный ветер.

Воссев на коня, его величество направился против тех стран. Его победоносное войско, которое пресекает день неприятельской атаки, подков коней которого и во сне не видит колесо,двигающее вселенную, а лев, сидящий в колеснице небесной сферы, не рассекает пыли, поднимаемой копытами его лошадей, обрушилось набегом на племя парни. Много народа из него отправили в адский огонь блеском закала индийских сабель и копытами своих быстрых арабских коней подняли пыль с макушек голов парниев. Жены, дети, имущество и вся утварь, и запасы пищи этих разбойников были отданы на расхищение и разграбление, их дома были сожжены, а пепел развеян сильным ветром гнева его величества. И дым мщения, поднявшийся с поверхности земли, достиг до самых Плеяд. Скопище парниев обратилось в бегство. Мироукрашительная мысль его величества, видящая в зеркале существующего положения вещей образы будущего, и прекрасная распорядительность, назад отдергивающая кончик нити predeterminedного, признали за благо остановиться в этих горах, дабы с божьей помощью и с господним покровительством весь этот мятежный народ захватить в плен, изгладив их зло со страницы времени, освободить все пути в той области от страха и опасностей, причиняемых разбойниками и бунтовщиками, охранить переправы и дороги от вреда, наносимого предерзостными грабителями, и

освободить купцов и караваны путешественников из оков бедствий и тенет изнурения.

Тем временем главарь этого народа, движимый чувством преданности и искренностью своих намерений, направился в августейшую ставку и там, где пребывал величайший монарх, - да пребудет это место всегда Кабою надежд человеческого рода! - совершил обход и удостоился облобызать высочайший ковер. В качестве средства своего спасения он принес покаяние и просьбу о прощении в своих проступках.

Благороднейшая высочайшая мысль, которая своею царственною пронизательностью по внешним проявлениям безошибочно судит о внутреннем состоянии человека, ясно уразумела истинность его намерения. В благословенном уме счастливого монарха запечатлелось одно, что этот человек по чувству своей правдивости и искренности отвернулся от разбоя, воровства и мерзостного поведения. С чистым сердцем придя в местопребывание мира и рабского служения, получил за преуспяние в своей правдивости полную долю из сокровищницы царственных милостей и государева милосердия, а из семени своей добросовестности получил плод избавления от наказания.

Принц Сулайман-шах после того как устроил и привел в надлежащий вид крепость Н. г. р., как об этом было выше упомянуто, получил известие, что племя килати, являющееся сильным, многочисленным и представительным, допустило задержку и промедление в повиновении мирозавоевателю ярлыку его величества и до сих пор не послало своего войска в августейший лагерь. Когда Сулайман-шах узнал об этом, то он за два дня до прибытия высочайшего кортежа выступил из крепости Н. г. р. со своими войсками и свитою, сделал набег на то племя и, несмотря на то, что в нем были люди сильные и могучие, он их всех победил и вверг в несчастье; некоторых предал блестящему мечу и сыплющему искры кинжалу, некоторых пленил; извлек ветром грабежа и погрома дым из их домов и имущества, а детей взял в плен. Во исполнение же августейшего повеления он выступил из пределов страны племени килати и присоединился к лагерю убежища вселенной, соблюдая все правила геройства и воинской чести. Утро удачи и победы взошло с востока счастья, и естественным образом он испил из чаш царственных благосклонностей и милостей сладостную холодную воду; он облекся в халат государевой ласки, полученной из сокровищницы попечения его величества о своих рабах и щедрых к ним милостей.

В первый день месяца мухаррама 801 года (13 сентября 1398 г.) его величество вернулся из мест, занятых племенем парниев, и остановился в окрестностях крепости Н. г. р. Восьмого числа упомянутого месяца знамя убежища победы простерло свою тень над берегами реки Синд, и веревки, натягивающие царственную палатку, протянулись до самой яркой звезды Аййук. Последовал приказ, коему повинуются вселенная, чтобы через реку Синд навели могольский мост. Тотчас приступили к делу и построили прочный мост, подобного которому не было ни у кого из прежних государей, и могущественная рука прежних хаканов была коротка, чтобы соорудить подобный мост. В этот день некоторые послы прибывшие из окрестных государств, получили распоряжение отправиться обратно, вроде сейида Мухаммада Мадани, который прибыл от обоих священных мест Аравии, из Меккы и Медины, - да прославит всевышний Аллах их оба! - к порогу убежища вселенной, являющегося Кабой всех упований рода человеческого. Посольские миссии всех султанов, эмиров и благородных людей того государства, известив его величество о целях своего приезда, доложили его могуществу, что они пребывают в ожидании и надежде на то, чтобы мирозавоевательные знамена, как феникс распростерши свои крылья, бросили тень на головы всех, и те земли, на которые падет тень, его величество взял бы под свое милостивое покровительство и под сень своей защиты. В числе послов в августейшем лагере были также послы Искандар-шаха кашмирского, которые засвидетельствовали от имени своего государя выражение готовности служить и повиноваться его величеству. Выполнив его поручение, они должны были вернуться обратно. Последовал высочайший приказ, коему повинуются вселенная, чтобы Искандар-шах лично удостоился явиться в город Дибалпур для лобызания высочайшего ковра вместе со своими войсками и свитой. Во вторник двенадцатого числа упомянутого месяца мухаррама победоносное знамя его величества соизволило переправиться через Синд и остановиться на окраине Чул-и Хусрау. Эти пределы его величество сделал центром своего могущества и величия и местом своего счастливого лагеря. Эта степь Чул-и Хусрау известна в исторических сочинениях под названием Чул-и Джалали по той причине, что, когда султан Джалладдин Манкубарти убежал от Чингиз-хана, последний отправил в погоню за ним войско. Султан бросился в эту степь и тем спасся от монголов.

На окраину этой степи, на территорию, занятую небоподобным могуществом, направились, чтобы стать проводниками вечно бодрствующего счастья, начальники и раджи гор Джуд. Они надели на шлемы ошейники рабства, положили головы на черту подчинения его величеству, вступили в сферу повиновения ему и постарались выполнить требовавшиеся от них условия предоставления скота для армии, соблюдения обычаев подношения подарков и соблюдения военной службы.

Щедрыми и, как солнце, блистательными милостями и благодеяниями его величества они были осыпаны. Последовали высочайшие приказы, коим повинуются мир, относительно внимательного к ним отношения и соблюдения их интересов, и они, довольные, со спокойной душой, в безопасности и благополучии вернулись на свою родину. Во всяком случае молодое дерево Дружбы и покорности, будучи продуктом собственного преуспевания, принимая великодушную поливку луга верности и искренней службы, приносит в результате счастливый плод. Перед этим в течение нескольких месяцев эмирский сын Рустам Тугайбука «барлас» неоднократно направлялся его величеством с несколькими тысячами кавалерии в направлении Мултана и оставался там по нескольку дней, в результате этого тамошние раджи опоясались поясами покорности и безотлучного пребывания в свите его величества, выполнили причитающуюся с них поставку фуража и продовольствия и проявили отличную готовность служить интересам его величества.

Разумеется, они удостоились достойных и бесценных милостей и беспредельной благосклонности; охранение же прав каждого слуги является одной из обязанностей его величества, счастливого монарха, а наблюдение за службою слуг есть одно из свойств и качеств хаканского двора.

ГЛАВА О ШИХАБАДДИН МУБАРАКЕ ТАМИМИ И О ЕГО ПОКОРНОСТИ И ОСЛУШАНИИ

Дело было такое. Упомянутый Шихабaddin был правителем одной области, расположенной вдоль берега реки Джамда; он много имел подчиненных ему лиц и приближенных, а равно бесчисленное количество орудий, боевых припасов и всякого имущества. Когда принц рода человеческого, отпрыск великого эмира, Пир Мухаммад-

бахадур, достиг перед этим границ Мултана, то Шихабалдин удостоился облобызать его ноги и получить обильные милости, и особенное внимание, и ласковое отношение. Он некоторое время хорошо старался исполнять свои обязанности службы, находясь в свите Пир Мухаммада. Когда же он возвратился к себе, то его голову охватила одурь неповиновения, и эта порочная мысль проложила путь в его мозгу. Он возгордился недоступностью и естественною укрепленностью своей страны, а равно - поддержкою в этом отношении реки. Но на берегу реки небытия он построил свой дом, и как бы вода ни служила причиною жизни, она стерла его с лица земли.

Когда его хаканское величество узнал об ослушании этого злополучного человека, он в пятницу первого числа месяца мухаррама отдал приказ, чтобы эмир Шайх Нураддин-бахадур, облако коня которого, источая дождь крови, делает поле битвы зарослями красных тюльпанов, а форма кинжала которого, как серп, срезает поросль вражеской жизни, с десяти тысячным войском отправился против владения Шихабалдина и своим светлым умом и отменным старанием довел до удовлетворительного исполнения это важное дело. Эмирский сын Шайх Нураддин, повинувшись высочайшему приказу, сопутствуемый всей своей кавалерией быстро, как ветер, облетающий мир, и, как молния, освещающая его, отправился в путь.

К тому времени, когда он достиг подступов к владениям Шихабалдина, последний уже прорыл глубокий ров и воздвиг высокую стену и, укрепившись, начал военные действия. Произошло такое сражение, что и сказать невозможно.

Когда феникс солнца скрылся за горою Каф, а серебристый сокол дня укрылся в гнезде ночного мрака и черный ворон ночи взял под крыло золотое яйцо небосвода, Шихабалдин устроил с одной стороны водного пространства ночное нападение на войско его величества. Произошла жестокая битва, пламя которой высоко поднялось вверх. Эмир Шайх Нураддин произвел жаркие атаки и совершил ряд последовательных храбрых ударов по неприятелю. Войска Шихабалдина, подобно рыбам, выброшенным на берег, затрепетали и, как полузарезанные птицы, уже не увидели для себя никакого спасения. Много их было перебито. Так как высоко поднялся от блеска мечей поток гибели, то не было возможности переплыть его кораблю жизни. Некоторые просто бросились в кроважные волны и, избежав пучины войны и битвы, нашли убежище в водовороте реки. В эту ночь личные пажи его

величества, вроде Мансура, Бивараджа чухра пажа и их братьев, на месте битвы и на поле чести и славы проявили совершеннейшие подвиги воинской доблести и получили ранения саблями и стрелами. Когда его хаканское величество изволил остановиться в районе этой области, он особенно по-царски обласкал раненых и вручил им роскошные платья и другие дорогие подарки. В эту же ночь Шихабaddin со своими подчиненными, собрав двести судов, сел на них и побежал в направлении Уджа, одного из городов Индостана. Эмир Шайх Нураддин во исполнение высочайших распоряжений пустился его преследовать по реке Джамд, в то же время он продолжал воевать и истребил множество индусов. От крови убитых река Инд - как говорится у арабов - превзошла все пределы своего многоводия. Когда суда Шихабаддина приблизились к Мултану, войска принца Пир Мухаммад-бахадур и его эмиров и принца Сулайман-шах-бахадур предприняли против него военную операцию, захватили на реке все суда с неприятелем и отомстили ему саблями. В тот злополучный день Шихабaddin бросил в реку свою жену и ребенка, а сам, спасая свою жизнь от этой ужасной пучины, бросился к берегу. Когда всё это было счастливо завершено и государь освободился от бремени этого тяжелого и важного дела, августейшие знамена, укрепленные победными и неодолимыми корейскими стихами, направились к осуществлению высочайшей цели и заветного желания.

В воскресенье двадцать четвертого числа месяца мухаррама его величество соизволил остановиться на берегу реки Чинара против стен крепости. Охранителем его была божественная милость, проявляемая с утра до вечера в качестве караульного поста побежденного войска, а передовым постом - божественная помощь, с утра до вечера благоприятствующая и доброжелательная ему. Против упомянутой крепости воды рек Джамда и Чинара сливаются вместе и от всплесков их волн наблюдается как бы стечение двух морей и перед проникновенным взором проносится одно из чудес божественного величия. Это река, глубокая и беспредельная, это море, безмерно всё затопляющее, по сравнению с которым реки Тигр и Евфрат кажутся озерами, а Сейхун и Джейхун - родниками.

В среду двадцать седьмого числа того же месяца сплоченные и многочисленные, как муравьи, войсковые части по высочайшему повелению, соответствовавшему предопределению всевышнего Аллаха, навели через эту широкую реку мост, свидетельствующий о

большом усердии, а также о предусмотрительном, солидном, необычайно поразительном и сообразительном уме, являющемся образцом целеустремленности, так что и выдавшее виды око не могло, и представить себе такой мост даже и во сне, в зеркале воображения. Пока вращается блестящее зеркало солнца и луны, никакая энергичная рука не создала бы этого, а что касается прежних государей, то никто из них не оказался в состоянии переправиться через эту глубокую реку, исключая падишаха Тармаширина, который перешел через нее, однако без сооружения моста. Всякое же трудное дело, которое бывает в поле благословенного хаканского зрения, легко делается. Всякое большое предприятие, на которое обращает внимание светозарная мысль его величества, становится осуществленным благодаря мастерской божественного могущества; все великие цели и желания наилегчайшим образом приводятся через это в исполнение. Основание всего этого покоилось на высокой энергии и чистой вере сего счастливого монарха. Когда его величество соизволил переправиться по вышеназванному мосту и зонт балдахина убежища победы своей верхушкой коснулся апогея солнца и луны, он на другой день выступил отсюда. Счастье руководило передовыми частями победоносной армии его величества, а помощь вечного господина поддерживала тыл. Победные знамена остановились на берег